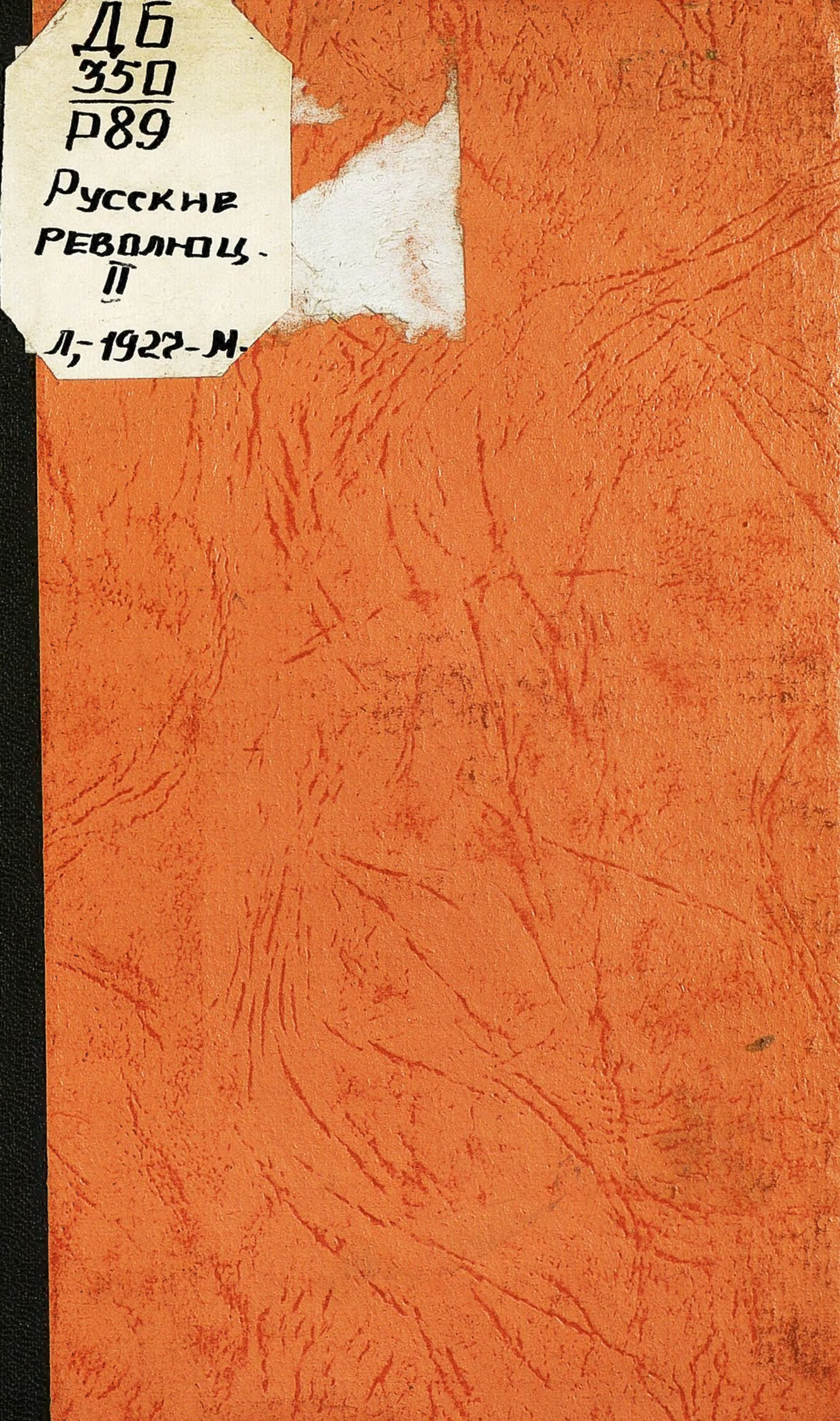

ДБ
350
Р89
Русские
революц.
II
Л.-1927-М.

РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ
КНИГА ДЛЯ ЮНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ
ПОД РЕД. И. СВЕРЧКОВА
ЧАСТЬ II
Д. В. Каракозов
С. Г. Нечаев
В. И. Засулич
П. А. Кропоткин
П. А. Алексеев
С. Н. Халтурин
А. И. Желябов
С. Л. Перовская
Н. А. Морозов
В. Н. Фигнер
ИЗДАТЕЛСТВО ПОЛИТ-КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
МОСКВА 1927

РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

КНИГА ДЛЯ ЮНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

ДОПУЩЕНО ГОСУД. УЧЕНЫМ СОВЕТОМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. СВЕРЧКОВА

II

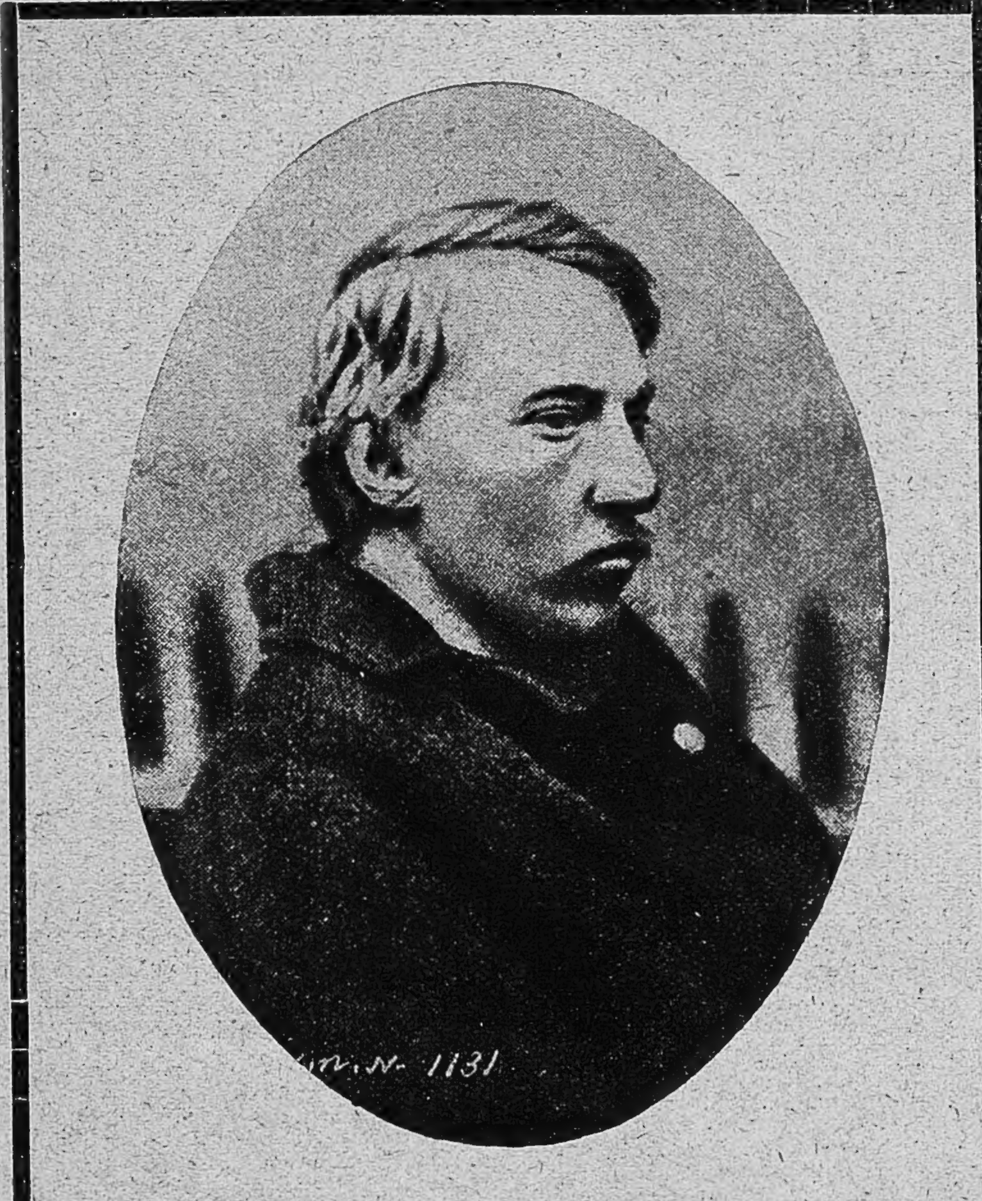
Каракозов, Нечаев, Засулич, Кропоткин, Алексеев, Халтурин, Желябов, Перовская, Морозов, Фигнер.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
ЛЕНИНГРАД — 1927 — МОСКВА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ ТОВ. ЗИНОВЬЕВА
Изд-ства «Ленинградская Правда»
Ленинград, Социалистическая, 14.
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБЛИТ № 27431.
Тираж 6000. 15 л. Зак. № 4237.
1927 г.

Дмитрий Владимирович
Каракозов
1840 — 1866

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАРАКОЗОВ
(1840—1866).

«Если бы у меня было сто жизней, а не одна, если бы народ потребовал, чтобы я все сто жизней принес в жертву народному благу, клянусь всем, что только есть святого, что я ни минуты не поколебался бы принести такую жертву».

Из письма Каракозова к Александру II.

На Александра II было совершено всего 11 покушений (10 в России и 1 за границей).

Начиная с 4 апреля 1866 г., когда было произведено первое покушение, кончая 1 марта 1881 г., когда революционным силам партии «Народной Воли» удалось привести в исполнение убийство Александра II, царь-«освободитель» жил в продолжение 15 лет под постоянным страхом покушений со стороны революционеров.

Для многих современников покушение 4 апреля 1866 г. и даже последующие были непонятны, вызывали возмущение и негодование.

Вступление на престол Александра II и первые годы его царствования были ознаменованы рядом важных и крупных реформ. Общая разруха, в которую повергли Россию 30-летнее правление Николая I и несчастливая Крымская война, была ужасна. Всеобщее возбуждение, охватившее русское общество при вступлении на престол нового царя, было чрезвычайно: все как бы проснулись после долголетней спячки, в которую погрузил их гнет и произвол предыдущего царствования. Это заставило Александра II приступить к крестьянской, судебной и другим реформам.

Новый царь предстал перед своими подданными в виде реформатора, просвещенного, либерального монарха. И радостно взволнованные подданные поверили в искренность и доброжелательство царя. Крестьяне благословляли царя-«освободителя», хотя вскоре же после уничтожения крепостного права поняли, что они обделены землей и повергнуты в прежнюю нищету, а значит и в рабское состояние, но приписывали это исключительно проискам дворян-помещиков. Интеллигенция тоже поверила в искренность царя и готова была работать рука об руку с правительством, готова была признать, что преобразования должны итти сверху. Так думали даже революционно настроенные умы, даже великий рево-

люционер и социалист Герцен. Отуманенный новыми надеждами, он писал царю вскоре после его воцарения (в марте 1855 г.) из своего изгнания:

«Государь, дайте свободу русскому слову. Уму нашему тесно, мысль наша отравляет нашу грудь от недостатка простора. Дайте нам вольную речь... Нам есть, что сказать миру и своим.

«Дайте землю крестьянам, — она и так им принадлежит. Смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братьев — эти страшные следы презрения к человеку! На первый случай нам и этого довольно!»

Правда, восторженное состояние русского общества вскоре прошло. Уже в 63—64 гг., т. е. через 2—3 года после проведения главных преобразований, часть общества разочаровалась в своих ожиданиях, перестала верить в царя «освободителя» и вскоре поняла, что должна итти своим революционным путем. Но так сознательна была небольшая часть общества, главным образом, молодежь, студенчество и литературные круги.

Широкие обывательские круги продолжали оставаться в полном неведении. Для них покушение 4 апреля 1866 г. было подобно раскату грома среди ясного дня. Оно вызвало только взрыв возмущения, негодования. В народе распространялась легенда, что покушение на царя дело рук помещиков, мстящих ему за уничтожение крепостного права; в крестьянстве пошли слухи, что после этого покушения царь приказал отобрать от помещиков все земли и пере-

дать их крестьянам; и крестьяне с нетерпением ожидали землемеров, которые будут делить землю.

В городском населении было такое же возмущение. Даже в некоторых передовых кругах негодовали, и сам Герцен, правда, оторванный от русской действительности, писал «о бесконечно печальных новостях из России». «Выстрел 4 апреля растет не по дням, а по часам в какую-то общую беду и грозит вырасти в еще страшнейшее и еще больше незаслуженное Россией бедствие. Полицейское бешенство достигло чудовищных размеров, темные силы еще выше подняли голову, и испуганный кормчий ведет на всех парусах чинить Россию в такую черную гавань, что при одной мысли о ней цепенеет кровь и кружится голова».

Таким образом тот, кто, жертвуя собой, произвел это первое покушение на царя, был в глазах общества «преступником»; его поступок не был понят, разбудить своим выстрелом народные массы ему не удалось. Но был ли бесцелен или даже вреден для России, как думали тогда многие, поступок этого человека, — это показали дальнейшие события русского революционного движения.

Но кто же был тот, кто первый решил вступить в единоборство с царизмом посредством террора?

Пока покушения на Александра II не сделались систематическими, царь имел обыкновение почти ежедневно запросто, без всякой охраны гулять в Летнем саду. Об этих прогулках знал весь город, и многие

нарочно отправлялись в Летний сад, чтобы посмотреть царя.

4 апреля, как показывали впоследствии очевидцы, среди публики, толпившейся около ворот сада, стоял высокий, угрюмый молодой человек, заложив руку за борт пальто. И в тот момент, когда Александр II, окончив прогулку, направлялся к коляске, неизвестный быстро выхватил пистолет и выстрелил на очень недалеком расстоянии. Выстрел, однако, не достиг цели. Стрелявший, воспользовавшись сумятицей, бросился бежать по набережной. Его, однако, тотчас задержали, обезоружили и, очевидно, пытались с ним расправиться. При этом задержанный сказал: «Дурачье! Ведь я для вас же, а вы не понимаете!»

Задержанного привели к Александру II, и на его вопрос: русский ли он? — неизвестный отвечал утвердительно и, немного помолчав, прибавил: «Ваше величество, вы обидели крестьян». По другим сведениям между ними произошел такой разговор:

— Ты поляк? — спросил Александр II.

— Нет, чисто русский, — ответил задержанный.

— Почему же ты стрелял в меня?

— Потому что ты обманул народ — обещал ему землю, да не дал.

Стрелявший был, по приказанию Александра II, отведен в знаменитое III-е отделение, которое ведало розыском по всем политическим делам. Там он был тщательно обыскан и допрошен, но себя не назвал и никаких сведений о себе не дал. При обыске на нем было найдено письмо без адреса, к какому-то «Николаю

Андреевичу», рукописное воззвание «К друзьям-рабочим», порох, пули и яд в склянке.

Расследование покушения было передано в особую следственную комиссию, учрежденную в начале 60-х годов в виду сильного роста революционного движения и получившую самые широкие полномочия в борьбе с ним. Во главе ее стоял знаменитый своей жестокостью граф Муравьев-«вешатель» или «людоед», как называли его современники. Муравьев выдвинулся еще в начале царствования Николая I. Он управлял Западным краем с такой жестокостью, что его справедливо считали виновником страшной ненависти поляков к России и ко всему русскому; с такой же жестокостью он подавлял вспыхнувшее наконец, в 1863 — 64 г. польское восстание. Муравьев был, конечно, и одним из виднейших вожаков партии крепостников и упорно противился освобождению крестьян.

И вот в руки такого-то человека попал неизвестный, покушавшийся на особу самого царя.

На другой же день после покушения, комиссия приступила к допросу. Допрос продолжался днем и ночью, не давая преступнику отдыха. Священник увещевал его несколько часов, но он упорствовал, не называя ни своего имени, ни своих сообщников. Так продолжалось трое суток, во время которых задержанного непрерывно допрашивали, томили, доводили до полного изнеможения, о чем свидетельствуют официальные донесения. Двое жандармов бессменно дежурили в камере несчастного и, не давая

ему заснуть, трясли его каждые пять минут. Это походило уже на пытку. И все-таки преступник не сдавался, упорно скрывал свое имя и упорно утверждал, что не имел никаких сообщников и действовал совершенно один.

Только случайность помогла раскрыть его личность и выяснить лиц, с которыми он находился в близких отношениях. Содержатель петербургской Знаменской гостиницы сообщил полиции, что какой-то человек, занимавший номер, 3 апреля скрылся и более домой не возвращался. В комнате произвели обыск и нашли шкатулку и изорванный конверт, на котором все же удалось прочесть адрес Николая Андреевича Ишутина, проживавшего в Москве. Ишутин был немедленно арестован вместе со своими несколькими товарищами, жившими с ним. Арестованные были доставлены в Петербург, и здесь Ишутин признал в неизвестном своего двоюродного брата Дмитрия Владимировича Каракозова.

Узнав, что личность его установлена, Каракозов на дальнейших допросах сам уже дал подробные сведения о себе и о своих родственниках.

Он показал, что родился в 1840 г., воспитывался в Пензенской гимназии, потом поступил в Казанский университет, но в том же году был исключен за участие в студенческих беспорядках. Потом он жил у родных в деревне, служил письмоводителем при мировом судье и затем снова поступил в университет, уже Московский, на юридический факультет. Говоря довольно подробно о себе, Каракозов сначала продолжал стоять

на том, что у него не было сообщников, и что его знакомые не только не помогали ему, но даже никто из них не знал об его замысле. Но через некоторое время Каракозов стал давать показание, вредное для двух его петербургских знакомых—Худякова и Кобылина. Он назвал их своими сообщниками. Но непричастность к своему покушению московского кружка он продолжал отстаивать до конца.

Чрезвычайно сдержанный, замкнутый, угрюмый, повидимому, совершенно одинокий (так характеризовали его Ишутин и другие, арестованные в связи с делом 4 апреля), Каракозов на допросах очень мало говорил о своих убеждениях и о причинах, побудивших его на цареубийство, о чем обыкновенно революционеры говорят охотно и подробно. Свой поступок он объяснил болезненным состоянием.

Другие арестованные оказались совсем не стойкими. Они рассказали на допросах о существовании тайного революционного кружка, участником которого был Каракозов, дали и его подробную характеристику, а найденная у него его сочинения прокламация «Друзьям-рабочим» выяснила мировоззрение Каракозова и мотивы его поступка, сделав еще более ясной картину настроения умов того времени. Но раскрывая тайны революционного движения в России, они тоже указывали на то, что покушение было совершено Каракозовым единолично, без участия или одобрения какой бы то ни было организации.

Одним из наиболее ярких явлений русской жизни 60-х годов было студенческое движение. Пока спало русское общество в тяжелую николаевскую эпоху, не замечалось и движения в студенческой среде. Студенты ходили на лекции, слушали профессоров, сдавали экзамены, изредка устраивали скандалы, вызванные бестактностью какого-либо профессора; в лучшем случае образовывали литературные и философские кружки. Политикой студенты не занимались, и студенческие беспорядки не выходили из стен университета.

С вступлением на престол Александра II в университет был открыт более широкий доступ, что сразу же повлияло на изменение социального состава студенчества: место студента-дворянина занял студент-семинарист, студент-разночинец. Общественное возбуждение, так широко разлившееся по всей стране, тотчас отразилось и на настроении студенчества. В студенчестве появляется интерес к общественным делам, а за ним стремление так или иначе участвовать в них. Участие студенчества в общественной жизни выражалось, во-первых, в усиленном росте собственно студенческих организаций: землячеств, библиотек, касс взаимопомощи и т. п. Во-вторых, студенты начали принимать деятельное участие в просветительных организациях: преподавали в бесплатных воскресных школах, устраивали популярные чтения, библиотеки, писали и печатали книжки для народа. Дальше появилось желание непосредственно сблизиться с народом, работать среди крестьян, за-

няться их просвещением, помогать им лучше устроить свою жизнь, сильно изменившуюся после преобразований 61-го г. Это было уже начало того народнического движения — «хождения в народ», которое широкой волной разлилось по России в 70-х годах. Но народничество 70-х годов носило определенно революционный, противоправительственный характер. Молодежь же начала 60-х годов еще верила в возможность совместной работы с правительством.

Только немногие понимали несбыточность этих мечтаний и готовились к активной революционной борьбе. Вскоре сознание, что эта борьба неизбежна, укрепилось в революционно настроенной части общества, разочарованной в своих ожиданиях доброго от правительства. Главные надежды в этой борьбе возлагались на молодежь. «Надежду России составляет народная партия из молодого поколения всех сословий», писал поэт М. Ил. Михайлов, друг Чернышевского, в своей прокламации «К молодому поколению», появившейся в 1861 г.

«Государь обманул ожидания народа и дал ему волю не настоящую, не ту, о которой народ мечтал и какая ему нужна... Но ведь не народ существует для правительства, а правительство для народа... Следовательно, то правительство, которое не понимает народа, не знает его нужд и потребностей, которое, считая себя помещиком, действует исключительно в своекорыстных целях, которое, наконец, презирает народ, им управляемый, недостойно этого народа... И если Романовы не оправдывают надежд

народа — долой их!.. Нам нужен не царь, не император, не помазанник божий... мы хотим иметь главой простого смертного, человека земли, понимающего жизнь и народ, его избравший... нам нужен не император, помазанный маслом в Успенском соборе, а выбранный старшина, получающий за свою службу жалование». По этой прокламации можно судить о том, как растет революционное настроение: мысль переходит от реформ и идеи конституции к идее республиканской.

В следующем 1862 г. появилась прокламация «Молодая Россия», выражающая уже крайние революционные настроения: она призывает не только к немедленной политической, но и к социальной революции. Прокламация выходит из того положения, что «в современном общественном строе все ложно, все нелепо, от религии... до семьи, от узаконения торговли, этого организованного воровства, до признания за разумное положение работника, постоянно истощаемого работою, от которой получает выгоды не он, а капиталист». В политическом же отношении вся Россия разделяется на две противоположные и враждебные партии — партию народа и императорскую, между которыми идет борьба, почти всегда кончавшаяся не в пользу народа. Выход из гнетущего тяжелого положения, губящего современного человека, может быть только один — «революция, революция кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально всё, все без исключения основы современного общества и погу-

бить сторонников современного порядка». Прокламация заканчивается боевым призывом и выражением надежды, что скоро наступит день, «когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком: да здравствует социальная и демократическая республика русская! двинемся на Зимний дворец истребить живущих там»...

Таким образом постепенно студенчество оказалось выдвинутым на роль вожака революционного движения. Университеты начинают откликаться на политические события рядом студенческих беспорядков. Мирные кружки самообразования и просветительской работы переходят на боевую позицию.

Один из наиболее ярких революционных студенческих кружков образовался в 1863 г. из учащихся в Московском университете и Сельскохозяйственной академии. Во главе этого кружка стояли Ишутин, Юрасов, Ермолов, Странден, Загибалов, Мотков и Каракозов — все земляки и товарищи по Пензенской гимназии. Члены кружка получили название «ипатовцев», от фамилии хозяина того дома, где они жили.

Вначале кружок занимался лишь пропагандой социалистических идей среди студенчества, но с 1865 г. кружок, получивший название «Организации», стал на определенный революционный путь. Целью «Организации» стало уничтожение царской власти, захват власти в свои руки, уничтожение крупных землевладельцев и капиталистов и всеобщая революция. После нее в России предполагалось основать управление по образцу Северо-Американских шта-

тов, только на социалистических началах. Пылкой молодежи казалось возможным в близком будущем осуществить эту грандиозную задачу.

Первоначально участникам «Организации» думалось, что социальный переворот может произойти мирно и постепенно, путем устройства производительных товариществ, или производственных мастерских, составленных на артельных началах. В этом они следовали учению Чернышевского, который в то время всецело владел умами молодежи. Члены «Организации» деятельно хлопотали об устройстве в Москве таких мастерских — переплетной и швейных, думали и об устройстве фабрик на артельных началах. Но на ряду с этим они делали попытки перейти к революционной пропаганде. Примером такой пропаганды может служить прокламация, найденная у одного из участников каракозовского дела:

«— Кто заселил и обработал землю?

— Народ!

— Кто отстаивал ее от врагов?

— Народ!

— Кто содержал целую тысячу лет правительство и войско?

— Народ! Следовательно, земля принадлежит народу.

— Владеет ли он ею?

— Нет!

— Кто отнял ее у него?

— Помещики!

— Кто им помогал в этом?

— Правительство!»

Главным устроителем «Организации» и вдохновителем всех ее начинаний был несомненно Ишутин, человек незаурядный, очень деятельный и обладавший способностью подчинять своему влиянию товарищей. Велико было его влияние и на Каракозова. Он был старший в кружке «ипатовцев». Это был человек неискренний, любивший играть роль, готовый пойти и на несовсем чистое дело ради достижения своих целей. Так, например, он проповедывал в кружке, что ради целей революции можно пойти на воровство, грабеж, тайное убийство и т. п. В начале 1866 г. на собрании «Организации» Ишутиным же впервые был поднят вопрос о цареубийстве. Вопрос этот, повидимому, обсуждался не раз. В самом кружке, по мысли Ишутина, образовалось ядро из его основателей (в него вошел и Каракозов), названное «Адом». Предполагалось, что члены «Ада» будут иметь тайный надзор над «Организацией» и по жребию брать на себя исполнение цареубийства.

Исполнить покушение взял на себя Каракозов.

«Характерно, что из участников «Организации» именно Каракозов решил привести в исполнение замысел о цареубийстве. Именно про Каракозова говорили хорошо его знавшие, что он был одним из тех редких людей, у которых дело заменяет слово, и что он никогда не ввязывался в мелкие дела, но где было больше опасности, больше риска, Каракозов являлся первым. Действовал Каракозов зачастую не столько по строго обдуманному намерению, сколько под влиянием мгновенного порыва. Каракозов не

был тщеславным человеком: он действовал под влиянием своей то неподвижной, то бурной натуры; он мало заботился о том, что о нем скажут, и делал только то, что по своим соображениям считал полезным. Благодаря своей манере держаться, Каракозов производил впечатление ненормального, полусумасшедшего человека...

«Однако под этой странной внешностью скрывался человек, глубоко убежденный в правильности своих взглядов, человек необыкновенно стойкий и, может быть, более чем кто-либо из членов «Организации» продумывавший свои мысли. Мы видели уже, как стойко он держался на допросах и говорил что-либо только в том случае, когда видел бесполезность запирательства. Припомним, с каким упорством твердил он, несмотря на непрерывные допросы, продолжавшиеся днем и ночью, что покушение было его единоличным делом и что из его знакомых никто даже не знал о его намерении. В своих показаниях он дал меньше, чем кто-либо для открытия обстоятельств дела, хотя Ишутин, вырабатывавший раньше суровые меры против измены и непослушания, и умолял его в письмах открыть всю правду, чтобы не пострадали невинные, к которым, очевидно, причислял он и себя».

Несомненно, верно то, что Каракозов совершил свое покушение действительно единолично и без ведома кружка, потому что многие его члены были против цареубийства, и сам Ишутин, первый подавший эту мысль, уговаривал Каракозова, может быть

и неискренно, временно отказаться от намеченной задачи. В этом смысле Каракозов действительно не имел сообщников.

Но Каракозов был не такой человек, чтобы отказаться от задуманного. В конце февраля или начале марта 1866 г. Каракозов исчез из Москвы, повидимому, с ведома Ишутина. Обеспокоенные товарищи поехали разыскивать его в Петербург, нашли и убедили вернуться в Москву. Но через несколько дней Каракозов вновь исчез из Москвы, не говоря никому ни слова; а 4 апреля в Петербурге, возле Летнего сада, прогремел выстрел Каракозова.

По окончании следствия, суд над Каракозовым и над другими подсудимыми, привлеченными по делу покушения, затянулся недолго.

Каракозов был приговорен к смертной казни, которая была совершена 3 сентября 1866 г.

Остальные были приговорены к каторжным работам на разные сроки или высланы на поселение в Сибирь.

Угрюмый, замкнутый, необщительный Каракозов редко высказывал свои взгляды. Он был скуп на слова и в товарищеской среде и на допросах.

Но эти его взгляды, побудившие его на цареубийство, ярко выражены в его прокламации «Друзьям-рабочим», найденной у Каракозова при обыске после покушения.

Это воззвание, собственно, обращено не к рабочему классу, как это можно думать по заглавию, а

ко всему трудящемуся населению. Оно распадается на две части. В первой Каракозов выясняет причины тяжелого положения трудящегося народа— крестьян, фабричных и заводских рабочих и ремесленников.

«Почему, спрашивает он, так бедствует простой народ, которым держится вся Россия? Отчего не идут ему впрок его безустанный тяжелый труд, его пот и кровь? Почему рядом с ним в роскошных дворцах живут люди, ничего не делающие, тунеядцы дворяне, чиновная орда и другие богатеи? Как же это случилось? Чего же смотрели наши цари, которые на то и поставлены от народа, чтобы зло уничтожать и заботиться о благе всего народа русского, народа рабочего, а не тунеядцев-богачей?» Но оказывается, что цари-то и есть главные виновники тяжелого положения трудящихся. Чтобы легче обирать народ, они завели чиновников-дворян, а чтобы крестьяне не могли сопротивляться, было устроено постоянное войско. Никогда царь не потянет на мужицкую руку, так как он самый сильный недруг простого народа, самый главный из помещиков. Правда, нынешний царь дал волю крестьянам. Но что это за воля? «Отрезали от помещичьих владений самый малый кусок земли, да и за тот крестьянин должен выплатить большие деньги; а где взять и без того разоренному мужику денег, чтобы выкупить себе землю, которую он испокон века обрабатывал?». «Не поверили крестьяне, что царь их так ловко обманул, стали бунтовать, не хотели прини-

мать воли, а царь послал своих генералов с войсками для наказания ослушников, и стали генералы вешать крестьян да расстреливать». «Присмирели мужички, приняли эту волю-неволю, и стало их житьишко хуже прежнего: за неплатеж откупных денег в казну, за недоимки у крестьянина отымают последнюю лошаденку, последнюю корову, продают скот с аукциона и трудовыми мужицкими деньгами набивают царские карманы».

В таких сильных выражениях характеризует Каракозов тяжелое экономическое положение крестьянства. Но есть ли выход из него? Конечно есть: надо уничтожить царя-помещика, царя-злодея. И Каракозов решается принять на себя этот подвиг, хорошо зная, что ему придется жизнью заплатить за свою попытку. Но это его не смущает: «Удастся мне мой замысел, пишет он, я умру с мыслью, что смертью своей принесу пользу дорогому моему другу русскому мужичку. А не удастся? так все же я верю, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось — им удастся», пророчески заканчивает Каракозов первую часть своего воззвания.

Во второй части воззвания Каракозов широкими, вдохновенными мазками набрасывает светлую картину будущего русского народа, когда он справится со своим главным врагом-царем. Остальные враги, чиновники, вельможи, богатеи, струсят. «Тогда-то настанет настоящая воля: земля будет принадлежать артелям и обществам самих рабочих, капиталы не будут проматываться царем да царскими сановниками:

а будут принадлежать тем же артелям рабочих; на эти капиталы артели будут производить выгодные работы, а доходы будут делиться всеми работниками поровну. Уничтожится бедность, изменится и вся жизнь трудового народа: будет у всех достаток, все будут равны, некому будет завидовать. Счастливо и честно заживет тогда русский рабочий народ, работая только для себя, не для ублаготворения царя и других тунеядцев, падких на мужицкие трудовые гроши».

Интересно, что в прокламации Каракозова хотя и говорится об свержении царя, но ничего не говорится об политическом строе после революции, к которой он призывает народ. Он говорит только о социальном перевороте, а царя рассматривает, как самого главного, большого «помещика», которого надо уничтожить вместе со всеми помещиками. Этот подход к революции чрезвычайно характерен для революционеров 60-х годов. Шестидесятники признавали нужной исключительно только социальную революцию. С этой точки зрения и велась пропаганда, писались почти все прокламации, книжки для народа и т. п.

В таких же ярких, убедительных словах высказал Каракозов еще один раз свои взгляды. Но это была не прокламация для миллионов людей. Эти слова предназначались одному человеку, Александру II, о покушении на которого он так много думал.

Впервые сбросив всю свою сдержанность и замкнутость, Каракозов в длинном письме к Алексан-

дру II, написанном перед самой казнью, с полной откровенностью высказал свои убеждения. Он высказал все, что было им передумано и выстрадано, во имя чего он отдал свою жизнь. Может быть, он надеялся, что его посмертные слова повлияют на царя.

В своем письме Каракозов говорит, что поступок свой он совершил по убеждению в несовершенстве настоящего порядка вещей и из стремления к тому, «чтобы сделать счастливыми огромное большинство людей, жизнь которых проходит в постоянных тяжелых трудах, почти без всякого вознаграждения, в постоянном невежестве, болезнях и всевозможных лишениях, страданиях физических и моральных, преступлениях, грабежах, воровстве».

Каракозов соглашается, что реформы, которые Александр II хотел произвести были задуманы им из желания помочь народу, но они бесполезны. Ни один монарх не имеет ни сил, ни возможности «устранить то бедственное положение рабочего класса, которое было, есть и будет до тех пор, пока не падет совершенно существующий экономический порядок и установятся прочные поземельные отношения, основанные на равном разделе земель и равномерном вознаграждении за труд»,—пишет Каракозов царю.

И дальше он пишет, что не жалеет своей жизни, потому что верит и чувствует, что покушение 4 апреля только начало, и что «скоро придет время, когда никакие в мире законы, ни государи не будут в состоянии удержать порывы народного гнева и злобы, вследствие накопившихся в душе народа бед и горя,

вследствие сознания несправедливости такого порядка вещей, при котором у рабочего отнимается заработанный им лишний кусок хлеба, который идет в пользу лиц, не принимавших никакого участия в труде для увеличения народного богатства и благосостояния. Где бы ни вспыхнуло рабочее движение: в Англии, Франции, или Германии или, наконец, у нас в России, — пророчески заявляет Каракозов, — оно, как пламя, охватит всю Европу пожаром».

Каракозов уверен, что поступок его вызовет подражание, и что «время от времени будут являться личности, которые будут жертвовать своею жизнью для того, чтобы показать народу, что его дело правое».

«Относительно же себя, — пишет он дальше, — я могу сказать, что если бы у меня было сто жизней, а не одна, и если бы народ потребовал, чтобы я все сто жизней принес в жертву народному благу, клянусь, государь, всем, что только есть святого, что я ни минуты не поколебался бы принести такую жертву».

Так кончает Каракозов свое последнее в жизни письмо.

После покушения Каракозова правительство круто повернуло на путь реакции. Александр II окончательно сбросил с себя маску либерализма и объявил беспощадную войну русской общественности.

«Но если 4 апреля 1866 г. должно было считать поворотным пунктом правительственной деятельности, то таковым же можно назвать его и в истории рус-

ского революционного движения. Покушение Каракозова имело огромное влияние на дальнейшее его развитие, так как было первым шагом от слов к делу».

Следующее крупное дело — нечаевское — тесно связано с московской «Организацией»; идея Каракозова, видоизменившись, проводилась в жизнь нашими активными народниками 70-х гг.; невидимые нити связывают, наконец, Каракозова с деятелями партии «Народной Воли», продолжавшими его дело.

Правда, многие погибли, подобно Каракозову, на виселице, многие сгнили заживо на каторге, подобно его товарищам; многое пришлось перенести русскому народу, который так горячо любил и которому так баззаветно верил Каракозов. Но, наконец, настало и то время, когда никто и ничто не смогло остановить «порывов народного гнева и злобы» и когда вспыхнувшее пламя первой рабочей революции, о которой мечтал Каракозов, «как пожаром охватило Европу».

1. Каковы наиболее яркие черты Каракозова, как революционера?

2. Какой класс становится руководителем русского революционного движения в 60-е годы?

УЗНИКУ [1].

Из стен тюрьмы, из стен неволи,
Мы братский шлем тебе привет,
Пусть облегчит в час злобной доли
Тебя он, наш родной поэт!
Проклятым гнетом самовластья
Нам не дано тебя обнять
И дань любви, и дань участья
Тебе, учитель наш, воздать.
Но день придет, и на свободе
Мы про тебя расскажем все,
Расскажем в русском мы народе,
Как ты страдал, из-за него.
Да, сеял доброе ты семя,
Вещал ты слово правды нам.
Верь, — плод взойдет, и наше время
Отмстит сторицею врагам.
И разорвет позора цепи,
Сорвет с чела ярмо раба
И призовет из снежной степи
Сынов народа и тебя.

---

[1]) Это стихотворение отправлено было сосланному на каторжные работы в Сибирь поэту М. И. Михайлову студентами, заключенными в Петропавловскую крепость.

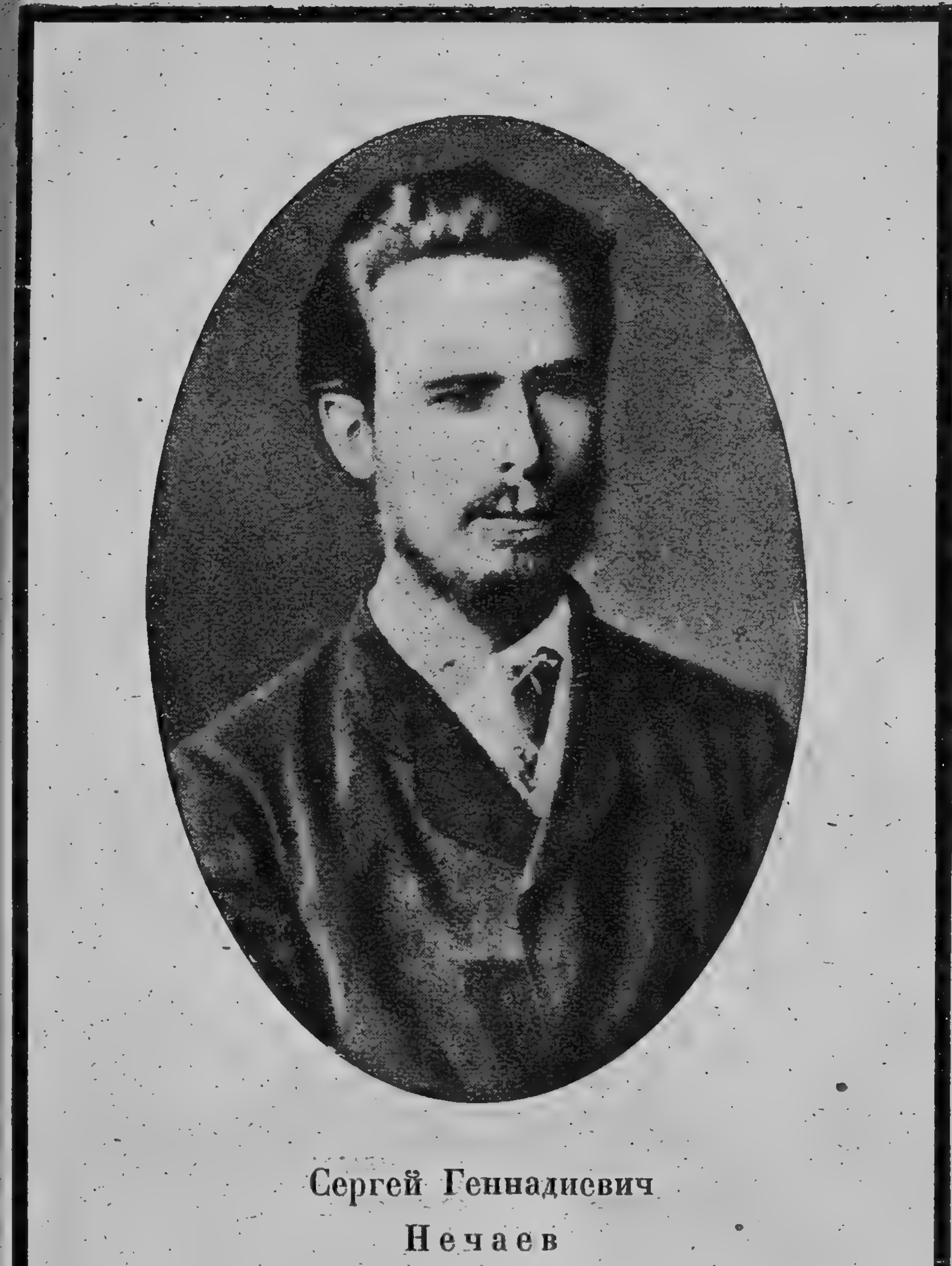
ОТВЕТ СТУДЕНТАМ [1]).

Крепко, дружно вас в объятья
Всех бы, братья, заключил,
И надежды, и проклятья
С вами, братья, разделил.
Но тупая сила злобы
Вон из братского кружка
Гонит в снежные сугробы,
В тьму и холод рудника.
Но и там, на зло гоненью,
Веру лучшую мою
В молодое поколенье
Свято в сердце сохраню.
В безотрадной мгле изгнанья
Твердо буду света ждать
И в душе одно желанье,
Как молитву повторять:
Будь борьба успешней ваша,
Встреть в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая нас!..

М. Михайлов.

---

[1]) Это стихотворение М. И. Михайлов послал студентам, сидевшим в тюрьме и приславшим ему приветственное стихотворение под заглавием «Узнику».

Сергей Геннадиевич
Нечаев
1848—1883

СЕРГЕЙ ГЕННАДИЕВИЧ НЕЧАЕВ
(1848—1883).

«Революционер» человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым, исключительным интересом, единой мыслью, единой страстью — революцией.»

Нечаев.
«Революционный катехизис».

Сергей Геннадиевич Нечаев, мещанин города Шуи, родился в 1848 году. Он был сыном дворового человека графа Шереметева. Впервые его имя упоминается в 1866 году, когда он, 18-летним юношей, участвовал в одном из самообразовательных и вместе революционных кружков московской молодежи. Вскоре после того он переехал в Петербург, где поступил вольнослушателем в университет, одновременно состоя преподавателем народного училища. Эти годы (вторая половина 60-х годов) отмечены в обеих столицах, а отчасти и других университетских городах России, полосой широких студенческих волнений. Волнения эти отчасти

являлись отражением общего революционного движения, отчасти же имели почвой неудовлетворенность специально-студенческих интересов: правительство препятствовало стремлениям студенчества к объединению и взаимопомощи. Сообразно с этим наблюдались и две струи: более радикальная часть студентов стремилась только к использованию академических причин недовольства в обще-революционных целях, тогда как более умеренная всячески старалась добиться хоть какого-нибудь улучшения положения студенчества. Правительство отвечало одинаковыми репрессиями — исключениями, тюрьмами, ссылками на всякие проявления студенческой жизни, тем самым, конечно, только революционизируя студенчество.

Нечаев очень скоро по своем приезде в Петербург (1866) проник в студенческие кружки и примкнул к радикально-настроенному студенчеству. В споре студенчества о том, можно ли заниматься наукой, когда народ страдает от угнетения и темноты, Нечаев, вместе с Бакуниным, обратившимся к студентам со специальным воззванием, стал определенно на враждебную науке точку зрения: «Всякий честный человек должен бросить ученье и итти в народ, чтобы быть ему полезным; развития для этого не нужно; нужно только желание помочь народу, потому что есть люди более развитые, которые уж будут управлять действиями менее развитых». Поднявши студентов, Нечаев надеялся через их посредство поднять и народ и руководить им.

Хотя студенческое движение началось и развивалось вначале вне влияния Нечаева, но именно он поставил себе решительной целью придачу ему исключительно политической окраски. Хотя влияние его очень быстро возрастало, он понимал, что для возглавления движения ему не хватает широкой популярности, имени. С этой целью Нечаев решил отправиться за-границу и заручиться благословением издателей «Колокола» (Герцена и Огарева) и Бакунина. А для того, чтобы явиться за-границей не простым студентом, а уже некоторой политической величиной и такую же репутацию оставить за собою здесь, Нечаев прибег к очень искусной мистификации. Ему удалось распространить слух о собственном аресте и двойном удачном побеге. Так что, когда ему удалось по чужому паспорту вполне легально попасть за-границу, он обратился к студентам с прокламацией, рассказывающей об аресте и побегах, обещающей издалека не бросать общего дела и призывавшей к тому же товарищей. За-границей Нечаеву удалось совершенно очаровать Бакунина и отчасти Огарева. Герцен отнесся к нему с самого начала отрицательно. Все же Нечаев, при посредстве Огарева и Бакунина, получил в свое распоряжение хранившийся у Герцена на революционные нужды денежный фонд — пожертвование некоего Бахметьева, пропавшего без вести.

На эти средства Нечаев приступил к организации революционного общества и журнала «Народная расправа», целью которых была подготовка и пропаганда социальной революции — разрушения. Это была про-

грамма Бакунина, находившегося в то время в близких отношениях с Нечаевым и даже участвовавшего в «Народной расправе». В № 1 этого листка была помещена руководящая статья, объясняющая цели организации и издания и дававшая целую систему немедленных действий по уничтожению государства в виде ряда политических убийств наиболее вредных правительственных деятелей.

Находясь за-границей, Нечаев выработал так называемые «Правила организации» (иначе называемые «Катехизисом революционера»). В настоящее время можно считать доказанным, что автором этого «Катехизиса» был собственно Бакунин. Но это произведение, хотя и написанное другим лицом, было самым лучшим выражением революционного миропонимания Нечаева. Он и Бакунина заразил своей пламенной энергией. Для понимания деяний Нечаева необходимо представлять суть того, что говорится в «Правилах организации».

Революционера Нечаев называет обреченным человеком. Все в нем поглощено единой страстью — революцией; он не имеет ни собственности, ни даже имени; все его дела, чувства, привязанности связаны с революцией.

Революционер должен разорвать всякую связь со старым миром. К этому миру, со всей его культурой, с его моралью, наукой и искусством, у революционера может быть только одно отношение — ненависть. Беспощадное разрушение этого мира — единственная задача революционера.

Для революционера нравственно все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему. Другой морали революционер не знает.

Революционер должен быть готов каждую минуту сам погибнуть и погубить своими руками все, что препятствует его цели.

С целью беспощадного разрушения революционер должен жить в обществе, притворяясь не тем, что он есть. Он должен, принимая то или иное обличье, проникнуть всюду — в купеческую лавку, в политические кружки, в светское общество, в военную и чиновничью среду и т. п. В привилегированном обществе революционеры одних лиц обрекают полному уничтожению, других стараются использовать, запутав их различными способами, завладев их тайнами, сделав их своими рабами.

Революционер стремится к полнейшему освобождению и счастью народа, т.-е. чернорабочего люда. Но так как это освобождение возможно только после всесокрушающей народной революции, революционеры должны всячески способствовать развитию тех зол и бедствий, которые должны вывести народ из терпения и заставить его взяться за страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

Сближаясь с народом, революционеры должны прежде всего соединиться с диким разбойным миром — единственно и истинно революционным в России.

Возвратясь в Россию, Нечаев немедленно приступил к организации тайного революционного сообщества по плану, изложенному в «Правилах». При этом он всюду заявлял себя представителем тайной международной организации, а также Интернационала. Согласно соответственным §§ своих «Правил», он начал организовывать «пятерки» первой, второй и так далее степеней так что очень скоро получилась весьма разветвленная и разбросанная по разным местам России сеть.

Сам Нечаев властно, по-диктаторски распоряжался всеми этими кружками. При этом он старался об окружении своей личности наибольшим фантастическим ореолом: одним открывал свое настоящее лицо, другим называл себя различными вымышленными именами, как Павлов, Иван Петрович, офицер Панин, № 2664. Последнее, т.-е. условное наименование друг друга не по фамилиям, а по номерам, было вообще принято во всей организации. Общее название последней было «Народная расправа» или «Общество топора». Всех членов общества Нечаев уверял, что оно является «Отделом всемирного революционного союза». Центром деятельности была Москва, но ответвления шли в Петербург, Тулу, Иваново-Вознесенск и др. города, захватывая представителей самых разнообразных общественных классов.

Заботясь об авторитете организации и своем собственном, как ее вождя, Нечаев распространял всевозможные слухи о своих подвигах за-границей и

в Сибири, о размерах организации, будто бы охватившей всю Россию и возглавляемой высшим революционным комитетом, в котором участвует он сам вместе с Бакуниным и Огаревым. Всякий, кто посмел бы усомниться в величии организации и ее диктатора, подлежал бы, как враг революции, уничтожению, согласно «Правилам организации». В таком положении оказался член первого кружка («пятерки») студент Иванов, усомнившийся в значении личности Нечаева и мощности организации. Эти сомнения, если бы они распространились, могли быть очень вредны для планов Нечаева, в виду чего последний добился от «пятерки» согласия на убийство Иванова, как возможного предателя. Убийство было совершено членами партии во главе с Нечаевым осенью 69-го года в парке Петровско-Разумовской Академии под Москвой. Иванова задушили, а труп его бросили в пруд. Убийцам все-таки не удалось скрыть концы в воду, и все дело открылось, а с ним была обнаружена и организация настолько большая, что к суду было привлечено 87 лиц, осужденных за участие в тайном революционном обществе к ссылке на поселение и тюремному заключению на разные сроки. Кроме того, четыре человека были приговорены за убийство Иванова к каторжным работам.

Сам Нечаев на процессе не фигурировал, потому что ему удалось бежать в Швейцарию. В России он оставил после себя озлобление своих недавних единомышленников и разочарование тех, кто верил в могущество «Народной расправы» и близость революции.

Последнее обстоятельство сильно понизило также шансы Нечаева в эмиграции. Он уже не мог больше выступать в роли диктатора могущественной конспиративной организации, подготовившей революцию. Процесс «нечаевцев» и рассказы прибывших из России показывали отсутствие сильного революционного движения и гораздо более скромные размеры нечаевской организации, к тому же разгромленной. Вместе с тем пришли известия об убийстве студента Иванова и участии в нем Нечаева. Все это отшатнуло от него даже тех, кто особенно его поддерживал раньше. Среди них был и Бакунин, который не мог примириться со способом действий Нечаева, хотя и отдавал должное его неутомимой революционной энергии и железной воле, подчиняющей ему всех встречавшихся людей, в том числе и самого Бакунина. По отношению к последнему Нечаев проявил ту же тактику, рекомендуемую «Правилами»: он все время обманывал его, выкрал у него пачку писем, наконец сделал его невольным участником шантажа: когда надо было Бакунина освободить от предпринятого им перевода 1-го тома «Капитала» Маркса, Нечаев послал издателю анонимное письмо, угрожая смертью, если тот осмелится требовать перевода или возвращения полученного Бакуниным аванса. Все это дело было открыто и послужило, на ряду с другими, одним из поводов к исключению Бакунина из Интернационала. Последовавший вскоре между Бакуниным и Нечаевым разрыв был особенно вреден для последнего, действовавшего, главным образом, Бакунинским име-

нем. Для Нечаева приходили черные дни, тем более, что и материальное положение его было тяжелым.

В это время русское правительство, узнав о месте пребывания Нечаева, потребовало от Швейцарии его выдачи, как уголовного преступника. Эта выдача и произошла, при чем Нечаев был арестован при помощи одного предателя, эмигранта-поляка Стемпковского. Нечаев был выдан России при условии, чтобы его судили как простого убийцу Иванова, не касаясь политической деятельности. Это произошло в конце 1872 г., а в январе 1873 г. Нечаев предстал перед судом. На суде он держался чрезвычайно вызывающе, отказывался признать законным суд, восклицал, что не признает себя рабом русского деспота (царя), приветствовал земский собор. От защитника Нечаев отказался, считая себя неподсудным русскому суду и признавая свое преступление политическим, на вопросы суда не отвечал и говорил сидя и проч. Выслушав приговор суда о ссылке его в каторжные работы на 20 лет с последующим пожизненным поселением в Сибири, Нечаев ушел из залы суда с криком: «Да здравствует собор! Долой деспотизм!»

Однако, в каторжные работы Нечаев не был отправлен. Кружным путем и с величайшей таинственностью его доставили в Петербург и заточили в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Казалось бы, все окончено. Но, закованный в цепи, похороненный в каменном мешке, совершенно отрезанный от внешнего мира, настолько, что никто

долго даже не знал о его местопребывании, Нечаев не потерял своей железной энергии и ни перед чем не останавливающейся изобретательности.

Спустя три года после своего заточения он подал министру юстиции формальное заявление о пересмотре своего дела, которое он считал веденным с нарушением законов, и о том же просил Александра II. А по вступлении на престол Александра III, обращался к нему. Первый из этих документов дошел до нас. В нем Нечаев рассказывает о тех притеснениях, каким подвергались он и другие заключенные равелина, о том, как он два года пролежал на полу каземата, закованный в цепи и прикованный цепью к стене, как его неделями не выводили на прогулку, закрыли крошечное окошечко у потолка, чтобы лишить его вида неба, как к нему приходили с предложением выдать товарищей и тем улучшить свою участь, в ответ на что он дал пощечину генералу Потапову, и многое другое.

Все, что претерпел Нечаев, не сломило его духа. Он старался действовать на своих надзирателей и достиг результатов, которым и сейчас трудно поверить. Он заговаривал с ними. Они молчали, не имея права говорить с заключенным. Но он не унимался: «Молчишь?.. Тебе запрещено говорить? Да ты знаешь ли, друг, за что я сижу?.. Вот судьба! вот будь честным человеком! за них же, за его же отцов и погубишь свою жизнь, а заберут тебя, да на цепь посадят и этого же дурака к тебе приставят. И стережет он тебя лучше собаки, Уж действи-

тельно, не люди вы, а скоты несмысленные...» Если солдат не выдерживал и бормотал что-нибудь в ответ о долге, присяге и проч., Нечаеву только того и надо было. Он начинал страстную проповедь на тему о царе, народе, долге и пр. Солдат уходил смущенный, растроганный.

Это началось через несколько лет после заточения, когда с него сняли цепи и перестали свыше требовать исключительно бдительного отношения к узнику. Нечаев начал подчинять своему влиянию тюремщиков. Сперва он добился права получать в камеру письменные принадлежности и книги. имевшиеся в равелине в изобилии. Потом потребовал выписки новых, когда ему в этом отказали, едва не заморил себя голодом, но настоял на своем. Тогда он смог вести правильную жизнь, распределив весь день между гимнастикой, чтением и писанием. Здоровье его стало поправляться, и в нем начали пробуждаться разные планы, один другого шире. Прежде всего надо было подчинить своему влиянию сторожей. Для этого он прибегал ко всяческим приемам. Кроме непосредственной агитации, он старался произвести на них впечатление. Для этого поводом служила уже исключительная строгость его заточения, которую Нечаев старался объяснить своим особым положением при дворе, разными интригами. Когда с него сняли цепи, он внушил тюремщикам убеждение, что его облегчение было вызвано заступничеством наследника (Александра III), будто бы стоявшего за Нечаева. Обладая удивительной па-

мятью и сообразительностью, он путем постоянных расспросов в совершенстве достиг знания расположения и всех подробностей устройства крепости, до личной жизни всех сторожей включительно. Этим знанием он тоже пользовался для подчинения своему влиянию охранявших его. Всякое улучшение его участи он объяснял сторожам влиянием благоприятной ему партии наследника.

Мало-по-малу, особенно к тому времени, когда положение его улучшилось и разговор с ним уже не составлял особого преступления, это влияние на тюремщиков достигло чрезвычайной степени. Его не только считали важной особой, не только уважали и боялись, но нередко трогательно любили. Некоторые из солдат, например, старались чем-нибудь ему угодить, покупая ему на свой счет что-нибудь из пищи или газету и называя его «наш орел». После покушения Соловьева (1879 г.) на Александра II, которое Нечаев приписывал партии наследника, предсказывая новые покушения, он стал доказывать сторожам, что у него уже есть сношения с внешним миром и предложил им помогать ему в этих сношениях. А так как он продолжал придерживаться строжайшей конспирации, то первый сторож, согласившийся передать записку Нечаева, был убежден, что он является единственным, оказавшим ему эту услугу.

В это время действовала социально-революционная партия «Народной Воли», которая путем организованных террористических актов хотела свалить самодержавие. Поэтому члены «Народной Воли» все

силы своего ума и изобретательности направляли на выискиванье способа произвести покушение на главу правительства — царя; они считали, что когда император будет убит — царизм падет сам собой, и тогда можно будет строить новую жизнь народа. Нечаев знал о существовании партии «Народной Воли» и пытался именно с ней завести из крепости свои сношения.

В конце 1880 г. в равелин был посажен С. Ширяев, один из членов партии «Народной Воли». Присмотревшись к нему, Нечаев открыл ему часть своей, как он выражался, организации и свои планы. Планы эти были поистине грандиозны и не ограничивались побегом. Основываясь на своем изумительном знании крепости, ее расположения, состава войск и начальства и проч., Нечаев, рассчитывая распропагандировать достаточное число вполне преданных лиц из служебного персонала крепости, предлагал в какой-либо день года, когда вся царская семья будет на богослужении в Петропавловском соборе, овладеть всей крепостью, арестовать царя и провозгласить царем наследника. Ширяев, хотя и очарованный силой и энергией Нечаева, этого фантастического плана не одобрил, но нашел возможность вступить в сношения с Исполнительным Комитетом партии «Народной Воли». Вступив в сношения с Исполнительным Комитетом, Нечаев критиковал его действия (он упрекал народовольцев в пренебрежении внешней стороной, производимым впечатлением, в излишней скромности и добросовестности), но в общем отно-

сился к народовольцам с большим уважением, особенно ценил Желябова.

Не будучи в силах, в виду своего заключения, активно влиять на дела Исполнительного Комитета, Нечаев предложил ему однажды целый широко задуманный план действий. Он предлагал поднять всеобщий бунт при помощи подложных манифестов. В одном говорилось о возвращении крепостного права, удлинении солдатской службы, разорении старообрядческих молелен и пр. Одновременно должен был быть разослан секретный (с расчетом, что по-этому именно он получит наибольшую огласку) манифест духовенству о том, чтобы оно воссылало молитвы о выздоровлении сошедшего с ума наследника. Когда почва была бы подготовлена, предполагалось разослать манифест от тайного великого земского собора всей России ко всем сословиям. В манифесте объявлялось, что царя уже нет, он убит, а наследник сошел с ума, что собор решил произвести передел земли и освободить солдат от службы. Предлагалось манифест развозить по селам и всюду по получении его сбирать сходы, приступая к переделу земли, отрешению от должностей всех волостных старшин, писарей и проч., а на место их приводить к присяге выборных добросовестных людей. Всех помещиков, оказывающих сопротивление, приводить на сход и творить над ними строгую и короткую расправу. Манифест, очень длинный и подробный, кончался «Быть по сему». Кроме того был еще выработан манифест к войскам. Вообще весь план был

очень тщательно обдуман. Исполнительный Комитет не принял этих планов, доказывая Нечаеву опасность такого обмана, допустимого еще в самый момент восстания, но никак не в период накопления сил, когда шарлатанство могло быть только вредно, уничтожая всякое воодушевление. Нечаев с этим не мог согласиться: он слишком верил в близость всеобщего революционного взрыва и слишком надеялся на свое необычайное личное уменье группировать и направлять людей по своему желанию.

Не соглашаясь с планами Нечаева, Исполнительный Комитет решил во всяком случае сделать попытку освободить его и Ширяева из крепости. Но в это время усиленно готовилось покушение на Александра II. Оставить начатое было невозможно, а на два предприятия сразу у народовольцев не хватало сил. Попытку побега приходилось отложить до весны. В этом смысле Исполнительный Комитет и послал извещение Нечаеву. Нечаев мужественно покорился необходимости, хотя, вероятно, понимал, что отсрочка делает побег неосуществимым.

И, действительно, после 1 марта 1881 г. в крепости настолько усилились строгости, что нельзя было и думать о побеге. Положение еще ухудшилось, когда в связи с арестами народовольцев были обнаружены сношения Нечаева с волей. Это произошло в начале 1882 года. На суде над распропагандированными солдатами равелина, при посредстве которых Нечаев вступил в сношение с «Народной Волей», выяснилось, насколько Нечаев подчинил себе

чуть не весь гарнизон равелина. Двадцать пять человек, не исключая смотрителя, были признаны виновными и приговорены к разным наказаниям, преимущественно к отдаче в дисциплинарные батальоны. После этого весь режим крепости был изменен, и заключение Нечаева обставлено такими строгостями, что посаженные туда новые узники даже не подозревали о существовании его в стенах крепости.

Тяжелые условия нового режима, продолжительность одиночного заточения (Нечаев сидел уже 10 лет) с постоянной борьбой и лихорадочной конспирацией, а может быть более всего — утрата последней надежды, подорвали, наконец, силы Нечаева. У него обострилась чахотка, и он умер 21 ноября 1882 года так тихо, что этого даже не заметила стерегшая его стража.

Так прошла эта беспримерная жизнь, вся посвященная одной идее. Нечаев в точности осуществил слова своего «катехизиса» о революционере, как обреченном человеке. У него не было никаких других чувств и стремлений, кроме революции, для достижении которой он не останавливался ни перед чем, будь то хотя простое убийство, всяческая ложь, обман и кража. Это же одушевление дало ему силы бороться и в заключении в продолжение долгих лет.

Соответствует ли облик самого Нечаева облик того революционера, какого он обрисовал в своем «Катехизисе»?

«СЛУ—ШАЙ».

Как дело измены, как совесть тирана
Осенняя ночка черна...
Черней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.
Кругом часовые шагают лениво;
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу—шай!..

Хоть плотны высокие стены ограды,
Железные крепки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиков взгляды,
И всюду сверкают штыки,
Хоть тихо внутри, но тюрьма не кладбище,
И ты, часовой, не плошай:
Не верь тишине, берегися, дружище!
— Слу—шай!..

Вот узник вверху, за решеткой железной
Стоит, прислонившись к окну,
И взор устремил он вглубь ночи беззвездной,
Весь словно впился в тишину...
Ни звука!.. Порой лишь собака зальется,
Да крикнет сова невзначай,
Да мерно внизу под окном раздается:
— Слу—шай!..

«Не дни и не месяцы — долгие годы
В тюрьме осужден я страдать,
А бедное сердце так жаждет свободы,
Нет, дольше не в силах я ждать!..
Здесь штык или пуля, — там воля святая,
Эх, черная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная!..
— Слу—шай!..

Чу!.. шелест... Вот кто-то упал... приподнялся...
И два раза щелкнул курок...
«Кто идет?..» Тень мелькнула, — и выстрел раздался,
И ожил мгновенно острог.
Огни замелькали, забегали люди...
«Прощай жизнь, свобода, прощай!»
Прорвалося стоном из раненой груди...
— Слу — шай!..

И снова все тихо... — На небе несмело
Луна показалась на миг,
И словно сквозь слезы, из туч поглядела
И скрыла заплаканный лик...
Внизу ж часовые шагают лениво;
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу — шай!..

И. Гольц-Миллер.

Вера Ивановна
Засулич
1851 — 1919

ВЕРА ИВАНОВНА ЗАСУЛИЧ
(1851—1919).

«Но где, скажи, когда
была без жертв искуп-
лена свобода?»

Рылеев.

В. И. Засулич — первая русская террористка в 70-е годы. В то же время она — одна из первых русских социал-демократок. Она сделалась террористкой, будучи противницей террора. Она стала деятельным членом новой нарождающейся русской революционной партии, решившей впоследствии весь ход русского революционного движения, будучи в продолжение многих лет типичной народницей.

В. И. Засулич была скромной и застенчивой женщиной, стремившейся всегда оставаться в тени. А между тем ее жизнь сложилась так, что она заняла место в рядах наиболее видных революционных борцов, а ее имя получило громкую известность и в свое время привлекало к себе внимание не только всей России, но и всей Европы.

В. И. Засулич происходила из скромной и небогатой военной семьи. У нее была состоятельная родня,

но сама она с юности начала работать и жить на свой заработок. К этому побуждала ее овладевшая ею с юных лет революционная настроенность, еще неопределенная и неясная, но отражавшаяся в ее поступках. «Еще до революционных мечтаний, даже до пансиона, я строила глупые планы, как бы мне избавиться от этого» (т.-е. не стать гувернанткой), пишет Вера Засулич в своих записках. «Мальчику в моем положении было бы, конечно, гораздо легче. Для его планов будущего широкий простор...» Вскоре неопределенные мечтания о широком просторе вообще переходят в более определенные мечты о свободе, о борьбе за народ, о революции.

«И вот этот далекий призрак революции сравнял меня с мальчиком: я могла мечтать о «деле» о «подвигах», о «великой борьбе» «в стане погибающих за великое дело любви». Я жадно ловила все подобные слова в стихах, в старинных песнях..., находила их у своего любимого Лермонтова и, конечно, у Некрасова. Откуда-то попалась мне «Исповедь Наливайки» Рылеева, и стала одной из главных моих святынь. И судьба Рылеева была мне известна. И всюду, всегда все героическое, вся эта борьба, восстание было связано с гибелью, страданием».

Вот какие мысли бродили в голове Веры Засулич в ее отроческие годы, а в 17 лет началась в действительности ее революционная карьера, и ей пришлось столкнуться и с борьбой, и с подвигом, и с страданием.

Получив воспитание в московском пансионе, Вера Засулич кончила его в 1867 г. и поступила на место

писца к мировому судье в городе Серпухове. Вскоре она переехала в Петербург и поступила в школу, подготовляющую народных учителей. В то же время она работала в переплетной и содержала на этот заработок и себя, и свою старушку мать.

В школе Засулич случайно познакомилась со студентом Нечаевым, имя которого, как известного революционера, вскоре прогремело на всю Россию. Но в ту пору ни Засулич, ни кто другой не знали еще о его грандиозных замыслах, хотя он уже играл некоторую роль в студенческих волнениях и пользовался среди студентов известным авторитетом. Чрезвычайно умный и хорошо разбиравшийся в людях, Нечаев после первого же разговора с Верой понял, что из этой девушки с сдержанным, замкнутым, но страстным характером может выработаться настоящий революционер. Он угадал в скромной, застенчивой Засулич сильную волю, напряженно работающую мысль, скрытый огонь, мятежный дух — все черты типичного революционера, и употреблял все усилия, чтобы привлечь ее к своему делу. Нечаев заводил с Засулич беседы на революционные темы, решился даже отчасти открыть ей свои планы революции в России, убеждал ее уехать с ним за-границу для того, чтобы завязать там сношения с эмигрантами. Этот революционер-фанатик, не останавливающийся ни перед чем ради дела революции, производил на людей неотразимое впечатление и легко подчинял их своей воле. Нечаеву не удалось все же немедленно увлечь за собой Засулич, как это часто ему уда-

валось с другими. Но во всяком случае эти беседы, по собственному признанию Засулич, заставляли сильнее работать ее мысль и воображение. Хотя ей казалось невероятной возможность близкой революции, она невольно отдавалась мыслям о ней... «Я видела, что он говорит очень серьезно, что это не болтовня о революции, он будет делать и может делать — ведь верховодит же он над студентами?» А мысль работала дальше и уже связывала саму ее, Веру Засулич, с делом революции: «Служить революции величайшее счастье, о котором я только смею мечтать»...

Вера Засулич не пошла за Нечаевым, но все-таки без колебаний дала ему свой адрес и согласилась получать на свое имя для него письма, а также принимала от него другие и передавала по разным адресам.

Знакомство с Нечаевым оказалось роковым для Веры Засулич. В 1869 г. она была арестована в связи с его делом (в связи с Нечаевским делом было арестовано множество лиц, из которых многие, подобно Засулич, в сущности совершенно не были замешаны и едва знали самого Нечаева). Результатом этого ареста было то, что Засулич была лишена свободы целых два года. Она просидела год в Литовском замке и год в Петропавловской крепости.

Можно себе представить, как провела Вера Засулич эти два лучшие года своей жизни (ей было всего 18 лет, когда она лишилась свободы) в мрачных тюремных казематах. Она много перестрадала, много передумала. За эти два года Вера Засулич созрела

политически. Неясная революционная настроенность ранней юности превратилась в сознательную революционную убежденность. Смутные порывы к подвигу, самопожертвованию, к любви и дружбе вылились в беззаветную любовь ко всякому, кто, подобно ей, принужден был влачить несчастную жизнь узника или находящегося под постоянным подозрением в политическом преступлении. Политический арестант, кто бы он ни был, стал ей товарищем, братом. Тюрьма была истинной школой для ее ума и сердца, и вся дальнейшая линия ее поведения основана на том опыте, на тех переживаниях, которые она вынесла из этой суровой школы.

Два года кончились, и Веру Засулич выпустили из крепости, не найдя даже никакого основания предать ее суду.

Прошло 10 счастливых дней свободы, отдыха, свиданий с родными и друзьями. И вдруг новый арест, пересыльная тюрьма и отправка в сопровождении двух жандармов в ссылку, в город Крестцы. В Крестцах Засулич оставили жить на свободе, она должна была только раз в неделю являться в полицейское управление. Но эта жизнь на так называемой свободе была очень тяжела: не было возможности найти себе ни занятий, ни заработка, так как все чуждались политически подозреваемой Засулич. Из Крестцов Засулич пришлось ехать в Тверь, в Харьков, в Солигалич.

Так началась ее бродяжническая жизнь политически неблагонадежной, находящейся под надзором полиции.

У нее постоянно делали обыски, призывали для допросов, подвергали иногда задержкам, высылали из одного места в другое, следили за каждым ее шагом, словом, поступком.

Так продолжалось до 1877 года.

Летом в 1877 г. Вера Засулич, живя в деревне в Пензенской губернии, прочитала в одной из нелегальных газет сообщение, которое потрясло ее невероятно и заставило решиться тоже на чрезвычайно смелый и решителый шаг, сделало ее террористкой. Поэтому можно сказать, что 1877—78 г.г. являются главной датой в жизни Засулич.

Сообщение, которое так потрясло Засулич, состояло в следующем. 13 июля 1877 г. в Петербургском доме предварительного заключения было произведено возмутительное и неслыханное даже в истории царских застенков насилие над одним из политических заключенных, что вызвало бунт и ужасное избиение взбунтовавшихся арестантов. Дело обстояло так: в доме предварительного заключения находился уже осужденный и дожидавшийся отправки на каторгу студент Емельянов, носивший в революционных кругах имя Боголюбова. Боголюбов был приговорен к такому суровому наказанию за участие в демонстрации, организованной кружком народников «Земля и Воля» 6-го декабря 1876 г. в Петербурге на площади Казанского собора. Демонстрация была разогнана, большинство демонстрантов арестовано, хотя главные организаторы, в том числе и Плеханов, успели бла-

гополучно скрыться. В числе многих других арестованных был и Боголюбов.

В тот день (13 июля) в дом предварительного заключения явился петербургский градоначальник Трепов, неутомимый гонитель не только настоящих революционеров, но вообще молодежи, человек чрезвычайно грубый и жестокий. В это время Боголюбов с двумя другими арестантами прогуливался по двору тюрьмы. Проходя мимо Трепова, он недостаточно поспешно снял перед генералом шапку. Градоначальник рассвирепел. «Ты как смеешь стоять передо мною в шапке!» крикнул во все горло Трепов, и не успел Боголюбов опомниться от неожиданного наскока, как Трепов с криком «шапку долой» размахнулся, ударил Боголюбова по лицу и сбил у него с головы шапку.

Сидевшие в это время на окнах товарищи видели эту сцену, слышали, как Трепов, указывая на Боголюбова, крикнул еще: «Увести его и выпороть». Все, как по электрическому току, крикнули в один раз: «Палач! Мерзавец Трепов! Вон, подлец!» Все сидевшие спокойно в камерах, услыхав неистовые крики товарищей и узнав, в чем дело, присоединились к бунту. Поднялся сущий ад. Около трехсот сидевших в одиночных камерах подняли стук в подоконники и в двери камер, стучали всем, чем было только возможно, неистово кричали.

Волнение перешло на женское отделение, из окон которого, кроме того, было видно, как солдаты во дворе вязали розги. Среди женщин начались истерики, обмороки, что еще усилило шум и волнение.

Вскоре стало известно, что Боголюбова действительно позорно наказали. После этого известия возбуждение дошло до предела. Поднялся новый взрыв неистовства. Кричали, били оловянной посудой в железные подоконники, били рамы и двери, ломали, у кого хватило силы, все, что только могло быть исковеркано и изломано в камерах. Усмирять бунт был прислан отряд городовых. Произошли омерзительные сцены. Городовые врывались в камеры, били и топтали ногами заключенных, выволакивали избитых и тащили их в темные, смрадные карцеры. Многие из заключенных пострадали очень сильно. Бунт стих только тогда, когда с воли было получено известие, что товарищи просят тюрьму успокоиться, т. к. берут на себя отомстить Трепову за его надругательство над Боголюбовым и всей тюрьмой.

Слухи об ужасной расправе в тюрьме, конечно, немедленно разнеслись по городу, докатились не только до самой глухой провинции, но стали известны и за-границей, благодаря сообщениям в нелегальных и даже в легальных газетах. Возмущение в обществе было огромное; даже в чиновном мире, особенно в судебном ведомстве, открыто выражали свое негодование.

В революционных кругах был поднят вопрос об организации мщения Трепову.

Но там не успели закончить своих приготовлений, как прозвучал поразивший всех выстрел Веры Засулич, дотоле никому не известной и сразу сделав-

шейся предметом всеобщего внимания, удивления и, в большинстве случаев, восхищения.

Вера Засулич была народницей, как большинство революционеров конца 60-х и начала 70-х годов, и считала единственным способом революционной борьбы пропаганду и агитацию в народе для подготовки всеобщего восстания. К террору, как к способу борьбы, она относилась отрицательно. И даже после своего покушения на Трепова эта первая террористка осталась противницей террора. Когда в 1879 г. образовалась партия «Народной Воли», признавшая террор самым правильным и главным способом борьбы с самодержавием, Засулич не примкнула к Желябову, Перовской и другим, а вошла в группу «Черный передел», составившуюся из осколков развалившейся партии «Земля и Воля» и сохранившую прежнюю народническую программу. Во главе этой группы стал Плеханов, первый вождь русской социал-демократической партии, а тогда еще народник.

Что же побудило Веру Засулич произвести покушение на Трепова? Она пошла на террор, увлеченная порывом негодования и возмущения, испытывая нестерпимую боль за оскорбленную человеческую личность, за поругание в лице Боголюбова и других заключенных, всех революционеров, всех униженных, всех обездоленных. Прочитав о Боголюбовской истории, потрясенная Засулич приехала в Петербург, уверенная, что здесь она найдет такое же настроение. Она ждала заступничества от печати, от общественного мнения, наконец, от правосудия; она была уве-

рена, что Трепов будет привлечен к ответу. Ее постигло разочарование. Негодование, вспыхнувшее в первые дни, вскоре улеглось, очередные дела и заботы вытеснили впечатление от ужасной истории в доме предварительного заключения, и все реже и реже вспоминалось имя Боголюбова, даже в среде революционеров.

И тогда Вера Засулич решила стрелять в Трепова. Ей было все равно, убьет ли она его или нет, потому что ею руководило не простое чувство мести. Для нее не важен был результат ее поступка и потому еще, что она не была террористкой и не считала убийство генерала делом важным для революции. На свой выстрел она смотрела, как на способ привлечь внимание к делу Боголюбова, заставить заговорить об нем общественное мнение, привлечь внимание правосудия. Своим выстрелом Вера Засулич хотела указать всем, и обществу и правительству, что в государственном преступнике никто не имеет права видеть презренного, отвергнутого члена общества, стоящего вне всяких законов, к которому можно применить любое наказание, лишающее этого преступника всякого достоинства. Вступиться за идею чести и достоинства политического осужденного, провозгласить эту идею достаточно громко и призвать к ее признанию и уважению, — вот какие побуждения руководили Засулич, когда она обдумывала свой план покушения

24 января 1878 года Вера Засулич явилась к генералу Трепову и выстрелила в него, но случайно не убила, а только ранила.

Вот как описывает сама Засулич этот решительный для нее день:

«Маша ночевала у меня (Маша Коленкина, подруга Засулич, революционерка). С вечера я сказала хозяйке, что уезжаю в Москву... написала прошение о выдаче мне свидетельства о поведении, нужного для получения диплома, и легла спать. Мне казалось, что я спокойна и только страшно на душе не от разлуки с жизнью на свободе, с ней я давно покончила, была уже не жизнь, а какое-то переходное состояние, с которым хотелось скорее покончить. Страшной тяжестью легло на душу завтрашнее утро: этот час у градоначальника, когда он вдруг приблизится так вплотную. В удаче я была уверена, все пройдет без малейшей зацепинки, совсем не трудно и ни чуть не страшно, а все-таки смертельно тяжело...

«Пора вставать. Часов у нас нет, но начинает сереть, у хозяйки что-то стукнуло. К Трепову надо поспеть к десяти, до начала приема, чтобы естественным образом спросить у дежурного офицера, принимает ли генерал Трепов, и, если окажется, что принимает помощник, незаметно уйти. А раньше еще надо побывать на вокзале... (Засулич переоделась на вокзале в новое платье, чтобы не возбуждать расспросов хозяйки, для чего она в дорогу надевает все новое).

«На улице уже рассвело, но полутемный вокзал еще совершенно пуст. Я переодеваюсь, целуюсь с Машей и еду. Холодно, мрачно выглядят улицы. У градоначальника уже собралось около десятка просителей.

« — Градоначальник принимает? — Принимает, сейчас выйдет. Кто-то точно нарочно для меня переспрашивает: — Сам принимает? Ответ утвердительный...

«Кошмарной тяжести, давившей меня с вчерашнего вечера, нет и следа. Ничего на душе, кроме заботы, чтобы все сошло, как задумано. Адъютант повел нас в следующую комнату, меня первую поставил с краю, а в это же время из других дверей вышел Трепов с целою свитой военных, и все направились ко мне. На мгновение это смутило, встревожило меня. Обдумывая все подробности, я нашла неудобным стрелять в момент подачи прошения: и он, и свита на меня смотрят, рука занята бумагой и проч., и решила сделать это раньше, когда Трепов остановится, не доходя до меня, против соседа. И вдруг — нет соседа до меня, я оказалась первой. «Не все ли равно: выстрелю, когда он остановится около следующей за мной просительницы», — окрикнула я себя внутренно и минутная тревога тотчас же улеглась, точно ее и не было.

« — О чем прошение? — О выдаче свидетельства о поведении. Черкнул что-то карандашом и обратился к соседке.

«Револьвер уже в руке, нажала собачку... осечка. Екнуло сердце, опять нажала, выстрел, крик...

«Теперь должны броситься бить», значилось в моей столько раз пережитой картине будущего. Но произошла пауза. Она, вероятно, длилась всего несколько секунд, но я ее почувствовала. Револьвер я бросила, —

это тоже было решено заранее, иначе в свалке он мог сам собой выстрелить. Стояла и ждала...

«Вдруг все задвигалось: просители разбегались, чины полиции бросились ко мне, схватили с двух сторон. — Где револьвер? — Бросила, он на полу. — Револьвер, револьвер отдайте! — Продолжали кричать, дергая в разные стороны. Передо мной очутилось существо, глаза совершенно круглые, из широко раскрытого рта раздается не крик, а рычание, и две огромные руки со скрюченными пальцами, направляются мне прямо в глаза. Я их зажмурила изо всех сил, и он ободрал мне только щеку. Посыпались удары, меня повалили и продолжали бить»...

Избитую Засулич, наконец, подняли и увели в другую комнату. Там ее обыскали, связали ей руки, и, посадив посредине комнаты, приставили к ней двух солдат со штыками на ружьях.

«На несколько минут нас оставили в стороне, солдаты стали перешептываться.

«— Ведь скажет тоже: связана девка, два солдата ее держут, а он: «берегитесь, пырнет!» (солдаты рассуждали об офицере, который предостерегал их, чтобы они остерегались преступницы).

«— И где ты стрелять выучилась? — шепнул он потом над самым моим ухом. В этом «ты» не было ничего враждебного, — так, по мужицки.

«— Уж выучилась! Не велика наука, — ответила я также тихо.

«— Училась, да недоучилась, — сказал другой солдат, — плохо попала-то.

«— Не скажи,—горячо возразил первый, —слыхать, очень хорошо попала, будет ли жив!

«В группе сановников произошло движение, и они направились в мою сторону. Это вернулись полицейские, посланные произвести обыск по фантастическому адресу, выставленному мною на прошении...»

31-го марта 1878 г. начался суд над Верой Засулич. Засулич было решено судить судом присяжных при открытых дверях, в угоду очень возбужденному общественному мнению, тем более, что правительство было уверено, что присяжные засудят учительницу, нигилистку, стрелявшую в генерала.

Выстрел Засулич и связанное с ним и вновь занявшее внимание всех дело Боголюбова произвели действительно потрясающее впечатление на общество. Возбуждение было всеобщее. Все симпатии были на стороне Засулич, о Трепове говорили с ненавистью, даже обыкновенные обыватели, настроенные вообще далеко не революционно.

В день суда зал заседаний был переполнен до последней возможности. Волнение публики все наростало, оно охватило и суд, и присяжных, защитника, обвинителя. По мере того, как дело развертывалось, всем становилось ясно, что в сущности это суд не над сидящей на скамье подсудимых Засулич, а над неявившимся в суд потерпевшим Треповым. После необычайно сильной речи защитника (присяжного поверенного Александрова) и заключительных слов председателя суда (А. Ф. Кони), обращенных к присяжным, настал

страшный и решительный момент: присяжные удалились, чтобы вынести приговор. Вот как описывает один из присутствовавших в суде эти минуты всеобщего напряжения:

«Общее впечатление было далеко не радостное. Почти все мы были уверены, что присяжные пойдут по пути компромисса (половинчатого решения) и признают Засулич виновною, хотя и со снисхождением.

«Ждать, однако, пришлось недолго. Не прошло и десяти минут, как из комнаты присяжных раздался звонок, и публика взволнованно стала занимать свои места.

«— Попросите господ присяжных заседателей, — послышался голос Кони, — через минуту из комнаты налево от судей появились их темные силуэты. Не занимая своих мест, они столпились около судейского стола, и старшина присяжных — Лохов, выступив вперед, протянул Кони вопросный лист. Кони среди воцарившейся мертвой тишины молча просмотрел первую страницу, медленно перевернул ее, перейдя глазами вторую и... слышно было, как зал удрученно вздохнул. У меня тоже болезненно заныло сердце! Неужели наши опасения оправдались и Засулич признана виновной!

«Дело в том, что на разрешение присяжных поставлено было три вопроса: первый — о том, виновна ли Засулич, что с обдуманным намерением нанесла Трепову рану, второй — о том, что если она в этом виновна, то имела ли при этом заранее обдуманное намерение лишить Трепова жизни, и третий—

если она имела это последнее намерение, то сделала ли для этого все от нее зависевшее и не причинила смерти лишь по независящим от нее причинам.

«Написаны были эти вопросы на двух страницах писчего листа, и ясно, что при отрицательном ответе на первый вопрос, на остальные не могло быть никакого ответа. Оба они при этом сами уничтожались. Между тем, Кони, вероятно, машинально перевернул страницу и как бы искал какого-то ответа на последующие вопросы, заставляя зал думать, что на первый вопрос ответ дан утвердительный.

«И вдруг после этого, старшина, приняв от Кони лист обратно, читает скороговоркой:

«— Виновна ли Засулич в том, что решившись... нанесла... рану?. И затем громко и внятно на весь зал добавляет:

« — Нет! Не виновна!

«Что последовало за сим, не знаю, сумею ли описать...

«Раздались такие бурные аплодисменты, и поднялся такой гвалт, что нельзя было ни слышать, ни разобрать... Многие из публики перелезли через перила, кинулись к Александрову и Засулич и пожимали им руки, поздравляли их.

«Напрасно звонил Кони колокольчиком. Поднятая рука его болталась в воздухе, но колокольчика даже не было слышно. Так в этом гвалте суд и закончился, и никто не слышал, как Кони объявил Засулич, что она свободна.

«Кое-как протискался я сквозь толпу и поспешил

к выходу. В коридорах и вестибюле суда происходило то же, что и в зале. Те же приветствия, тот же обмен поздравлений между совершенно незнакомыми друг с другом людьми. Наконец, я нашел свое пальто, выбрался на Литейный и кое-как пробился сквозь толпу, ожидавшую решения дела у входных дверей суда. Тут опять всюду те же поздравления и приветствия одних другими».

Засулич едва не вынесли из суда на руках. На улице ее приветствовала восторженными криками огромная толпа. Взволнованную и смущенную девушку усадили в карету и повезли домой. Но тут произошло совершенно неожиданное происшествие. По дороге на карету напал отряд жандармов не то с целью вновь арестовать только что оправданную революционерку, не то с целью просто разогнать и оттеснить от кареты возбужденно настроенную толпу. Произошло смятение, стрельба, один из молодежи был убит. Но карета умчалась и скрылась от погони. В ту же ночь друзья Засулич уговорили ее скрыться, так как можно было ожидать, что царское правительство сейчас же начнет с новой энергией преследовать ненавистную ему революционерку.

Друзья увезли Засулич как раз во время. Через полчаса после того, как она оставила квартиру, за ней приехали жандармы, но она была уже хорошо спрятана, а затем переправлена за границу.

Познакомившись за границей с учением Маркса, Засулич сделалась убежденной и восторженной сторонницей марксизма. Она сблизилась с Плехановым. Вместе и одновременно с ним она перешла из рядов народников в ряды социал-демократов. В. И. была одной из пяти революционеров, основавших в Швейцарии первую русскую социал-демократическую группу «Освобождение Труда». В литературной деятельности этой группы она приняла живейшее участие.

В конце 90-х годов в рядах русской социал-демократии произошел раскол. Появилось течение, которое, признавая все основные положения Маркса и потому считая себя подлинно марксистским, призывало, подобно старым бунтарям-народникам, отказаться от политической борьбы, предоставив ее буржуазии. Это течение было чрезвычайно опасно для русской молодой рабочей партии, оно грозило для нее роковыми последствиями. И в это трудное время Вера Ивановна Засулич снова оказалась в рядах передовых борцов революции. Вместе с Лениным, Плехановым и другими товарищами она объявила резкую борьбу этому течению. Вместе с ними она вошла в редакцию газеты «Искра» и журнала «Заря» и принимала в них деятельное участие.

Долгие годы провела В. И. Засулич в эмиграции. Она вступала в общение со многими выдающимися социалистами Запада и России, но ближе всех ей были ее старые друзья—Г. В. Плеханов с семьей и Л. Дейч. Все эти годы ей, как и прочим эмигрантам, приходилось часто и трудно раздумывать, где

найти заработок для покрытия самых насущных нужд. Как ни скромны были потребности Веры Ивановны, но все-таки нужно же было существовать. По своим привычкам и внешности, В. И. до смерти оставалась типичной народницей, крайне неприхотливой в образе жизни и совершенно равнодушной к своему костюму. Людям, мало знакомым, она могла показаться нелюдимой и какой-то неловкой. Но те, которые узнавали ее ближе, чрезвычайно ценили ее высоко развитое нравственное чутье и незаурядный ум.

Три раза бурный ход нашей революционной борьбы выносил эту скромную, застенчивую женщину на верхушку этого грозного вала, (террористический акт, переход в социал-демократию, борьба с «экономическим» течением в соц.-дем. партии). Три раза она сумела стать в рядах наиболее передовых, наиболее революционных борцов.

Но ход развития русской революции носит такой бурный, такой стремительный характер, что даже крупнейшие революционеры не всегда успевают итти в ногу с самыми передовыми борцами. Так отошел в свое время от новых течений Герцен. Так в наше время многие старейшие вожди революции отошли от пролетариата в тот момент, когда он приступил к осуществлению своих задач и стремлений. Отошли от пролетариата оставшиеся еще в живых народовольцы, отошли даже многие социал-демократы, представители и вожди рабочей партии, в числе их Плеханов и Вера Засулич.

Революция 1905 г. дала Вере Засулич возможность вернуться легально в Россию. Она поселилась в Петербурге, где и скончалась 8 мая 1919 года на 70-м году своей жизни.

Вера Засулич не принимала участия в величайшей революции, за последние годы разошлась с революционным пролетариатом, но все же пролетариат и новое подрастающее поколение пролетарского юношества обязаны ценить ее большие заслуги в прошлом. Пролетариат должен помнить имя Веры Ивановны Засулич.

Чем можно объяснить, что Вера Засулич, всегда бывшая противницей террора, оказалась первой русской террористкой?

Петр Александрович
Кропоткин
1842 — 1921

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ КРОПОТКИН
(1842—1921).

«Какое право имел я на все высшие радости, когда вокруг меня — гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба, когда все затраченное мною, чтобы жить в мире высоких душевных движений, неизбежно должно быть вырвано из рта сеющих пшеницу для других и не имеющих достаточно черного хлеба для собственных детей»?

П. А. Кропоткин
«Записки революционера».

В книге жизни этого замечательного человека — энергичного революционера и талантливого ученого — судьба начертала много пестрых и ярких страниц. И перелистывая ее, невольно удивляешься тому, как неожиданны и как будто противоречивы отдельные картины. Привольное детство в богатой барской семье... Внимание царской семьи к маленькому Пете Кропоткину... Великолепие придворной жизни, и

сам юный князь Кропоткин в роли камер-пажа Александра II... Пустынные равнины далекого края, «куда не ступала нога европейца»... Старые промозглые стены каменного мешка-тюрьмы... Европейские страны и широкая революционная работа... Как в калейдоскопе мелькают и переливаются перед нами разнообразные краски этой богатой жизни. Но только на первый взгляд кажутся они противоречащими друг другу. В действительности это все последовательные, скованные одно с другим звенья одной цепи. Пестрая, разнообразная жизнь Кропоткина кажется стремительным потоком, рвущимся через все преграды к единой цели — торжеству революции и общему освобождению человечества.

Петр Александрович Кропоткин родился в 1842 г. в аристократическом квартале Москвы, где жило на покое, привольной и богатой жизнью, обеспеченной даровым трудом крепостных, родовитое московское дворянство. Отец его, князь Александр Петрович Кропоткин, очень гордился своим родом, ведя его от владетельных Смоленских князей — потомков Рюрика. В его кабинете висел пергамент с гербом князей Кропоткиных, «покрытым горностаевой мантией, увенчанной шапкой Мономаха». И хозяин «с необыкновенной торжественностью» показывал всем этот пергамент.

Мать свою Кропоткин помнил смутно. Она умерла от чахотки, когда сыну было всего 4 года. Для своего времени она была очень передовой и образован-

ной женщиной. После ее смерти в ее бумагах нашли переписанные поэмы Байрона, стихи Ламартина, тетради с запрещенной русской поэзией. «Высокая, стройная, с массой каштановых волос, с темнокарими глазами и маленьким ртом», она отличалась чрезвычайной добротой и гуманностью, будучи в то же время очень общительной и веселой. Крепостные ее любили, и созданная ею вокруг себя атмосфера любви и преданности окружала и ее детей после ее смерти». Как часто, — вспоминает Кропоткин, — где-нибудь в темном коридоре рука дворового ласково касалась меня или брата Александра, как часто крестьянка, встретив нас в поле, спрашивала: «Вырастете ли вы такими же добрыми, как ваша мать? Она нас жалела, а вы нас будете жалеть?» И никогда дети не слыхали от слуг ни одного грубого или оскорбительного слова, не видели ничего, кроме заботы и ласки. Дворовые даже покрывали их детские шалости, часто рискуя суровым наказанием и принося большие жертвы. Такая любовь особенно нужна была детям после второй женитьбы их отца на самой обыкновенной светской женщине, мало внимания уделявшей пасынкам. А между тем, самим дворовым жилось не сладко. Хотя отец Кропоткина слыл добрым барином (очевидно, по сравнению с окружающими), в его доме могли все же происходить такие вещи, как отсылка слуги «на съезжую» с запиской о том, чтобы ему дали сто розог за ничтожную провинность, или выдача насильно замуж получившей некоторое образование горничной, «обученной изящ-

ным рукодельям и похожей манерами и разговором скорее на барышню» и ссылка ее в глухую деревню на тяжелую работу и пр.

Когда Кропоткину было 8 лет, его повезли на бал, данный московским дворянством в честь Николая I. Мальчик так понравился царской семье, что был определен в пажеский корпус. Но вакансии туда пришлось ждать целых семь лет, в продолжение которых он обучался дома. Француз-гувернер Пулэн обучал Кропоткина и его брата Александра хорошим манерам, грамматике, истории, географии, заставлял зубрить наизусть и наказывал своих учеников стоянием в углу и даже розгой. В свободное от уроков время Пулэн дружески беседовал с учениками, повествуя им о своих военных приключениях. Но ни рассказы Пулэна, ни желание отца, ни учебное заведение не развили в мальчике вкуса к военной карьере. Чтение и влияние другого преподавателя — студента Смирнова — развили в Кропоткине другие интересы. Кропоткин с большой любовью и уважением вспоминает этого своего учителя, занимавшегося с ним математикой и русским языком и воспитавшего в ученике вкус к лучшим произведениям литературы. Кропоткин очень много читал, особенно увлекаясь Гоголем и Некрасовым, и уже на 12 году сам издавал газету и журнал.

В 1857 году открылась, наконец, вакансия в пажеском корпусе. Пятнадцатилетнего Петю отвезли в Петербург, где он был принят в младший класс корпуса, так что ему предстояло пробыть в кор-

пусе 5 лет. Пажеский корпус был венцом желаний аристократических родителей. Там дети их участвовали в пышных придворных церемониях, там они становились известными при дворе, там для них открывалась возможность блестящей карьеры. Но Кропоткин в свои пятнадцать лет слишком много передумал и перечитал, чтобы его могли соблазнять блестящая карьера или придворная жизнь. На его счастье, он учился уже не в Николаевскую эпоху, иначе, как он сам рассказывал в своих «Записках», или окончательно сломили бы его волю, или исключили бы «бог весть с какими последствиями». Это было время реформ, расцвет надежд проснувшегося общества. Тогда увлекались естественными науками, в которых были сделаны незадолго до того замечательные открытия. Общество искренно верило, что спасение народа в науке. Надо распространить знания, и жизнь исправится. Так думали в 60-х годах, и на всю жизнь Кропоткин остался «шестидесятником» в этой своей вере в исключительное могущество просвещения. Новые струи пробились и сквозь стены аристократического пажеского корпуса. Приглашены были лучшие учителя, и действительно ученики занимались основательно и серьезно. Русский язык преподавал профессор Классовский. В своих «Записках» Кропоткин вспоминает, с каким жадным вниманием, затаив дыхание, слушали его ученики, в которых он, по словам «Записок», «будил возвышенное стремление к идеалу». На самого Кропоткина Классовский тоже имел огромное влияние. Но больше

русского языка увлекли Кропоткина точные науки: математика, физика, астрономия; и эти серьезные занятия в корпусе сослужили большую службу научным открытиям, сделанным впоследствии Кропоткиным в любимой области — физической географии. Очень много помог Кропоткину его старший брат Александр. По воле Николая I, желавшего сделать военных из всех дворянских сыновей, он учился в кадетском корпусе, но так же точно не выносил военной службы, как и его младший брат. Братья переписывались обо всем: литературе, философии, политической экономии. «Как счастлив был я, — вспоминает Кропоткин, — что у меня был такой брат, который при этом и любил меня страстно. Ему больше всего и больше всех обязан я моим развитием... Было лишь одно затруднение: как достать денег на почтовые расходы? Мы, однако, скоро приучились писать так мелко, что умудрялись передавать невероятную массу вещей в одном письме. Александр писал удивительно. Он ухитрялся умещать по четыре печатных страницы на одной стороне листка обыкновенной почтовой бумаги». В эти же юношеские годы складывалось и революционное миросозерцание Кропоткина. В самом неожиданном месте — в аристократическом доме своей тетки познакомился Кропоткин со статьями Герцена, напечатанными в «Полярной Звезде». «Почти с молитвенным благоговением глядел я на напечатанный на обложке «Полярной Звезды» медальон с изображением голов повешенных декабристов», — пишет Кропоткин. В одном из старших клас-

сов юноша стал издавать свою первую революционную газету. Газета переписывалась и подкладывалась товарищам в столы. «В том возрасте я мог быть, конечно, только конституционалистом, и я горячо доказывал в моей газете необходимость конституции для России. Я писал о безумных расходах двора, о суммах, затраченных в Ницце на ничего не делавшую эскадру, сопровождавшую вдовствующую императрицу. Я упоминал о злоупотреблениях чиновников, о которых слышал постоянно».

Между тем, придворная жизнь шла своим чередом. Кропоткин был первым учеником и в последнем классе должен был сделаться камер-пажом самого царя. Это давало ему известные льготы в корпусе, но парады и торжества во дворце отнимали массу времени. И на всю жизнь у Кропоткина осталось отвращение к поверхностному блеску, пышной мишуре, неискренней, льстивой холодности придворной жизни, ко всему этому великолепию, покупавшемуся такой дорогой ценой — страданиями и рабством народа. К самому царю отношение Кропоткина было различное в разные времена. Вначале, подкупленный тем, что Александр II освободил крестьян, и неспособный по молодости и неопытности разобраться в том, на каких тяжелых для крестьян условиях провела освобождение крепостническая партия, юноша почти благоговел перед царем. Но это продолжалось недолго. Вскоре произошел случай, совершенно разочаровавший Кропоткина в царе. Во время одного из смотров, где присутствовала вся царская семья, один крестьянин

пробрался через охранявшую царя цепь полиции и со слезами на глазах пал перед царем на колени, протягивая ему прошение. Александр II не обратил на него никакого внимания, как и остальные. Только Кропоткин взял прошение, рискуя навлечь на себя гнев царя, взял, потому что представил себе, что должен был перенести проситель, пока добрался до царя.

В 1862 году пажеский корпус был окончен. Предстояло выбрать карьеру. Обычно окончившие первыми делались офицерами любого гвардейского или армейского полка, по выбору кончающего. Охотнее всего Кропоткин бросил бы военную службу и пошел в университет, но на это отец не дал бы ему денег. Кропоткин мог бы, конечно, получить стипендию, если бы обратился с просьбой к кому-нибудь из царской семьи. Но от них он не хотел ничего получать. Оставалось продолжать военную службу, и Кропоткин выбрал казачий полк в Сибири. Его давно привлекал этот далекий, мало исследованный край; к тому же, ему казалось, что там открывается необозримое поле деятельности при желании работать по применению реформы. Никто из товарищей и начальства не хотел верить серьезности этого намерения. Не понимали, как может человек, которому предстоит блестящая карьера, выбрать какой-то провинциальный полк на заброшенной окраине России. Нарядных пажей пугала также простая форма: «папаха из собачьего или конского меха и серые шаровары». Много пришлось Кропоткину вынести разговоров с корпусным начальством, отго-

варивавшим его от этого намерения. Отец даже просто запрещал ему ехать в Сибирь. Но Кропоткин все-таки настоял на своем. Перед отъездом ему довелось еще услышать обращенную к выпущенным офицерам речь Александра II. Начал он с поздравлений, упомянул об обязанности офицеров, о верности их государю и пр. «Но затем лицо его внезапно исказилось гневом, и он начал говорить, отчеканивая каждое слово: «Но если, чего боже сохрани, кто-нибудь из вас изменит царю, престолу и отечеству, я поступлю с ним по всей стро-го-сти закона, без малейшего по-пу-щения».

Приехав в Сибирь, Кропоткин поступил в распоряжение Забайкальского губернатора Кукеля, очень просвещенного человека, с которым у него сразу сложились самые лучшие отношения. Волна реакции, царившей уже в центре, еще не докатилась до Сибири. И Кукель вместе с Кропоткиным и несколькими другими сотрудниками проводили время, работая дни и ночи, обдумывая проекты разных улучшений в городском самоуправлении, в управлении тюрьмами, в положении ссыльных и т. д. Работать, изучать, думать приходилось много. Вся эта работа, конечно, скоро пошла на смарку. Кукеля лишили должности. А проекты реформ мирно почили под сукном в одной из петербургских канцелярий. Убедившись в бесплодности реформаторской деятельности, Кропоткин с удовольствием принял предложение поехать в командировку на Амур. Там на сотни верст тянулись поселки бывших каторжан, которых присоединивший к России

Амурский край генерал-губернатор Муравьев селил там, чтобы колонизовать и сделать более культурной дикую и пустынную страну. Ежегодно поселенцам посылали по реке баржи с припасами, так как земля была плохо возделана и приносила мало урожая. Этими сплавами стал заведывать Кропоткин. В своих «Записках» он с удовольствием вспоминает плавание по огромной величественной реке, ночные бивуаки, костры на берегу, черные горы, отражавшиеся в реке... Однажды случилось несчастье. Буря разбила караван, плывший по реке, и 40 барж затонуло со 120 тысячами пудов продуктов. Жившим в низовьях реки угрожал страшный голод. Но Кропоткин, не глядя на опасности, на пароходе, на лодке и верхом, сделал в короткий срок 3000 верст и успел еще до закрытия навигации снарядить новый транспорт провианта. Но ему же пришлось ехать и дальше — в Петербург с докладом о случившемся; иначе начальство не поверило бы гибели барж и считало бы продукты украденными. Снова Кропоткин убедился, как мало осведомлены правители о той стране, которой правят.

По возвращении из Петербурга (все эти путешествия приходилось тогда делать на лошадях), Кропоткин неутомимо путешествует по Сибири, изрезывает ее во всех направлениях. То он под видом купца предводительствует караваном, направившимся в Манчжурию отыскивать кратчайший путь к Амуру, и попадает в места, «куда не ступала еще нога европейца». То плывет по неиследованной еще реке Сунгари. То странствует с экспедицией по несколько месяцев в бесплодной

горной стране, изучая ее и отыскивая новые пути. Всюду его интересуют как расположение поверхности и строение почвы, так и условия жизни населения. Но когда он пытался провести меры к улучшению быта туземцев путем обращения к правительству, у него ничего не выходило. Некоторые меры правительством, правда, принимались, но в таком искаженном виде, проводились так недобросовестно и неумело, что приносили больше вреда, чем пользы. Однако, для все больше и больше увлекавших его научных исследований Кропоткин вынес очень много из этих путешествий.

После пяти лет жизни в Сибири Кропоткину и брату его Александру, служившему тогда в Иркутске, сильно захотелось уехать: потянуло к той умственной жизни, которой в Сибири не было. Кроме того, оставаться военными, офицерами русской правительственной армии, они больше не могли. Восстание ссыльных поляков открыло им глаза. Дело в том, что после польского восстания 1863 года в одну Восточную Сибирь было сослано одиннадцать тысяч поляков, которых заставляли жить и работать в невыносимых, мучительных условиях. «Я видел, — пишет Кропоткин, — их на Лене. Полуголые, они стояли в балагане вокруг громадного котла и мешали кипевший густой рассол длинными веслами. В балагане жара была адская, но через широкие раскрытые двери дул леденящий сквозняк, чтобы помогать испарению рассола. В два года работы, при подобных условиях, мученики умирали от чахотки». И часть поляков

устроила бунт. Они не имели никаких шансов на успех, но не были больше в состоянии терпеть безропотно. Против них было выслано войско, жестокой расправой усмирившее восстание. Пятеро было казнено. Братьев Кропоткиных, конечно, среди усмирителей не было. Но «для меня и для брата восстание послужило уроком. Мы убедились в том, что значит так или иначе принадлежать к армии».

Военная служба была оставлена, и весною 1867 года братья переехали в Петербург. Кропоткин пробыл в Сибири пять лет и вывез оттуда большой опыт, запас здоровья, богатый материал для науки и главное — твердое убеждение в невозможности работать рука об руку с правительством. «С этой иллюзией я распростился навсегда... Я ясно сознал созидательную работу неведомых масс, о которых редко упоминается в книгах, и понял значение этой построительной работы в росте общества. Я понял роль, которую неизвестные массы играют в крупных исторических событиях — переселениях, войнах, выработке форм общественной жизни».

В том же 1867 году Кропоткин поступил в университет на физико-математический факультет. В течение следующих пяти лет он усердно занимался наукой, проходя курс в университете и одновременно обрабатывая вывезенные из Сибири материалы. Результатом его научных исследований был труд по орографии (наука о горах) Восточной Сибири, где автор доказал неправильность представления прежних географов о направлении горных хребтов Северной

Азии, идущих будто бы с востока на запад и с севера на юг, когда истинное направление их было с юго-запада на северо-восток. При этом некоторых горных линий, например, восточной части Станового хребта, изображенных на карте, не оказалось в действительности совсем. Это было ценным вкладом в науку, и Кропоткин испытал в полной мере радость научного творчества. Но испытывая ее, он помнил, что этого рода счастье есть удел ничтожного числа людей, тогда как столько людей могли бы получить свою малую или большую долю этого счастья, если бы досуг и наука не были привилегией небольшой кучки. «Какое право, — думал Кропоткин, — имею я на эти благородные наслаждения, когда около себя я вижу только нищету, только борьбу из-за куска заплесневелого хлеба?» В это время Кропоткин был секретарем физического отделения Русского Географического Общества, которое предложило ему в 1871 году заняться изучением следов ледникового периода в Финляндии и Швеции. Усердно занимаясь исследованием, поверяя и исправляя результаты работы прежних ученых, Кропоткин одновременно сталкивался с убогой, суровой жизнью финского крестьянина. К этому периоду надо отнести тот душевный переворот, который окончательно привел Кропоткина к пути политического деятеля и революционера. С одной стороны перед ним открывалась блестящая научная карьера. Ум его был полон мыслями о новых научных открытиях. А с другой — кругом были убожество, бедность, почти непереносимые условия жизни. И он

пришел к мысли, что двигать науку вперед, пока у народа нет возможности учиться тому, что уже создано наукой, бесполезно. Надо направить свою энергию на то, чтобы помочь народу добиться для себя таких условий жизни, при которых он мог бы расширять свои знания. И Кропоткин отказался от предложенного ему места секретаря Географического Общества, о котором раньше мечтал, и которое дало бы ему возможность всецело посвятить себя науке.

Ранней весной 1872 года Кропоткин поехал впервые за-границу — в Швейцарию. Природа последней очень понравилась ему. Но он приехал сюда не для отдыха. Ему хотелось познакомиться с деятельностью Интернационала, бывшего в то время уже грозной международной силой. Несколько дней он провел в Цюрихе, где жило тогда много русских студентов и студенток, лишенных возможности получать образование дома. Обложив себя кипой книг и газет, Кропоткин читал дни и ночи напролет, стараясь ознакомиться с рабочим движением в разных странах. Для лучшего ознакомления он решил провести несколько месяцев в рабочей среде, пожить ее жизнью. Из Цюриха он поехал в Женеву — один из крупных центров Интернационала. Здесь он познакомился со многими последователями Маркса — социалистами государственниками, которые ему не понравились. Познакомившись с представителями другой фракции Интернационала — бакунистами или анархистами, Кропоткин гораздо больше сошелся с ними

в своих убеждениях. Рабочее движение произвело на него огромное впечатление. Общаясь с рабочими, беседуя с ними, он увидел, в какую мощную силу отливается это движение, и какие большие и сознательные жертвы приносят рабочие для его поддержания и развития. Он убедился также в том, «как нуждаются трудящиеся массы в помощи образованных людей, обладающих досугом для развития и устройства их организаций». «Все больше и больше я чувствовал, что обязан посвятить себя массам». Из Женевы Кропоткин поехал в Невшатель, а оттуда в Юрские горы, где целый ряд городков и деревень занимается часовым ремеслом. Так называемая Юрская федерация сыграла впоследствии видную роль в развитии анархизма. В Невшателе Кропоткин познакомился с другом Бакунина—Гильомом, с которым очень подружился, и с Малоном — членом Совета Парижской Коммуны, принимавшим деятельное участие в восстании. «Спокойным голосом, в котором лишь порой слышалась дрожь, Малон рассказывал о кровавом карнавале, которым богатые классы отпраздновали свое возвращение в Париж», о расстреле 30 тысяч рабочих, о смерти вождей, о героизме парижских рабочих.

В Швейцарии Кропоткин пришел к убеждению, что революция так же необходима и естественна для хода общественного развития, как и медленное, постепенное движение — эволюция.

Возвратившись через год на родину с уже вполне сложившимися взглядами, Кропоткин одно время ду-

мал поселиться у себя в деревне, чтобы работать в земстве и параллельно делать все, что можно, для крестьян: устроить школу, образцовую ферму, завести артельное хозяйство и пр. Но он быстро понял, что это пустые мечты и что ничего нельзя в России сделать легальным путем. Вскоре он стал членом революционного кружка — так называемого кружка Чайковского.

Этот кружок, давший впоследствии революционному движению много незабываемых имен и имевший в числе своих членов Софию Перовскую, первоначально возник из стремления к саморазвитию и самосовершенствованию. Прежде, чем заниматься какой-нибудь политической работой, его члены хотели выработать в себе «нравственно-развитую личность». Это нравственное направление вполне соответствовало всему облику Кропоткина. Будучи самым опытным, старшим и образованным членом кружка, Кропоткин скоро сделался его душой и главным руководителем. Вскоре рамки первоначальной работы кружка раздвинулись. Молодежь стала распространять по русским городам сочинения Маркса, Лассаля и др. Потом кружок стал центром социалистической пропаганды и завязал сношения с рабочими и учащимися столиц и провинции. Он стал одной из крупнейших ячеек покрывшей всю Россию сети нелегальных кружков, несмотря на преследования властей, аресты, тюрьмы и ссылки.

У Кропоткина возник план, который он предложил кружку. Именно, он хотел, пользуясь своими

связями среди знати и придворных кругов, заняться там агитацией в пользу политического переворота, завербовать сторонников и заставить Александра II дать конституцию. Но кружок отверг этот план, и всякая мысль о революционной организации среди правящих кругов была оставлена. Два года проработал Кропоткин в кружке Чайковского и, по его собственному признанию, жил эти два года такой полной и кипучей жизнью, как никогда раньше. У кружка была масса дела. Надо было сноситься с провинциальными кружками, писать воззвания и брошюры для крестьян и рабочих, доставать из заграницы, где у кружка была своя типография, кипы литературы, вести непосредственную пропаганду среди рабочих и т. д. «Очень часто после обеда в аристократическом доме, а то даже в Зимнем дворце, куда я заходил иногда повидать приятеля, я брал извозчика и спешил на бедную студенческую квартиру в дальнем предместье, где снимал изящное платье, надевал ситцевую рубаху, крестьянские сапоги и полушубок и отправлялся к моим приятелям-ткачам, перешучиваясь по дороге с мужиком». Вся эта организация требовала больших расходов, и члены ее — люди состоятельные, даже богатые, жили сами чрезвычайно скромно, обедая «черным хлебом, солеными огурцами, кусочками сыра или колбасы и жидким чаем вволю», отдавая общему делу последние средства.

В 1874 году преследования и аресты усилились. Полиция свирепствовала и зорко следила за всеми, кто казался ей подозрительным. Несколько из членов

кружка Чайковского были уже захвачены. Опасность грозила и Кропоткину, но он не мог уехать, так как некому было передать всю ответственную работу. Вероятно, ему все же удалось бы скрыться, если бы его не задержал на неделю доклад в Географическом Обществе. После этого доклада ему предложили быть председателем физического отделения Общества, «тогда как я сам, — вспоминал Кропоткин, — задавал себе вопрос: не проведу ли я эту самую ночь в III Отделении?» (Это отделение «канцелярии его и. в.» ведало всеми политическими делами и цензурой). Действительно, его арестовали на следующий день. В числе рабочих-ткачей оказались два предателя, которые его выдали.

Он был заключен в Петропавловскую крепость. Мрак и сырость каменного мешка, куда никогда не заглядывало солнце, гнетущее молчание в этих толстых стенах, непропускающих звуков, молчание, сведшее с ума столько заключенных, вынужденное бездействие — все это пришло на смену кипучей и полной жизни, где каждый момент был проникнут бьющей ключом деятельностью. Но Кропоткин решил не поддаваться и не терять бодрости, памятуя о примере многих энергичных людей, например Бакунина, сохранившего свою пламенную энергию после 2-х лет заточения в австрийской тюрьме в цепях и 6-ти лет в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. На счастье Кропоткина, по ходатайству Академии Наук и Географического Общества, ему разрешили несколько часов в день пользоваться письменными принадлежностями, так что он мог закончить свой

научный труд о ледниковом периоде. Первые пятнадцать месяцев заключения вокруг Кропоткина царило действительно гробовое молчание. Потом в эту же крепость привезли некоторых его товарищей, с которыми ему удалось завязать сношения. Почти два года провел Кропоткин в крепости, и к концу второго года тюремные условия так расстроили его здоровье, силы его настолько упали, что на его выздоровление почти не было надежды. Его перевели в тюрьму при Николаевском военном госпитале, куда отсылали уже только умирающих. Но там лучшие условия сделали свое — он стал поправляться. И вот однажды в его голове зародилась безумная по смелости мысль о побеге из тюрьмы. Она была осуществлена им 30 июня 1876 года, и это бегство приобрело громкую известность в России и за-границей по своей беспримерной удаче. Многие друзья Кропоткина и даже незнакомые ему люди принимали участие в этом побеге.

Вот как рассказывает сам Кропоткин историю своего побега из тюремного госпиталя.

«Товарищи установили целый ряд сигналов, чтобы дать знать, свободны ли улицы или нет. На протяжении двух или трех верст от госпиталя были расставлены часовые. Один должен был ходить взад и вперед с платком в руках и спрятать платок, как только покажутся возы (надо было использовать момент въезда во двор госпиталя возов с сеном, дровами и пр. во время прогулки Кропоткина, чтобы выбежать в открытые ворота). Другой — сидел на тротуарной

тумбе и ел вишни; но как только возы показывались, он переставал. И так шло по всей линии. Все эти сигналы, передаваясь от часового к часовому, доходили, наконец, до пролетки. Мои друзья сняли также серенькую дачку против ворот, и у ее открытого окна поместился скрипач со скрипкой в руках, готовый заиграть, как только получит сигнал: «улица свободна».

«Систему сигналов нужно было сообщить мне. На другой день, в два часа, в тюрьму явилась дама, дорогая мне родственница, и попросила, чтобы мне передали часы. Все проходило обыкновенно через руки прокурора; но так как то были простые часы, без футляра, их передали. В часах же находилась крошечная зашифрованная записочка, в которой излагался весь план. Когда я увидел ее, меня просто охватил ужас, — до такой степени поступок поражал своей смелостью. Жандармы преследовали уже даму, и ее задержали бы на месте, если бы кто-нибудь вздумал открыть крышку часов. Но я видел, как моя родственница спокойно вышла из тюрьмы и потихоньку пошла по бульвару.

«Я вышел на прогулку, по обыкновению, в четыре часа и подал свой сигнал (надо было держать шляпу в руках — в знак того, что в тюрьме все благополучно). Я услышал сейчас же стук колес экипажа, а через несколько минут из серого домика до меня донеслись звуки скрипки. Но я был в то время у другого конца здания. Когда же я вернулся по тропинке к тому концу, который был поближе к воротам, шагах в ста

от них, часовой стоял совсем у меня за спиной. «Пройду еще раз», подумал я. Но прежде, чем я дошел до дальнего конца тропинки, звуки скрипки внезапно оборвались.

«Прошло больше четверти часа в томительной тревоге, прежде чем я понял причину перерыва: в ворота въехало несколько тяжело нагруженных дровами возов, и они направились в другой конец двора. Немедленно затем скрипач (и очень хороший, должен сказать) заиграл бешеную и подмывающую мазурку Контского, как бы желая внушить: «теперь смелее! твое время, — пора!» Я медленно подвигался к тому концу тропинки, который был поближе к воротам, дрожа при мысли, что звуки мазурки могут оборваться, прежде чем я дойду до конца.

«Когда я достиг его, то оглянулся. Часовой остановился в пяти или шести шагах за мной и смотрел в другую сторону. «Теперь или никогда», помню я, сверкнуло у меня в голове. Я сбросил зеленый фланелевый халат и пустился бежать.

«Не очень-то доверяя моим силам, я побежал сначала медленно, чтобы сберечь их. Но едва я сделал несколько шагов, как крестьяне, складывавшие дрова, на другом конце двора, заголосили: «бежит! держи его! лови его!» — и кинулись мне наперерез к воротам. Тогда я помчался, что было сил. Я думал только о том, чтобы бежать скорее.

«Друзья мои, следившие за всем из окна серенького домика, рассказывали мне потом, что за мной погнались часовой и три солдата, сидевшие на кры-

лечке тюрьмы. Несколько раз часовой пробовал ударить меня сзади штыком, бросая вперед руку с ружьем. Один раз друзья даже подумали, что вот меня поймали. Часовой не стрелял, так как был слишком уверен, что догонит меня. Но я удержал расстояние, и, добежавши до ворот, солдат остановился.

«Выскочив за ворота, я, к ужасу моему, заметил, что в пролетке сидит какой-то штатский в военной фуражке. Он сидел, не оборачиваясь ко мне. «Пропало дело!» — мелькнуло у меня. Однако, когда я подбежал, я заметил, что сидевший в пролетке человек с светлыми бакенбардами очень похож на одного моего дорогого друга. Я захлопал на бегу в ладоши, чтобы заставить сидящего оглянуться. Он повернул голову. Тогда я узнал его.

« — Сюда, скорее, скорее! — крикнул он, отчаянно ругая, на чем свет стоит, и меня, и кучера, и держа в то же время на готове револьвер. Великолепный призовой рысак, специально купленный для этой цели, помчался сразу галопом. Сзади слышались вопли: «держи его! лови!» а друг в это время помогал мне надеть пальто и цилиндр. Но главная опасность была не столько со стороны преследовавших, как со стороны солдата, стоявшего у ворот госпиталя, почти напротив того места, где дожидалась пролетка. Он мог помешать мне вскочить в экипаж или остановить коня, для чего достаточно было бы солдату забежать несколько шагов вперед. Поэтому одного из моих приятелей командировали, чтобы отвлечь беседой внимание солдата. Он выполнил это с большим успехом.

Солдат одно время служил в госпитальной лаборатории; поэтому приятель завел разговор на ученые темы, именно, о микроскопе и о чудесах, которые можно увидеть посредством его. Речь зашла о некоем паразите человеческого тела.

« — Видел ли ты, какой большущий хвост у ней?— спросил приятель.

« — Откуда у ней хвост? — возразил солдат.

« — Да как же. Во какой под микроскопом.

« — Не ври сказок, — ответил солдат. — Я-то лучше знаю. Я ее, подлую, первым делом под микроскоп сунул.

«Научный разговор происходил как раз в тот момент, когда я пробегал мимо них и вскакивал в пролетку. Оно похоже на сказку? но между тем, так было в действительности.

«Экипаж круто повернул в узкий переулок, вдоль той самой стены, у которой крестьяне складывали дрова и где теперь никого не было, так как все погнались за мной. Поворот был такой крутой, что пролетка едва не перевернулась. Она выровнялась только тогда, когда я сильно навалился во внутрь и потянул за собою приятеля. Лошадь теперь бежала крупной, красивой рысью по узкому переулку, и мы повернули налево. Два жандарма, стоявшие у дверей питейного, отдали честь военной фуражке моего друга. «Тише, тише,» говорил я ему, так как он был все еще сильно возбужден. «Все идет отлично. Жандармы даже отдают тебе честь»! Тут кучер обернулся ко мне, и в сияющей от удовольствия физиономии я узнал другого приятеля.

«Всюду по дороге мы встречали друзей, которые подмигивали нам или желали успеха, когда мы мчались мимо них на нашем великолепном рысаке. Мы выехали на Невский проспект, повернули в боковую улицу и остановились у одного подъезда, где и отослали экипаж. Я взбежал по лестнице и упал в объятия моей родственницы, которая дожидалась в мучительной тоске. Она и смеялась и плакала в то же время, умоляя меня переодеться поскорее и подстричь бросающуюся в глаза бороду. Через десять минут мы с моим другом вышли из дома и взяли извощичью карету.

«Тем временем, караульный офицер в тюрьме и госпитальные солдаты выбежали на улицу, не зная, что собственно делать. На версту кругом не было ни одного извозчика, так как все были наняты товарищами. Что же касается скрипача и дамы, снявших серенький домик, то они тоже выбежали, присоединились к толпе, а когда толпа рассеялась, они преспокойно ушли себе домой». «Так как Кропоткина всюду искали, а явиться на назначенную квартиру можно было только к ночи, они с приятелем покатались на островах, а потом отправились ужинать в один из самых шикарных ресторанов, справедливо рассуждая, что здесь полиции в голову не придет их искать.

Царь был взбешен и требовал поимки беглеца во что бы то ни стало. В Петербурге было оставаться невозможно. Некоторое время Кропоткин укрывался

на дачах под Петербургом. Потом перебрался в Финляндию, проехал ее по чужому паспорту и переправился в Швецию через самый северный и глухой порт в Ботническом заливе. Из Швеции Кропоткин переехал в Англию и поселился в Лондоне, где ему легче было найти заработок писанием заметок о географии России в английских газетах. Но в Лондоне в то время не было заметной революционной деятельности, и Кропоткину скоро стало скучно. Заручившись постоянной работой, он переехал в Швейцарию и присоединился там к Юрской федерации Международного Общества Рабочих (Интернационала). В местечке, где поселился Кропоткин, жило много деятелей Парижской Коммуны, успевших бежать из Парижа после разгрома, и несколько русских эмигрантов. Со всеми этими людьми у Кропоткина завязались дружеские связи, крепнувшие по мере развития любимой пропагандистской работы, распространения социалистических идей среди рабочих масс.

Согласно своим прежним симпатиям, Кропоткин по приезде за-границу примкнул к «бакунинской» фракции Интернационала, уже отколовшейся тогда и образовавшей свой Интернационал, который, правда, скоро распался. Может быть, в этом укреплении анархических взглядов Кропоткина, его отрицательного отношения к государству и к политической борьбе рабочих, немалую роль сыграли разочарования, испытанные им при попытке деятельности в России. Кропоткин принял сразу по возвращении за-границу участие

в конгрессе бакунинского Интернационала в городе Вервье в Бельгии. На этом конгрессе была принята определенно анархическая точка зрения. Организация общественной собственности предлагалась не в форме общей социализации, а в виде захвата общественного капитала отдельными рабочими группами, в связи с чем профессиональным союзам рекомендовалось стремиться к этому захвату путем экспроприации капиталистов. Этим было положено начало одной форме революционного рабочего движения, так называемому анархо-синдикализму, пренебрегающему легальной политической деятельностью и использующему самые крайние средства (как поломка машин и пр.) в борьбе с капитализмом. К социалистическим партиям на конгрессе было высказано явно враждебное отношение. На состоявшемся вскоре после того социалистическом съезде в Генте присутствовало 11 человек анархистов, в том числе Кропоткин. Но они остались в явном меньшинстве. Большинство стояло за открытую политическую деятельность, за постепенное развитие и подготовку рабочего класса. Анархисты потеряли надежду на возможность прочного международного объединения. Кроме того, многие из них вернулись к социалистическим партиям, разочаровавшись в анархической деятельности (ряд восстаний, происшедших в Италии и Испании при участии анархистов, не удался и обнаружил нежизненность анархической тактики). Анархизм стал вырождаться и принимать формы, совершенно чуждые его вождям и основателям. Таким вождем анархизма, за смертью Бакунина,

очень скоро стал Кропоткин. Но если для Бакунина самой важной была отрицательная, разрушительная сторона анархизма, Кропоткин больше всего думал о будущем строительстве людей в обществе, избавленном от гнета государства. Он думал о будущем творчестве, свободном сотрудничестве людей. Элементы его он усматривал и сейчас. Он считал именно сотрудничество, а не борьбу главным законом общества и доказывал его существование даже в животном мире. Считая человека добрым от природы, Кропоткин думал, что он устроился бы наилучшим образом, если бы был избавлен от государственного гнета. Насилие и разрушение он рассматривал, как неизбежное зло, с удовольствием отмечая все факты мирного прогресса анархических и коммунистических идей в современном обществе.

В 1879 году Кропоткин начал издавать газету «Бунтовщик», живя в Швейцарии. Но через два года ему пришлось, по требованию швейцарского правительства, от которого монархические страны добивались высылки эмигрантов, покинуть страну и переехать во Францию. В это время в России (после 1 марта 1881 года — убийства Александра II) усилилась реакция, и кружок высокопоставленных лиц организовал «священный союз». Союз ставил себе целью уничтожение политических эмигрантов, считавшихся виновниками всех политических выступлений в России. Был ими приговорен к смерти и Кропоткин. Но он об этом узнал заблаговременно и успел принять меры.

На год Кропоткин с женой (он в это время был уже женат) поселился в Лондоне. Он читал англичанам лекции о революционном движении в России, восторженно принимаемые слушателями. Но Франция больше привлекала Кропоткина, и он вскоре туда переехал. Русские шпионы и французские жандармы кишели вокруг его дома, и кончилось тем, что Кропоткин был арестован. Друзья предупреждали Кропоткина о возможности ареста, но он не захотел бежать. Вместе с ним арестовали 51 человек и всех обвинили в принадлежности к Интернационалу, хотя членом его был один Кропоткин. Его приговорили к пятилетнему заключению и штрафу, хотя никаких настоящих обвинений к нему предъявить не могли. Наказание он отбывал в громадной центральной тюрьме в Клерво, так что ему пришлось на практике испытать режим русских и французских тюрем. После этого он пришел к выводу, что даже хорошо устроенная тюрьма не исправляет, а развращает преступника, расслабляя его волю и энергию. Кропоткин просидел в тюрьме с 1883 по 1886 год, когда был выпущен по амнистии. После этого он вернулся опять в Англию, где занимался чтением публичных лекций и писанием разных книг и статей, как политического, так и чисто научного характера. Наиболее известными его сочинениями являются «Завоевание хлеба», «Речи бунтовщика», «Хлеб и воля», многие мысли которых о социальной революции стали прочным достоянием революционного социализма. Анархические взгляды Кропоткина высказаны, кроме отдельных статей и ре-

чей, в больших сочинениях: «Анархия» и «Коммунизм и анархия». В «Записках революционера» Кропоткин дал увлекательно написанную автобиографию. В книге «Взаимопомощь среди животных и людей» проводится мысль о принципе сотрудничества, лежащего в основе общества рядом с борьбой. Очень ценный научный труд представляет его «Великая французская революция».

В 1912 году анархисты всего мира праздновали 70-летний юбилей своего знаменитого теоретика. Революция 1917 года дала возможность Кропоткину вернуться на родину после сорока лет изгнания. Но он был уже слишком стар, чтобы принимать участие в политической жизни. Кроме того, это противоречило бы его анархическим взглядам, которым он остался верен. В последние годы жизни Кропоткин вернулся к вопросам, интересовавшим его еще в молодости, к вопросу о нравственности, считая разработку его неотложно-необходимой. Посмертным трудом его явился объемистый том под названием «Этика». Умер он 8 февраля 1921 года, 79 лет от роду.

1. В чем разница между анархизмом Бакунина и Кропоткина?

2. Нельзя ли сопоставить политические взгляды Бакунина и Кропоткина с особенностями личности того и другого революционера?

Петр Алексеевич
Алексеев
1849—1891

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ
(1849 — 1891).

«...Русскому рабочему народу остается только надеяться на себя и не от кого ожидать ему помощи, кроме одной нашей интеллигентной молодежи. Она одна братски протянула к нам свою руку. И она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»

Из речи Алексеева.

Петр Алексеевич Алексеев или, как его чаще называли в то время, «рабочий Петр Алексеев», был известным революционером-пропагандистом в 70-х годах прошлого столетия. Громкую известность он получил, главным образом, после своей замечательной речи, произнесенной на суде во время процесса 50-ти революционеров-пропагандистов. П. А. Алексеев является провозвестником русского рабочего движения.

Жизнь Алексеева представляет большой интерес, как пример стойкого борца за революцию, как пример человека сильной воли.

Петр Алексеев родился 14 января 1849 года в бедной крестьянской семье, в деревне Новинской, Сычевского уезда, Смоленской губ. Детство его прошло в обычной крестьянской обстановке. Подростком он должен был приняться за фабричный труд. Он поступил на ткацкую фабрику, и с тех пор ткацкое дело становится его профессией. Только в 16—17 лет он самоучкой, между делом, выучивается грамоте. Но одной грамотой любознательный ум молодого ткача не удовлетворялся. Алексеев стал искать сближения с более образованными людьми, которые могли бы помочь ему в приобретении знаний. Но он долго не встречал таких людей и вел существование обыкновенного тогдашнего фабричного: работал то в Москве, то в Петербурге, проводя за станком по 12 часов и ничем не выделялся из среды своих безграмотных или малограмотных товарищей.

Много даровитых людей из рабочего класса так и не успевало развить своих способностей и постепенно утрачивало умственные интересы, не находя себе никакого удовлетворения в жизни. Но Алексееву посчастливилось. Когда ему было уже за двадцать, ему удалось-таки наткнуться на ту интеллигентную молодежь (студентов, студенток, народных учителей), которая сама, несмотря на все препятствия со стороны правительства, искала сближения с рабочими. Это были революционеры-народники, которые

стояли за народ, старались поднять всенародное восстание против царя и помещиков. Но что из этого восстания должно выйти — в этом они плохо разбирались. Будущий коммунистический строй они представляли себе, как союз отдельных самостоятельных общин.

Эта встреча определила для Алексеева все его будущее.

Знакомство Алексеева с революционерами произошло в 1873 году через студента Сергея Силыча Синегуба, который стал учителем молодого ткача.

Синегуб был «чайковцем», т.-е. принадлежал к кружку революционеров-народников, одним из основателей которого был Николай Васильевич Чайковский. В этот кружок вошли наиболее сблизившиеся между собой и деятельные революционеры, члены разных кружков; таким образом, кружок чайковцев объединил в себе раскиданную по разным городам, конечно, преимущественно столичным и университетским, революционную молодежь.

Чайковцы, как почти все революционеры того времени, главной задачей своей жизни считали просвещение народа и подготовку его к общему восстанию путем только одной мирной пропаганды.

Чайковцы вели пропаганду среди рабочих. Через них они надеялись провести свои идеи и в толщу крестьянской России. Но на рабочих они смотрели только, как на подсобный материал. Только крестьянство было у народников настоящим народом, городской же рабочий должен был, так сказать, равняться

на крестьянина. Народники даже не представляли себе, что именно рабочий класс сделается краеугольным камнем нашей революции.

Одним из таких чайковцев был и Синегуб. Он посвятил себя пропаганде среди петербургских рабочих. Для того, чтобы сблизиться с рабочим классом, с которым пропагандисты вначале не имели никакой связи, Синегуб поселился в рабочем районе, у Нарвской заставы, и занялся обучением грамоте рабочих. Он принимал учеников у себя на дому, обучал их не только грамоте, но и разным предметам, сближался со своими учениками, читал им подходящие книги и разъяснял им положение вещей в России и на всем белом свете. Скоро у Синегуба в кругу рабочих образовалось ядро друзей и последователей. О нем, как об учителе, молва прошла по многим фабрикам, заводам и мастерским, и народ шел к нему даже не из близких мест.

Попал к Синегубу в ученики и Петр Алексеев.

Так началось его сближение с людьми из мира революционеров, о самом существовании которого он, до знакомства с Синегубом, едва ли даже догадывался.

Революционеры не только отвечали Алексееву на вопросы, на которые он раньше не находил ответа, не только обсуждали с ним общее положение дел, но еще снабжали книгами — и подцензурными, но соответственным образом подобранными, и нелегальными (которые печатались революционерами в тайных типографиях или за-границей). Алексеев читал их жадно по ночам, после долгой дневной работы,

и у него открывались глаза. Вскоре Петруха, как называли товарищи Алексеева, научился правильно разбираться в социальных вопросах, а некоторое время спустя он сделался вполне убежденным революционером и социалистом, а также пылким пропагандистом.

Возможность распространять среди непрозревших еще товарищей открывшуюся ему самому истину необыкновенно увлекла Алексеева, и он с головой ушел в дело революционной пропаганды. Его практичность крестьянина и фабричного, знание трудовой среды, уменье подойти к рабочему и разговаривать с ним на понятном ему языке сделали его особенно ценным сотрудником для революционеров - интеллигентов, часто совсем оторванных от народной жизни. При народнической программе, широкая пропаганда среди рабочего класса не могла вестись вполне сознательно и планомерно, не могла освещаться конечной целью. Такого сознательного рабочего, каким был Алексеев, народническая программа приводила порой в отчаянье. Он видел, что она совсем не вяжется с зарождавшимся уже тогда в России рабочим движением, убеждался, что и народ еще далеко не готов к той полной социальной революции в ближайшие годы, о которой мечтали интеллигенты-народники. И Алексеев временами впадал в уныние. Но так как, повидимому, Алексеев жил больше действительным рабочим движением, чем программами своих учителей - народников, то припадки уныния у него скоро проходили. И тогда Алексеев снова

с головой уходил в революционную работу среди своей рабочей братии.

Алексеев поступал на какую-нибудь большую фабрику и работал на ней некоторое время, а когда убеждался, что колесо пропаганды пошло в ход, переходил на другую. Иногда, когда у рабочих, при обысках, находили нелегальную литературу и на Алексеева падало подозрение, что именно он ее распространял (он был всегда на подозрении у полиции), ему приходилось скрываться, чтобы избежать ареста. Но спустя некоторое время он с неослабной энергией принимался вновь за свою деятельность.

Это была самая счастливая пора в жизни П. А. Алексеева. Все свои силы и все знание, которое стоило ему стольких трудов и лишений, он спешил отдать целиком своему темному, но родному рабочему классу. Едва ли был в то время человек, который принес больше пользы рабочему делу.

В 1875 г. Алексеев перенес свою деятельность из Петербурга в Москву. Произошло это из-за того, что петербургский кружок чайковцев был разгромлен, и почти все его члены оказались в тюрьме. Центром революционной пропаганды становится московская организация. Как и раньше, деятелями ее является опять интеллигентская молодежь, но также и многие рабочие.

Через несколько месяцев усиленной деятельности в Москве, Алексеев был арестован. С ним вместе аре-

стовали восемь товарищей, из которых двое были женщины. Вслед за ними в разных городах было арестовано до 50 человек. Все это были члены московской организации, разъехавшиеся по России после ареста своих главарей. В глазах правительства дело получило серьезный характер, особенно потому, что властям пришлось в первый раз столкнуться с вполне сознательными, смелыми революционерами из самых низов народа. До этого времени царским судьям приходилось иметь дело с революционерами, вышедшими из высшего и среднего классов. Теперь на сцену выступали рабочие. Для того, чтобы запугать общество призраком подготовляемой революции, правительство создало из него крупное политическое дело, так называемый «процесс 50-ти».

В виду важности дела оно было перенесено в Петербург, и всех подсудимых свезли туда. Следствие тянулось почти два года, которые обвиняемые и провели в доме предварительного заключения, на Шпалерной улице.

Алексееву эти два года заключения принесли в некотором отношении большую пользу. На воле он проводил почти весь день в работе, а немногие свободные часы отдавал пропаганде. Для забот о собственном развитии у него не оставалось почти досуга. В тюрьме этого досуга было достаточно, и он заполнял его чтением. Кроме того, тюрьма давала возможность сношений с развитыми, образованными людьми, к которым Алексеева всегда тянуло. На воле видеться с ними ему удавалось лишь урывками.

В тюрьме Алексеев имел постоянное общение с людьми, благодаря которым его умственное развитие раздвинулось еще шире. Тюремные порядки были не очень строги, заключенные могли сноситься друг с другом. Шли оживленные толки о предстоящем суде, заключенные обменивались рассказами о своей революционной деятельности, обсуждали будущие судьбы России. Словом, в стенах тюрьмы кипела бодрая жизнь. Товарищеское общение оказывало на всех заключенных огромное влияние, но, может быть, Алексеев ощущал его на себе сильнее других. В «предварилке» Алексеев значительно расширил круг своих знаний и вообще умственно вырос.

Среди других рабочих, его товарищей по революционной работе и по заключению, были люди более его начитанные и образованные, прекрасно говорящие. Но в Алексееве была какая-то особенная сила характера, страстная убежденность, способность к большому подъему, мощный голос. Эти свойства придавали особое обаянье личности Алексеева и его речам и очень выделяли его среди товарищей.

Подсудимым, как всегда это водится, было предоставленно пригласить себе защитников; каждому подсудимому было также предоставлено «последнее» слово. От защитника Алексеев решительно отказался. Все подсудимые согласились не выступать каждый в отдельности со своим «последним» словом, а выбрали трех ораторов, которые должны были высказаться от лица всех подсудимых за все их общество, оправдывать не самих себя, а свое дело.

Двум ораторам-интеллигентам, Бардиной и Здановичу, было поручено говорить о социализме и о необходимости коренных преобразований в общественном строе. Третьим оратором был выбран Петр Алексеев. Товарищами было решено, что кому же, как не Петрухе, прирожденному крестьянину и рабочему, с его мощным даром слова, выступить с речью о положении в России крестьян и рабочих, для которых единственным выходом из их невыносимого положения является революция.

Алексеев не только оправдал, но превзошел ожидания товарищей. Его громовая речь, которую он говорил от «миллионов людей рабочего населения», в которой он беспощадно вскрывал всю неправду социального строя России, произвела потрясающее впечатление на все русское общество и даже на самих судей, которые не могли заставить замолчать неистового оратора.

Вот та речь, которую Алексеев произнес на суде:

«Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого образования, за неимением школ и времени от долгого, непосильного труда и скудного за это вознаграждения. Девяти лет, — мальчишками, нас стараются проводить с хлеба долой на заработки. Что же нас там ожидает? Понятно, продаемся капиталисту на сдельную работу из-за куска черного хлеба, поступаем под присмотр взрослых, которые розгами и палками приучают нас к непосильному труду;

питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами, воздуха; спим, где попало, на полу без всякой постели и подушки в головах, завернувшись в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством разных паразитов. В таком положении некоторые навсегда затупляют свою умственную способность, и у них не развиваются нравственные понятия, усвоенные еще в детстве; остается все то, что только может выразить одна, грубо воспитанная, всеми забытая, от всякой цивилизации изолированная, мускульным трудом зарабатывающая хлеб, рабочая среда. Вот что нам, рабочим, приходится выстрадать под ярмом капиталиста в этот детский период! И какое мы можем усвоить понятие по отношению к капиталисту, кроме ненависти? Под влиянием таких жизненных условий с малолетства закаляется у нас решимость до поры до времени терпеть с затаенной ненавистью в сердце весь давящий нас гнет капиталистов и без возражений переносить все причиняемые нам оскорбления.

«Взрослому работнику заработную плату довели до минимума, из этого заработка все капиталисты без зазрения совести стараются всевозможными способами отнимать у рабочих последнюю трудовую копейку и считают этот грабеж доходом. Самые лучшие для рабочих из московских фабрикантов,—и те сверх скудного заработка эксплоатируют и тиранят рабочих следующим образом. Рабочий отдается хозяину на сдельную работу, беспрекословно и с точностью ис-

полняет все рабочие дни и работу, для которых поступил, не исключая и бесплатных хозяйских чередов. Рабочие склоняются перед капиталистом, когда им по праву или не по праву пишут штраф, боясь лишиться куска хлеба, который достается им 17-ти часовым дневным трудом. Впрочем, я не берусь описывать подробности всех злоупотреблений фабрикантов, потому что слова мои могут показаться неправдоподобными для тех, которые не хотят знать жизни работников и не видели жизни московских рабочих, живущих у знаменитых русских фабрикантов. Везде одинаково рабочие доведены до самого жалкого состояния. 17-ти часовой дневной труд, и едва можно заработать 40 копеек. Это ужасно! При такой дороговизне съестных припасов приходится выделять из этого скудного заработка на поддержку семейного существования и уплату казенных податей. Нет! При настоящих условиях жизни работников невозможно удовлетворять самым необходимейшим жизненным потребностям человека. Пусть пока они умирают голодной медленной смертью, а мы, скрепя сердце, будем смотреть на них до тех пор, пока не освободим из-под ярма нашу усталую руку, и свободно можем тогда протянуть ее для помощи другим! Отчасти все это странно, все это непонятно, темно, и отчасти как-то прискорбно, а в особенности сидеть на скамье подсудимых человеку, который чуть ли не с самой колыбели всю свою жизнь зарабатывал 17-ти часовым трудом кусок черного хлеба.

«Я несколько знаком с рабочим вопросом наших

братьев-западников. Они во многом не походят на русских: там не преследуют, как у нас, тех рабочих, которые все свободные минуты и много бессонных ночей проводят за чтением книг, напротив, там этим гордятся, а об нас отзываются, как о народе рабском и полудиком.

«Да как иначе о нас отзываться? Разве у нас есть свободное время для каких-нибудь занятий? Разве у нас учат с малолетства чему-нибудь бедняка? Разве у нас есть полезные и доступные книги для работника? Где и чему они могут научиться? А загляните в русскую народную литературу! Ничего не может быть разительнее того примера, что у нас издаются для народного чтения такие книги, как «Бова Королевич», «Еруслан Лазаревич», «Ванька Каин», «Жених в чернилах и невеста во щах» и т. п. Оттого-то в нашем рабочем народе и сложились такие понятия о чтении: одно забавное, а другое божественное. Я думаю, каждому известно, что у нас в России рабочие все еще не избавлены от преследования за чтение книг, а в особенности, если у него увидят книгу, в которой говорится о его положении,—тогда уж держись! Ему прямо говорят: «ты, брат, не похож на рабочего, ты читаешь книги». И страннее всего то, что и иронии не заметно в сказанных словах, что в России походить на рабочего то же, что походить на животное.

«Господа! Неужели кто полагает, что мы, работники, ко всему настолько глухи, слепы, немы и глупы, что не слышим, как нас ругают дураками, лентяями,

пьяницами? Как будто уж и в самом деле работники заслуживают слыть в таких пороках? Неужели мы не видим, как вокруг нас богатеют и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можем и понять, почему это мы так дешево ценимся и куда девается наш невыносимый труд? Отчего другие роскошествуют, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? Неужели мы не чувствуем, как тяжело повисла на нас так называемая всесословная воинская повинность? Неужели мы не знаем, как медленно и нехотя решался вопрос о введении сельских школ для образования крестьян, и не видим, как сумели его поставить? Неужели нам не грустно и не больно было читать в газетах высказанное мнение о найме рабочего класса?

«Те люди, которые такого мнения о работниках, будто они нечувствительны и ничего не понимают, глубоко ошибаются. Рабочий же народ, хотя и остается в первобытном положении и до настоящего времени не получает никакого образования, но он смотрит на это, как на временное зло, как и на самую правительственную власть, временно захваченную силою и только для одного разнообразия ворочающую все с лица да на изнанку. Да больше и ждать от нее нечего! Мы, рабочие, желали и ждали от правительства, что оно не будет делать подобных тягостных для нас нововведений, не станет поддерживать рутины, обеспечит материально крестьянина, выведет нас из первобытного положения и пойдет скорыми шагами вперед. Но увы! Если оглянемся назад, то получаем

полное разочарование, и если при этом вспомним незабвенный, предполагаемый день для русского народа, день, в который он с распростертыми руками полный чувства радости и надежды обеспечить свою будущую судьбу, благодарил царя и правительство,— 19 февраля. И что же? И это было для нас одной мечтой и сном. Эта крестьянская реформа 19-го февраля 1861 года, реформа «дарованная», хотя и необходимая, но не вызванная самим народом, не обеспечивает самые необходимые потребности крестьянина. Мы попрежнему остались без куска хлеба, с клочками никуда не годной земли, и перешли в зависимость к капиталисту.

«Именно, если свидетель, приказчик фабрики Носовых, говорит, что у него за исключением праздничного дня все рабочие под строгим надзором, и неявившийся в назначенный срок на работу не остается безнаказанным, а окружающие ихнюю сотни подобных фабрик набиты крестьянским народом, живущим при таких же условиях,—значит, они все крепостные.

«Если мы, к сожалению, нередко бываем вынуждены просить повышения пониженной самим капиталистом заработной платы, нас обвиняют в стачке и ссылают в Сибирь,—значит, мы крепостные.

«Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета вследствие перемены доброты материала и притеснения от разных штрафов, нас обвиняют в составлении бунта и прикладом солдатского ружья приневоливают про-

должать у него работу, а некоторых, как зачинщиков, ссылают в дальние края, — значит, мы крепостные.

«Если из нас каждый отдельно не может подавать жалобу на капиталиста, и первый же встречный квартальный бьет нас в зубы кулаком и пинками гонит вон, — значит, мы крепостные!

«Из всего мною вышесказанного видно, что русскому рабочему народу остается только надеяться самому на себя и не от кого ожидать помощи, кроме одной нашей интеллигентной молодежи... Она одна братски протянула к нам свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голос на все слышанные крестьянские стоны Российской империи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значат и от чего это отовсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма, угнетенного крестьянина. Она одна, как добрый друг, братски протянула к нам свою руку и от искреннего сердца желает вытащить нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь. Она одна, не опуская руки, ведет нас, раскрывая все отрасли для выхода всех наших собратьев из этой лукаво построенной ловушки, до тех пор, пока не сделает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа. И она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»

Речь Алексеева прерывалась несколько раз воз-

гласами председателя суда, который приказывал ему замолчать. Но Алексеев только возвышал голос и продолжал говорить, пока не довел ее до конца.

Закончив свою громовую речь, Алексеев поднял свою мускулистую, мозолистую руку рабочего и погрозил ею врагам народа.

Речь Алексеева была, как удары молота. Это был настоящий приговор существующему строю. Впечатление от нее было потрясающее.

Алексееву эта речь создала громкую известность. Отпечатанные в тайных типографиях, оттиски его речи распространялись среди тогдашней молодежи и зачитывались в буквальном смысле до дыр. Симпатии общества были на стороне подсудимых и их дела. Возбуждение было сильное, как ни старалось правительство замять это дело.

Но, кроме славы, «последнее» слово принесло Алексееву и жестокую расплату. За свою речь он был приговорен к 10-ти годам каторги. Большая часть осужденных обжаловала приговор, за некоторых хлопотали их родственники и адвокаты, и таким кары были более или менее смягчены, сроки каторги сбавлены. Алексеев и четыре его товарища оказались строптивыми: они не захотели подавать ни жалоб, ни прошений. За такую строптивость им не сделали никаких сбавок и даже еще отягчили их положение. Всех пятерых отправили отбывать наказание в самую

ужасную из всех каторожных тюрем—Центральную Харьковскую. В этой тюрьме содержали в полном обособлении от мира, в строжайшем одиночестве, в самых суровых условиях наиболее тяжких преступников.

В «централке» Алексеев и его товарищи выжили около двух с половиной лет. Жизнь была сплошным страданием. Заключенных политических держали наравне с уголовными, по-арестантски обритых и закованных в цепи, всегда под замком, в мрачных и холодных одиночных камерах. Обращение с политическими было самое возмутительное. От диких и нелепых сцен с надзирателями можно было избавиться, лишь совсем перестав говорить с ними, ограничиваясь самыми необходимыми односложными ответами. Пища была такова, что даже совсем изголодавшиеся заключенные с трудом заставляли себя проглатывать ее. Не у всех осужденных хватало сил выдержать такое суровое заключение: многие доходили до полного физического истощения, другие сходили с ума. Но и этих несчастных продолжали держать в прежних условиях. В виде протеста заключенные прибегали к всеобщей голодовке. Только это заставляло начальство на время ослабить суровый режим.

Осенью 1880 года все централисты были совершенно неожиданно для них вывезены из ненавистной им «централки» и отправлены в пересыльную тюрьму в город Мценск, Орловской губ. Там они прожили зиму, а весной их отправили в Сибирь,

в далекую Забайкальскую область, в карийскую каторжную тюрьму, куда они и прибыли после полугодового путешествия.

Многие заключенные вышли из Харьковской тюрьмы еле живыми. Но нашлось несколько здоровяков крепкого духа, которых и «централка» не надломила и даже не отразилась заметно на их внешности. Одним из этих немногих был Петр Алексеев. Он перенес все то, что и прочие товарищи, но вступил в мценскую, а позже в карийскую тюрьмы несокрушимым и бодрым. Люди, встречавшиеся с ним в этот период, все отмечают его железное здоровье и физическую силу, его бодрость и общий подъем надежды и веры в будущее.

Условия жизни в мценской тюрьме и во время пути на Кару были во много раз лучше, чем в «централке». Общий режим, отношение начальства были значительно мягче; не было ужасов одиночества,—политических держали вместе и не препятствовали им вести беседы, организовываться в артели; а свежий воздух и смена впечатлений во время пути по Сибири, сравнительно лучшее питание восстановило здоровье каторжников и усилили бодрое настроение. Они чувствовали себя почти счастливыми.

В карийской тюрьме Алексеев пробыл до конца 1884 года. Первый год пребывания в ней был для всех карийцев тоже сравнительно легким. Политических не брили, не заковывали в кандалы, из арестантских халатов разрешалось перекраивать себе платья

по собственному вкусу. Разрешено было иметь кое-какие инструменты, так что многие занимались ремеслами; завели при тюрьме библиотеку из присылаемых родными и друзьями книг. Составился хор и устраивали концерты. Обязательных работ для политических не полагалось, так что у них было достаточно времени для устройства и ведения своей общественной жизни, для работ, чтения и занятий и даже развлечений. Многие каторжане серьезно занимались различными науками и через несколько лет выходили с каторги вполне образованными людьми.

Почти все политические каторжники были социалистами и потому жили в тюрьме коммуной: деньги, которые получались из внешнего мира, поступали в общую кассу; все тяжелые и неприятные работы исполнялись по очереди. Все дела решались общим сходом артели, а для заведывания кассой и сношения с тюремным начальством выбирался староста. Алексеев принимал самое деятельное участие в палаживании этой жизни. Кроме того, он умел всегда сглаживать те трения и шероховатости, которые чувствовались зачастую в отношениях интеллигентов и рабочих.

Невмешательство властей во внутреннюю жизнь тюрьмы и умение заключенных сорганизоваться помогали карийцам поддерживать свое душевное и физическое здоровье. Но тюрьма—все-таки тюрьма. Молодые, здоровые люди были вынуждены губить свою молодость, проводя год за годом все в том же сарае, обнесенном высоким частоколом, все в тех же уны-

лых стенах битком набитых камер, в густой толпе все тех же товарищей по заключению. Это было тяжело для всех; для многих совершенно невыносимо. И вот решено было подготовить побеги. При помощи разнообразных хитростей устроили побег двум товарищам, которых артель решила выпустить в первую очередь: Мышкину и рабочему Хрущеву. Те ушли благополучно. За ними выпустили спустя некоторое время вторую, потом третью пару, но четвертая пара потерпела неудачу: была замечена часовым и поймана. Среди начальства поднялся переполох, и вскоре разыскали в гористых, таежных окрестностях Кары и других беглецов. Мышкина и Хрущева поймали уже во Владивостоке перед самым их отъездом в Америку. С этого времени жизнь карийских заключенных сделалась опять совершенно невыносимой. Раздраженное тюремное начальство мстило им всячески за эти побеги. Высшее начальство из Петербурга слало приказы с требованиями самых строгих наказаний.

По воспоминаниям карийцев Петр Алексеев переживал все эти события вместе со всеми твердо и мужественно. Он, конечно, принимал участие и в подготовке побегов, и разделял с товарищами все последовавшие за ними злоключения тюремной жизни.

В 1884 г. Петр Алексеев вышел «на поселение»; его отправили в далекую Якутскую область, где ему предстояло прожить еще 10 лет в звании «ссыльно-поселенца».

В этом забытом, далеком холодном крае, среди чужих ему якутов, Алексеев жил уже на свободе, своим хозяйством. Прирожденный крестьянин и очень искусный косец, Алексеев вскоре устроился сравнительно хорошо, и его хозяйство начало процветать. Но, конечно, условия жизни были самые тяжелые, даже для такого сильного человека, каким был Алексеев. Он жил надеждой, что ему удастся еще вернуться в Россию, чтобы продолжать работать для народа.

Товарищи по карийской тюрьме, ценя его силу и глубокую революционную убежденность, дали ему перед выходом с каторги двести рублей на побег. Алексеев хранил эту сумму до случая. Пускаться в путь без ясной цели он считал напрасным и жил в улусе (деревне), коротая время в работе, а частью в чтении и в общении с товарищами ссыльными, с которыми встречался, бывая изредка в городе или заезжая погостить к ним в соседние улусы.

Но надеждам Петра Алексеева не суждено было сбыться. Уже не задолго до срока, когда он должен был получить право выезда из Якутской области для переселения в любое место Сибири, жизнь его оборвалась внезапно, жестоко и бессмысленно.

Осенью 1891 года Алексеев, закончив косьбу, отправился в город за покупками; пора было приготовляться к долгой, суровой якутской зиме. По дороге он был убит соседями якутами, которые считали хозяйственного Алексеева за человека богатого.

Так и не пришлось Алексееву вернуться в Россию и еще поработать для общего народного дела, которому он и так отдал все свои силы. Ему не пришлось увидеть, как разлилось по России широкой волной рабочее движение. А между тем в начале 90-х годов в России в рабочих центрах появились пропагандисты, которые несли рабочим уже не народнические теории, а настоящий научный коммунизм. И если бы П. А. Алексееву удалось вернуться в Россию, он был бы свидетелем и участником рабочего движения.

«Прошло 35 лет со дня смерти знаменитого ткача-революционера, но в памяти трудящихся масс П. А. Алексеев никогда не умрет.

Уже бывшие учителя П. А. Алексеева, народники, очень гордились своим выучеником и последователем из «народа». Но они никогда не могли понять его роли в истории, как провозвестника могучего рабочего движения, потому что сами этого движения не признавали.

Народники совершенно не понимали классовых различий в народе. Идя в народ, надевая мужицкое платье, они никогда не могли порвать родства с буржуазной средой, из которой сами вышли.

П. А. Алексеев, конечно, не имел еще научного понятия о классах. Но плоть от плоти рабочего класса, он сумел так близко подойти к живому, народному рабочему движению, так хорошо понять его нужды и его задачи, что, например, в его замеча-

тельной речи на суде мы не находим и следов надуманных народнических теорий. Своим пролетарским чутьем он верно угадывал силу своего класса и его будущую великую роль в деле освобождения».

ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВУ.

Барству да маклачеству
Неужель потворствовать...
Не хотелось молодцу
Кланяться, холопствовать.

Не взлюбило пылкое
Сердце непокорное
Путь-дорожку битую,
Путь-дорожку торную.

Правду неподкупную
Белый свет увидела
Голова удалая
И возненавидела

Долю подневольную,
Волюшку забитую,
Злобу окаянную,
Злобу ядовитую;

Вызвать в бой осмелилась
Гордо, без смущения,
Царскую опричнину,
Силу угнетения.

Эй же, и озлобились
Подлостью богатые,
Палачи народные
Палачи проклятые.

Каменное, жесткое,
Сердце их гранитное
Ядом переполнилось,
Местью ненавистною.

Говорят удалому
Речи ненавистные:
«За свободомыслие,
Чувства бескорыстные,

Да за жизнь рабочую,
Трудную, да серую
Получи наградушку
Нашу полной мерою.

Ты слюбился с волюшкой,
Что с душой девицею,
Так спознайся, молодец,
С душною темницею.

Не взлюбил ты, горюшко,
Жизнь раба бездольную —
Так уж выпей, молодец,
Горя чашу полную.

Чтобы гребню частому
Не было работушки,
Этой непоклончивой
Сбреем полголовушки;

В звании кандальника,
Битого, голодного,
Ройся в адском темени
Рудника холодного;

Знай, землицу матушку
Заступом покапывай,
Песню пой о волюшке,
Да цепьми побрякивай.

Думал ты, для родины
Цепи рабства пагубны, —
Так добудь железца нам,
Нам на цепи надобно.

А уж цепи выкуем,
Так на славу, тонкие,
Хоть тяжеловатые,
Да, как гусли, звонкие».

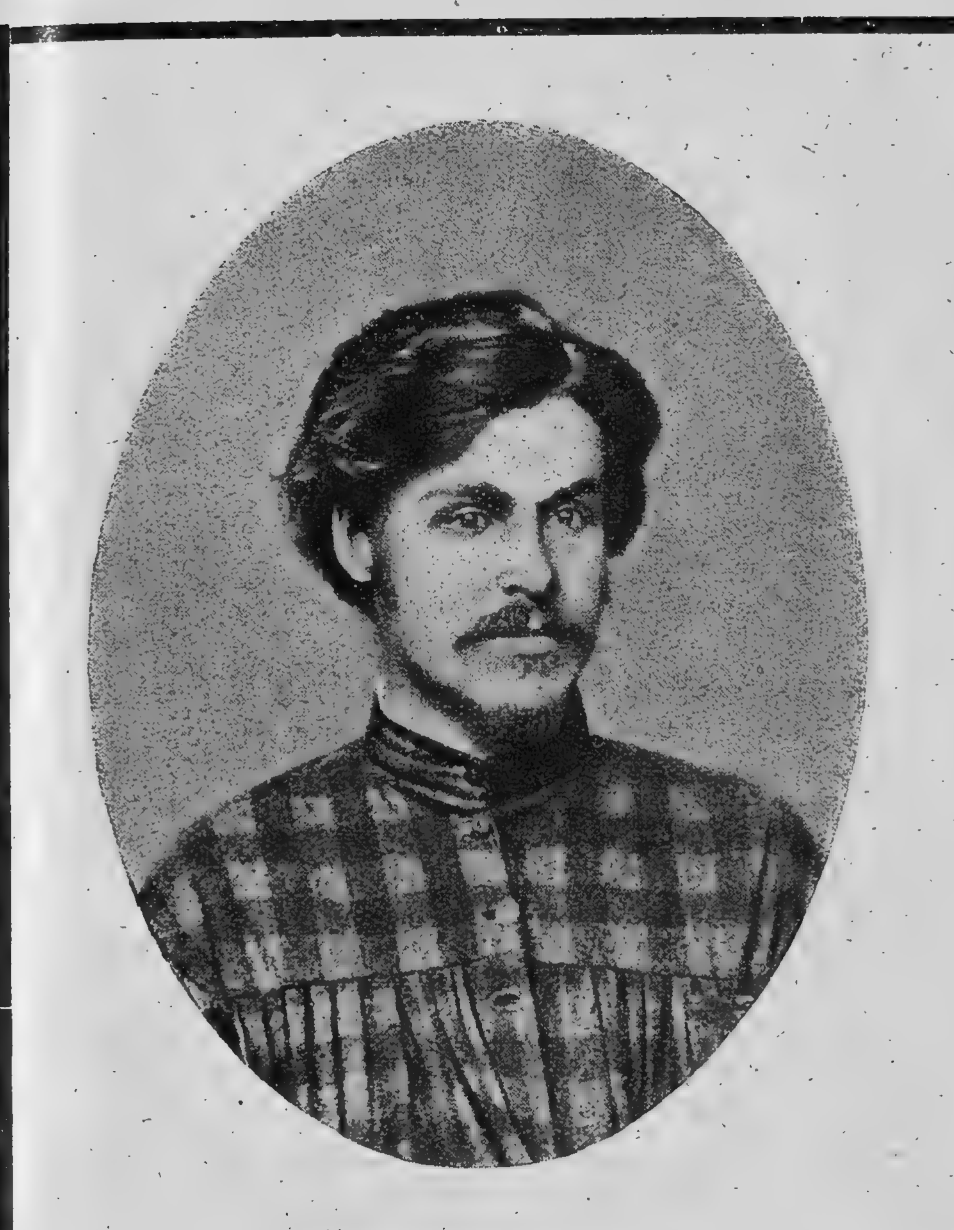
Голова удалая
Все ж не поклонилася,
Сердце молодецкое
Все же не покорилося:

«Что ж, закуйте в цепь меня
И обрейте голову,
Но не сброшу с плеч своих
Я креста тяжелого;

Не бегу страдания, —
Сила в нем великая, —
Перед ним рассеется
Ваша злоба дикая;

На него помолится
Весь народ задавленный,
Славой увенчается
Вами обесславленный».

Вербовчанин.

Степан Николаевич
Халтурин
1856 — 1882

СТЕПАН НИКОЛАЕВИЧ ХАЛТУРИН
(1856 — 1882).

«... Будем соединяться во имя равенства, братства и своего освобождения, призовем всех в наши союзы, обсудим сообща свое положение, приищем средства к успешной борьбе, дружно будем защищать свои права восстать против всякого насилия. Нечего нам страшиться, если нескольких из наших товарищей засадят в тюрьму, на каторгу — этого требует всякая борьба. Будущее в наших руках, оно нам принадлежит, не упустим же его! Смело вперед, в борьбу с правительством и хозяевами, с нынешним обществом за свои права, за новую жизнь!»

«Рабочая Заря» № 1.
Первая рабочая газета, издав. Сев. Рабоч. союзом.

С. Н. Халтурин — революционер 70-х годов прошлого столетия.

Это представитель народных масс и один из видных пионеров русского рабочего движения. Степану Николаевичу Халтурину по справедливости принад-

лежит одно из первых мест в истории борьбы русского пролетариата за свое освобождение.

С. Н. Халтурин родился 1 декабря 1856 года в семье зажиточных государственных крестьян в деревне Халевинская или Верхние Журавли Вятской губернии. Семья Халтурина была многочисленна. Степан был последним и потому пользовался особой любовью родителей.

Степан уже в детстве отличался особенной ловкостью. В учении он не был силен, но проявлял большой интерес к технике: раздобывал порох, мастерил ружья, устраивал взрывы. Сельскохозяйственный труд его не привлекал.

После первоначального обучения в уездном училище, Степан был отправлен в губернский город в «Вятское Земское училище для распространения технических и сельскохозяйственных знаний и подготовки учителей».

Земские школы в Вятской губернии были поставлены довольно хорошо, так как земство этой губернии, почти лишенной помещиков, было демократическим и серьезно заботилось о народном просвещении. Программа была широкая, и училище давало своим воспитанникам довольно солидное образование. Курс училища был четырехлетний. Но Халтурин не окончил его. В училище Халтурин научился столярному ремеслу, которым он с тех пор и занимался. Из Халтурина вышел замечательно искусный столяр.

В то время Вятка служила местом ссылки для политических, около которых и группировалась уча-

щаяся молодежь. Там были кружки, занимавшиеся самообразованием и интересовавшиеся политическими вопросами. Попадали в них и рабочие. Попал в такой кружок и Халтурин.

В кружке Халтурин узнал впервые о борьбе рабочих за свои права. Здесь у него раскрылись глаза на тяжелое положение рабочего класса в капиталистическом обществе. Здесь он проникся, хотя и смутно, идеями социализма. 17-летний столяр начинает мечтать о переустройстве общественной жизни на новых началах. Его увлекает идея общности имущества, он мечтает об основании коммуны. Совместно с другими членами кружка молодой столяр задумывает поездку в Америку для устройства там коммуны, так как в те времена Америка представлялась русским социалистам именно такой страной, в которой возможно осуществление коммунистического строя.

Конечно, планы Халтурина не удались, и в конце концов, после многих мытарств, он очутился в Петербурге без денег, без паспорта и без работы. Вначале Халтурин сильно нуждался и брался за всевозможные работы. Случайно он встретился со своим бывшим учителем, который принял в нем близкое участие, устроил на работу на железной дороге и ввел в кружки революционной петербургской интеллигенции.

Здесь начинается общественная деятельность Халтурина. Имея уже некоторую подготовку, полученную в вятском кружке, Степан Николаевич пополнял и расширял дальше свое образование упорным трудом.

Общение с революционерами окончательно оформило его политические убеждения. Большое преимущество Халтурина заключалось в том, что он сам вышел из трудового народа. Будучи рабочим и работая в качестве столяра по заводам, он получил возможность заводить обширные связи в столичной рабочей среде, с жизнью и интересами которой близко ознакомился во время своих скитаний по мастерским.

Уже в те времена петербургские рабочие стояли в первых рядах русского рабочего класса. Здесь раньше, чем в других местах России, выработались кадры настоящего промышленного городского пролетариата, меньше связанного с деревней, более свободного от «власти земли» и от предрассудков сельского населения и проникнутого боевым и революционным духом. Пропаганда революционных и социалистических идей велась среди рабочих уже с начала 60-х годов XIX в.

Ко второй половине 70-х годов, т.-е. ко времени прибытия Халтурина в Петербург, здесь имелось уже не мало сознательных и революционно настроенных рабочих, проникнутых социалистическими взглядами. В Петербурге начались первые выступления рабочих, носившие уже характер не слепых бунтов, а вылившиеся в современные формы пролетарской борьбы: забастовки, организации рабочих обществ, профессиональных и политических.

Общение с петербургскими рабочими и встречи с революционерами-интеллигентами, занимавшимися социалистической пропагандой в рабочей среде, со-

здали из Халтурина, после 2-х-летнего пребывания в Петербурге, сознательного и убежденного социалиста и деятельного пропагандиста в рабочей среде.

Халтурину было тогда всего 18—19 лет.

В средине 70-х годов XIX в., т.-е. в то время, когда Халтурин принял участие в революционной борьбе, в России, среди интеллигенции господствовало так называемое народничество. Оно распадалось на две главные группы: «пропагандистов» или «лавристов» (по имени известного революционного деятеля и ученого Петра Лаврова) и «бунтарей», анархистов, сторонников Бакунина.

Хотя оба направления во многом резко расходились, однако они сходились в том, что одинаково представляли себе будущую русскую социальную революцию в виде восстания крестьянства, которое должно одним ударом смести и царское правительство, и капиталистический строй. «Лавристы» настаивали на мирной пропаганде и постепенной организации революционных сил. «Бунтари» отстаивали необходимость боевых выступлений, бунтов, из которых родится всеобщее народное восстание. Но оба течения признавали настоящим «народом» только крестьянство.

На городских рабочих народники смотрели только, как на подсобную силу, занимающую промежуточное положение между интеллигенцией и крестьянской массой. В рабочей среде они вербовали пропагандистов и агитаторов для деревни. Самостоятельного

значения пролетариата тогдашние социалисты не понимали. Его значения, как класса, которому суждено сыграть руководящую роль в борьбе с самодержавием и с буржуазией, они не видели. О его особых, чисто пролетарских задачах, целях, интересах они не помышляли.

Понятно, что при таких взглядах, у народников ни о какой особой рабочей программе и о самостоятельном рабочем движении не могло быть и речи.

Кроме того, народники не ставили социальную революцию в связь с политической. Они считали народ вполне подготовленным к социальной революции, а политическую, как частичную, совсем не признавали, даже считали вредной. Политические свободы, конституция, по их мнению, могли лишь упрочить власть буржуазии и дать ей возможность организоваться против народа. Конечно, о завоевании власти рабочим классом и об установлении диктатуры пролетариата, которая играет такую существенную роль в программах рабочих партий, народники и вовсе не думали, особенно анархисты, которые вообще не признают никакой государственной власти. Таких взглядов придерживались не только народники интеллигенты, но и рабочие, подпавшие под влияние «народнических» идей.

Но жизнь разбила отвлеченные воззрения народников. Работа в крестьянстве оказалась далеко не такой удачной, как надеялись народники. Зато в среде рабочих, на которых народники затрачивали гораздо

меньше сил, результаты их работы оказались гораздо более удачными.

Кроме того, народники, вопреки своему желанию, самой жизнью были втянуты в политическую борьбу с царизмом; это ясно доказало несостоятельность их воззрений.

Степан Николаевич Халтурин был одним из таких распропагандированных народниками рабочих. Он сильно двинул вперед свое образование. Халтурин не любил слишком отвлеченных рассуждений, но по знанию истории революционного движения на Западе и русской истории мог свободно потягаться со студентами социалистами. Кроме того, он внимательно изучал конституции западно-европейских государств. Этим он приводил в удивление и даже негодование знакомых ему интеллигентных революционеров: ведь народники отрицательно относились ко всякой буржуазной конституции. С другой стороны, Халтурин совершенно не интересовался крестьянской общиной. В этом было его громадное расхождение с народниками.

Таким образом, беря от интеллигентов то, что они могли ему дать, как люди, стоящие выше по образованию, он не подчинялся всецело их влиянию. Он не мог согласиться, что движение рабочих имеет только вспомогательное значение для самого главного — для движения крестьянских масс. По своим взглядам Халтурин стоял ближе к тем западно-европейским социалистам, которые в революционном движении отводили главную роль пролетариату.

Кровными нитями был связан Халтурин с рабочим классом. С самого своего появления в Петербурге, в 1875 г., он начал организовывать кружки рабочих на тех предприятиях, где он работал. А работал он во многих местах. По своему нелегальному положению, не имея паспорта, живя под чужим именем, Халтурин, чтобы избегнуть ареста, принужден был постоянно переходить с одного места на другое. За 4 года пребывания в Петербурге он таким образом перебывал чуть не на 50 фабриках и заводах. И всюду он клал начало организации наиболее передовых рабочих.

Своих товарищей-рабочих Халтурин старался приучить к чтению необходимых для сознательного революционера книг и завел для этого тайную рабочую библиотеку, в которой сам был библиотекарем. Уже с 1876 г. он стремился соединить отдельные кружки рабочих-социалистов в одну организацию.

Довольно долго Халтурин мечтал устроить одновременную стачку всех петербургских рабочих. Как известно, мечта его осуществилась только в 1905 г. По интересовавшему его вопросу о всеобщей стачке Халтурин искал сведений в книгах и стремился непосредственно ознакомиться с положением рабочего класса в Петербурге и его численностью в различных производствах. Неудовлетворенный тем, что давала существующая статистика, он стал сам собирать нужные ему сведения, разнося по фабрикам и заводам знакомым рабочим составленные им вопросные листки.

Другой мечтой Халтурина было завести с течением времени специально рабочую подпольную газету. При этом он представлял себе, что эта газета должна целиком вестись самими рабочими. Самодеятельность рабочих была дороже всего С. Н. Халтурину, и к оценке их интеллигентами он относился несколько подозрительно.

Первейшей задачей, по мнению Халтурина, было сплочение сил пролетариата для всесторонней борьбы за свое полное освобождение, создание всероссийской рабочей партии. Неутомимая работа Халтурина и его единомышленников, в особенности рабочего Виктора Обнорского, привела [к созданию в конце 1878 года «Северо-Русского Рабочего Союза» в который вошли петербургские, наиболее сознательные, рабочие.

«Рабочий Союз» был зародышем будущей русской рабочей партии. Ему удалось сплотить разрозненные рабочие кружки и собрать в своих рядах в первое же время своего существования около 200 членов рабочих. Делегаты от отдельных секций собирались вместе в определенные дни—преимущественно, конечно, по воскресеньям. Союз выработал программу, в общем напоминающую программы европейских рабочих партий. В общих чертах эта программа сводилась к следующему:

1. Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого.

2. Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полном политическом равноправии и с полным внутренним самоуправлением.

3. Уничтожение поземельной собственности и замена ее общинным землевладением.

4. Правильная организация труда с переходом в руки трудящихся, рабочих, продуктов и орудий производства.

5. Уничтожение сословий.

6. Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.

7. Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству.

8. Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда.

9. Всеобщее обучение.

10. Политическая свобода, т.-е. свобода слова, печати, право собраний, сходок, так как Халтурин и его единомышленники считали, что решение социального вопроса немыслимо без политической свободы.

Северо-Русский Рабочий Союз распространял свое влияние, конечно, главным образом на Петербургский и близлежащие к нему районы. Но у его руководителей завязывались связи с Москвой, Поволжьем, Уралом, могла установиться связь с Южно-Русским Союзом, возникшим в 1879 г. в Одессе. Так постепенно могла создаться общерусская рабочая партия, о которой мечтал Халтурин. Но на дороге стоял царизм.

Тогда революционеры стали приходить к мысли, что устранить царизм можно путем отдельных террористических актов, т.-е. нападением на его виднейших представителей, в особенности на царя. Па-

дет царь, падет и царизм, наступит новая эра — эра свободы. Так думали очень многие.

Сначала Халтурин относился не очень доброжелательно к террористическим выступлениям. Он говорил: вы, интеллигенты, кого-нибудь шарахнете, а из-за этого полиция начинает хватать направо и налево и разрушает наш рабочий союз, с таким трудом налаживаемый. Но постепенно он пришел к убеждению, что при условиях самодержавного режима невозможно развитие какого бы то ни было рабочего движения. И тогда он сам стал на путь террора, — хотя попрежнему оставался преданным прежде всего движению пролетариата.

Осенью 1879 г. Халтурину предложили место столяра в Зимнем дворце. Халтурин недолго колебался: представлялся наредкость удобный случай произвести покушение на Александра II. До того на жизнь царя было уже несколько покушений. Но все эти покушения оканчивались неудачей и приводили к разгрому революционеров.

Новое покушение на жизнь Александра II, в случае новой неудачи, причинило бы Союзу опять сильные потери, тем более, что самому Халтурину приходилось итти на верную смерть. Он знал, какое расстройство внесет его гибель в дела Союза. Но все эти соображения не устояли перед одним: смерть Александра II принесет политическую свободу, а при политической свободе рабочее движение пойдет не попрежнему. «Тогда у нас будут не такие союзы, а

рабочим газетам не нужно будет прятаться»,—говорил Халтурин.

И Халтурин предложил свои услуги «Исполнительному Комитету» партии «Народной Воли», которая совершала террористические акты, сообщив ему о возможности совершить покушение на царя.

В 1879 г. большая часть революционеров объединилась в организацию, принявшую название «Народной Воли». Само название этой революционной партии указывает на то, что она была народнической, подобно революционным организациям 60-х и начала 70-х годов, когда Халтурин вступал на революционный путь. Но многое очень резко отличало «народовольцев» от старых народников.

Старые народники мыслили «народ» исключительно, как крестьянские массы. «Народовольцы» не отделяли так резко рабочих и трудовую интеллигенцию от крестьян, хотя они, как и все народники, отводили крестьянам главную роль в русском революционном движении.

Старые народники смотрели на революцию только как на социальное движение, не связывая его совсем с революцией политической. «Народовольцы» не отделяли социальную революцию от политической, и даже, наоборот, выдвигали политическую революцию на первый план: она должна была, по их мнению, предшествовать социальной революции, расчистить ей путь.

Программы старых народников сводились главным образом к просветительной деятельности в народных

массах, к подготовке их к революции, которая представлялась им еще в нескором будущем. Потому и тактика их борьбы заключалась в пропаганде и отчасти в агитации (последнее у «бунтарей», которые думали произвести революцию путем крестьянских восстаний, в противоположность чистым «пропагандистам», которые признавали своим оружием борьбы только мирную культурно-просветительную работу). В связи с такими взглядами организации старых народников носили скорее характер просветительных кружков, содружеств, а не партий, со строго выработаной программой, организацией и дисциплиной.

«Народовольцы» смотрели на революцию, как на дело ближайшего будущего. Для них первым этапом революции была борьба с царизмом, завоевание политических свобод. Поэтому, признавая очень важным пропаганду и агитацию, «народовольцы» считали своим главным делом борьбу с царизмом, их главная тактика была — террор.

Для «народовольцев» борьба с правительством, делание революции было их профессией, которой они отдавали все свои силы, свои помыслы, свое время. «Народная Воля» представляла из себя уже вполне организованную партию, с определенной программой, со строгой дисциплиной членов; организация «Народной Воли» уже приближалась к современному представлению политической партии.

Во дворец Халтурин поступил под фамилией столяра Батышкова и первое время был занят исключительно разведками в этом новом для него мире.

Царь в это время проживал в Крыму, в Ливадии, и во дворце по этому случаю все было свободно, без стеснений, без присмотра. Нравы и обычаи новых сотоварищей поражали Халтурина. Кругом шло повальное воровство, прислуга была распущена донельзя. Дворцовые товарищи Халтурина устраивали у себя пирушки, на которые свободно приходили без всякого контроля десятки их знакомых, оставались даже ночевать во дворце. Черные ходы дворца были открыты для почти каждого неизвестного лица и днем и ночью, и в то же время с парадных подъездов во дворец не было доступа самым высокопоставленным, известным лицам. Халтурину, чтобы не возбуждать подозрений, приходилось тоже не раз принимать участие в пирушках дворцовой прислуги и даже воровать съестные припасы. Халтурин, поступивший во дворец с фальшивым паспортом, в котором числился крестьянином Олонецкой губ., старался разыгрывать роль простака. Он всему удивлялся, обо всем расспрашивал. Его учили придворным порядкам, как себя держать, отвечать, водили по всему дворцу, который приводили в порядок к приезду царя, потешались над его неуклюжими манерами и наивными вопросами. Вскоре Халтурин отлично знал план всего дворца. Как лучший столяр, он работал в личных царских комнатах, в кабинете и в столовой. Он убедился, что столовая помещается как раз над тем подвалом,

где жили столяры, а в среднем этаже, между царской столовой и подвалом, помещался дворцовый караул. Обстоятельства складывались благоприятно, и Халтурин решил произвести взрыв столовой во время какого-нибудь парадного обеда.

Для того, чтобы произвести взрыв в столовой, нужно было заготовить большой запас динамита, нужно было все подготовить, а Халтурин был завален работой и не мог часто выходить из дворца. Между тем, Исполнительный Комитет торопил его. При переезде царя из Крыма в Петербург на пути было подготовлено несколько покушений, но все они, благодаря разным обстоятельствам, не дали результатов, теперь террористы возлагали все надежды на Халтурина.

В это время был арестован член Исполнительного Комитета Александр Квятковский, который руководил работой Халтурина. У Квятковского нашли план Зимнего дворца. На плане царская столовая была помечена крестом. Это возбудило, конечно, подозрение. Во дворце начались обыски днем и ночью. В подвале, где жили столяры, поселился жандарм; усилили охрану дворца. Все грозило полной неудачей.

Халтурин, который уже успел перенести к себе некоторое количество динамита, в первый раз был страшно встревожен обыском. Дело было ночью. Спящих столяров разбудили и заставили подняться. Халтурин считал себя уже погибшим, так как у него под подушкой лежал динамит. Но обыск был самый

поверхностный, и все обошлось благополучно, в угол Халтурина жандармы не заглянули.

Обыски стали повторяться часто, но, благодаря небрежности охраны, не представляли большой опасности, и Халтурин перестал бояться, тем более, что он заслужил во дворце общее доверие, а один старый жандарм наметил искусного и веселого столяра даже в мужья своей дочери.

Страшнее было то, что обыску стали подвергать рабочих, возвращавшихся во дворец из каких-либо отлучек, и вообще стали стеснять все выходы дворцовых служащих. При таких условиях дело накапливанья динамита подвигалось чрезвычайно медленно. Динамит Халтурин приносил небольшими кусками в кульке под видом сахара. Каждый раз нужно было изобретать разные хитрости, чтобы избежать осмотра или обмануть зоркость осматривающих.

Халтурин не имел возможности изготовить настоящий взрывчатый снаряд. Он сперва держал свой динамит просто под подушкой, испытывая от этого страшные головные боли, потому что испарения нитроглицерина очень ядовиты. Потом, когда динамиту набралось много, Халтурин переместил его в свой сундук, заложив его разными вещами. Таким образом роль мины играл простой ящик. Затем, по совету техников, Халтурин передвинул его повозможности ближе к углу между двумя капитальными стенами. Для воспламенения динамита было решено прибегнуть к трубкам, начиненным особым составом. Трубки были рассчитаны на то время, которое требовалось

для того, чтобы выйти из дворца. Вот и все нехитрые приспособления, какие возможно было сделать.

Положение Халтурина было и так уже тяжелое. Постоянно следя за собою и за всеми окружающими, он в то же время должен был тщательно скрывать свое напряженное состояние, казаться беззаботным. Халтурин же был человеком крайне нервным и впечатлительным. Чахотка, которая развилась у него в это время, еще усилила эту нервность, не говоря уже о том, что самое положение беспрерывной опасности, беспрерывная хитрость, беспрерывный переход от тревоги к надежде — все это страшно раздражало нервы. Нужно было постоянное напряжение воли для того, чтобы не выдать своего волнения.

А дело уже шло к развязке. Около трех пудов динамиту было перенесено в сундук. Желябов, тоже член Исполнительного Комитета, сменивший Квятковского в сношениях с Халтуриным, настаивал на ускорении дела, во избежание лишних жертв и в виду все усиливающейся строгости надзора во дворце.

Халтурин же считал, что динамита еще мало. Он думал, что жертв все равно будет много, и что лучше не рисковать возможностью неудачи. Но мнение Желябова восторжествовало, и решено было действовать при данном количестве динамита, как только представится случай.

Несколько раз назначали день взрыва, и потом его приходилось откладывать, так как мешало то одно, то другое обстоятельство. Чтобы начать действовать, Халтурин должен был находиться совсем один, без

надзора жандармов, в подвале во время обеда царя. Было трудно, чтобы оба эти обстоятельства совпали: то царь опаздывал к столу, то Халтурин был занят работой, то жандармы находились в подвале столяров. Каждый раз, после времени предполагаемого взрыва, Халтурин встречался на площади с Желябовым и проходя мимо него в темноте бросал спешно, нервным шопотом: «нельзя было»... «ничего не вышло»...

Наконец, 5-го февраля Халтурин замечательно спокойно поздоровался с Желябовым и, словно фразу из самого обычного разговора, произнес: «готово»... Через секунду страшный грохот подтвердил его слова. Мину взорвало. Огни во дворце потухли. Черная Адмиралтейская площадь стала как будто еще темнее. Ко дворцу сбегались люди, проскакали пожарные, что-то выносили оттуда; это были трупы и раненые. Но что стало с тем, из-за которого пожертвовано столько жизней, не знали ни Халтурин, ни Желябов. Ждать разъяснения они не могли и быстро удалились.

Для Халтурина было готово верное убежище. И только по прибытии туда, он почувствовал, что теряет последние силы. Усталый, больной, он едва мог стоять и только немедленно справился, есть ли в квартире достаточно оружия. «Живой я не отдамся»,— говорил он. Его успокоили: квартира была защищена динамитными бомбами.

В день, выбранный террористами для взрыва во дворце, должен был состояться торжественный обед по случаю приезда иностранного принца. Предполагалось, что взрыв разрушит столовую и похоронит

под развалинами всю царскую семью, со всеми приглашенными. Но заряд мины оказался слишком слабым, и столовая уцелела. Зато пострадал подвал и караульня под столовой, в которой было убито и ранено около 50-ти человек солдат. Столяры, товарищи Халтурина, не пострадали, так как он заранее вывел их из дворца, пригласив на нарочно устроенную им пирушку в трактире. А пока рабочие пировали, Халтурин незаметно вернулся во дворец, поджог мину и опять спокойно вышел из дворца.

Известие о том, что царь спасся, подействовало на Халтурина самым угнетающим образом. Нравственные страдания его были ужасны. Он свалился совсем больной, и только рассказы о громадном впечатлении, произведенном 5-м февраля на всю Россию, могли его несколько утешить. Но все-таки он никогда не мог примириться со своей неудачей, не простил и Желябову его поспешности.

После 5-го февраля Халтурин продолжал действовать как террорист, около двух лет. Наиболее громким актом из этой деятельности Халтурина было участие его в убийстве Стрельникова, киевского военного прокурора, отличавшегося необыкновенной жестокостью и наглостью.

В деле убийства Стрельникова принимали участие В. Фигнер, Халтурин и студент-народоволец Желваков. Фигнер собирала все предварительные сведения, вела сношения с Исполнительным Комитетом партии

«Народной Воли» и получила от них постановление об убийстве палача-прокурора. Халтурин и Желваков привели приговор в исполнение в Одессе в 1882 г.

Стрельников был убит Желваковым из револьвера на бульваре. Затем убийца бросился бежать, отстреливаясь на бегу, к месту, где его ждал Халтурин в пролетке. За ним погналась толпа и вскоре стала окружать его со всех сторон. Халтурин, убедившись, что Желвакову пробиться к пролетке невозможно, соскочил с нее, и, выхватив револьвер, хотел поспешить к товарищу на помощь, но споткнулся. На обоих заговорщиков набросилась толпа, обезоружила их, повалила и связала. Обоих арестованных тотчас увезли в полицию.

Когда по городу разошлось известие об убийстве прокурора Стрельникова, многие из тех, кто участвовали в погоне за убийцами, испытывали искреннее отчаяние от того, что содействовали задержке обоих террористов.

«Если бы знали, отбили бы!»—говорили они, особенно рабочие.

Суд над Халтуриным и Желваковым был произведен необычайно скоро. Судьи даже не знали подлинной фамилии Халтурина и не представляли, что перед ними — знаменитый столяр Зимнего дворца. Суд был обставлен какой-то особенной таинственностью. Публике не было даже известно, когда, где и в каком составе собрался суд. И все-таки стало известно в общих чертах, что происходило на суде, что говорили подсудимые.

Халтурин заявил, что приехал в Одессу с целью организовать рабочих, но деятельность Стрельникова сильно препятствовала его работе. Он сообщил об этом «Исполнительному Комитету» и получил от него приказ убить прокурора.

Желваков, говорят, сказал: «Меня повесят, но найдутся другие. Всех вам не перевешать! От ожидающего вас конца ничто не спасет вас!»

Суд приговорил обоих террористов к смертной казни.

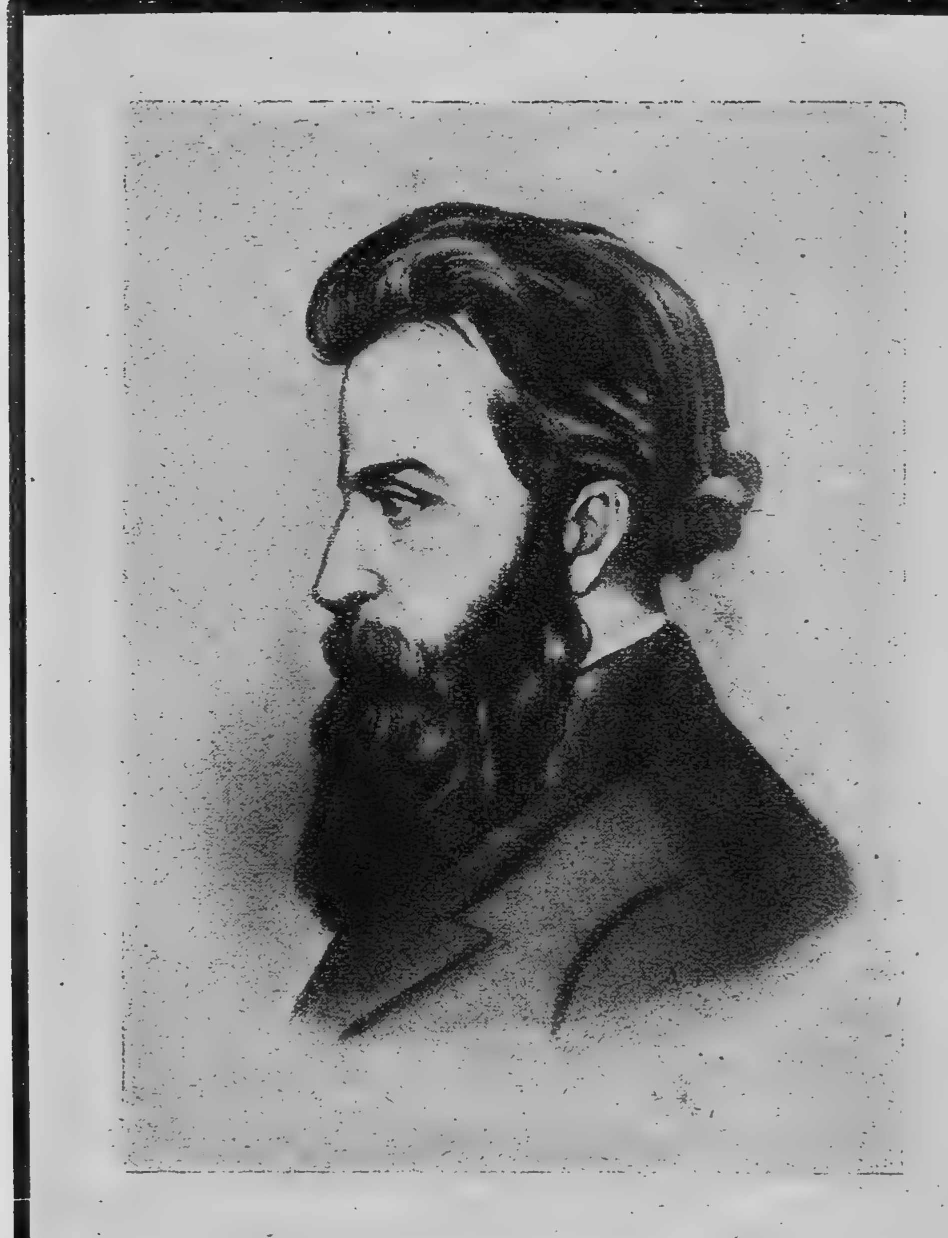
21-го февраля 1882 г., в 6 ч. утра, над Халтуриным и Желваковым был приведен в исполнение приговор суда.

В истории русского революционного движения Халтурин занимает исключительно важное положение. Он был чрезвычайно смелым террористом, — но не в этом его главное значение: было не мало и других мужественных террористов. Но особенно важна деятельность Халтурина, как одного из главных организаторов (на ряду с Виктором Обнорским) Северно-Русского Рабочего Союза. В программе этого союза теперь многое устарело, и это немудрено: Халтурин и Обнорский действовали больше 45-ти лет назад, они не могли целиком отделаться от неверных взглядов

революционной интеллигенции их времени. Но все-таки Халтурин сумел сильно возвыситься над своим временем, понявши, что рабочий класс должен основать свою собственную партию и принять самое деятельное участие в политической борьбе.

1, Какая черта личности Халтурина является наиболее характерной для него?

2. Каково значение ткача Алексеева и столяра Халтурина в истории русской революции?

Андрей Иванович
Желябов
1851 — 1881

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ЖЕЛЯБОВ.

(1851—1881)

«Не царь, а весь русский народ должен быть хозяином страны. Поэтому царская власть должна быть уничтожена, а все государственные и общественные дела переданы в руки выборных от народа, избираемых на срок.

Земля, фабрики и заводы должны принадлежать всему народу; всякий, по желанию, может получить земельный надел по расчету, или пристать к фабричному труду.

Для охраны свободы и благосостояния народа постоянное войско должно быть заменено народным ополчением».

Из статьи А. Желябова
в «Рабочей Газете» № 1, 1880 г.

С именем А. И. Желябова связана вся история партии «Народной Воли», выступившей с такой несокрушимой силой на борьбу с царизмом. С этим именем связаны все нити события 1-го марта 1881 г.

А. И. Желябов родился крепостным, в 1851 г. Следовательно, он получил свободу одиннадцати лет от роду.

Свое детство Желябов помнил отлично. Крепостное право врезалось в его душу неизгладимыми чертами. Некоторые воспоминания детства зажгли в нем на всю жизнь неугасимую ненависть к насилию, произволу власти, гнету.

О детстве Желябова мы знаем из его собственного письма к одному товарищу, написанному за год до смерти. Это письмо в ярких чертах рисует картины его детства.

«Мы из помещичьих дворовых,—пишет Желябов.— Оба деда по отцу и по матери вывезены были своим барином, помещиком Штейном, в Крым, в первые годы этого столетия [1]) из Костромской губернии. По пути следования, в Херсонской или Полтавской губернии, помещик, ехавший по старинному с дворней и обозами, остановился для роздыха и веселья у родича помещика. Здесь дед по матери, Гаврило Тимофеевич Фролов, женился на вольной казачке, Акулине Тимофеевне. В Крыму Штейн роздал крестьян в приданое дочерям; иных продал...

«Семейства Желябовых и Фроловых пошли в разные руки. Первое за дочерью Штейна перешло Нелидову, от которого и освобождено в 1861 г. Второе досталось куплей греку Лампси... От этого Лампси семейство Фроловых за дочерью его перешло к Лоренцову... От Лоренцовых семейство Фроловых освобождено в 1861 г.

---

[1]) Т.-е. XIX.

«Все члены семейства Желябовых и Фроловых исполняли разные дворовые службы: так, отец мой был отдан в обучение садовнику немцу, дядя (Желябов)—повар, тетка—фрейлина, дядя (Фролов)—лакей, тетя (Фролова)—горничная...

«Помещик Нелидов, состоя на военной службе, проживал в Симферополе. Отцу по делам экономии приходилось часто ездить из Султановки [1]) в Симферополь, обязательно через Ашбель [2]).

«Здесь приглянулась ему моя мать, дочь Фролова. После многих приключений, отец мой, плативший помещику Нелидову, по тому времени, большой оброк, за нахождение в служении у южно-бережного садовода немца,—упросил Нелидова купить Варвару Гавриловну, мою мать. Купля состоялась. Часто отец, понукая мать, говорит и теперь: «Поворачивайся: ведь стоишь 500 руб. и пятак медный» (точная цена).

«После женитьбы отца, семейство Фроловых за дочерью Лампси переехало в Кашко-Чекрас [3]), все члены семейства получили обязанность при дворе; деду за выслугой представлена свобода от обязательной работы, он жил с бабкой, Акулиной Тимофеевной на птичьем дворе, стоявшем особняком (ведомство бабье).

«Здесь я провел детство свое (от 4 до 8 лет).

«Дед, высокий, седовласый старик, всегда ходил в длинном сюртуке рыжего верблюжьего сукна. Как

---

[1]) Имение Нелидова.

[2]) Имение Лампси.

[3]) Имение Лоренцовых.

теперь помню этот вечно-задумчивый взгляд, лицо, не знавшее улыбки, открытый лоб, седые кудри, падающие на воротник, румянец во всю щеку (в 60—70 лет от роду) и громадную седую бороду... Это — мой учитель и воспитатель. У него я научился грамоте церковной, от него перенял многие взгляды, поставившие меня в оппозицию с семейством родителей, по возвращении к ним. Только мать моя с радостью выслушивала мои «глупости», говоря: «не Желябовский дух, а Фроловский. Не даром дедушка тебя фроленком называет». Образ дедушки для меня милее всех, потому я и остановился так на нем.

«Ровно 25 лет назад дедушка, торжественно осенив меня крестным знамением, посадил за книжку, говоря: «Пора учиться. Прочти молитву, и пусть господь поможет тебе, будешь учиться, будешь человеком». Учил меня дед по старому — аз, буки, веди, да еще с титлами, но в учение он влагал всю душу, и я к 7 — 8 годам знал псалтырь наизусть. Велика была радость дедушки, когда отправляясь со мной гулять в горы или в лес рубить дрова, он говорил: «Ну, фроленок, псалом такой-то». И фроленок барабанил без ошибки.

«Тогда повсюду ждали воли, считали каждый день с затаенным дыханием. Помещики, по словам дедушки, (верно или нет) хотели выместить зло напоследок; завели шпионство, пороли за всякую провинность. Помню, как бабушка, вечно плакавшаяся: «И зачем это пошла я в неволю», — на цыпочках всегда прокрадывалась к окошку вечером, прислушиваясь, нет ли

там «полтора Димитрия», приказчика и шпиона, прозванного за громадный рост «полтора»...

«Что помещики пользовались властью до последних дней, вот семейное воспоминание детства моего: из дедушкина жилища я слыхал вопли дяди Василия (лакея), когда пороли его на конюшне... Один мой дядя (брат отца) от истязаний бежал за Дунай к некрасовцам, об этом я только слышал, но тысячи раз. Другой дядя (по отцу), от тех же радостей, состоял в бегах несколько лет, был усыновлен крестьянином, ходил от него коробейником, был случайно открыт, как беспаспортный, и в кандалах возвращен помещику. Этот дядя Павел был поваром до самого освобождения и прожил с нами несколько лет. Рассказывал все самолично. Отец не раз дрожал, выслушивая: «в Сибирь, мерзавца!» Вся семья как-то странно притихала и металась...

«...Справедливость требует признать, что Нелидов был мягок с людьми под давлением жены своей, нашей собственницы. Восьми лет я переехал от деда в Султановку к родным. Здесь в один из приездов увидел меня Нелидов. Узнав, что я обучен грамоте, он дал мне книжку: она была гражданская. Но когда мне дали разные церковные, помещик погладил меня по голове и велел прийти к нему в кабинет; здесь он самолично объяснил мне гражданскую азбуку и открыл для меня целый новый мир, прочтя «Золотую рыбку» Пушкина. Нелидов жил в то время в Керчи, туда же взял и меня и определил в приходское училище, откуда я перешел в уездное. 1861 год застал

меня при переходе из первого класса во второй уездного училища.

«...О детстве своем я никому не рассказывал, даже друзьям»...

И так Желябов пришел в школу, будучи еще рабом. Свобода от рабства засияла для него уже во втором классе училища. Сделавшись вольным, Желябов продолжал учение в том же училище, вскоре преобразованном в гимназию.

Он был страшный шалун, но прекрасный товарищ. Товарищи его очень любили. Он всегда готов был «подсказать», сделать за другого задачу, написать сочинение и особенно постоять за другого перед начальством. Нередко приходилось ему за всякие такого рода штуки сидеть в карцере, раз его хотели даже исключить. Но учился он всегда хорошо. Особенно он стал развиваться в VI — VIII классах, и должен был кончить гимназию с золотой медалью, но за плохое поведение был лишен ее.

Занимали ли Желябова в его школьные годы вопросы политические и общественные — точных сведений об этом нет. Но можно предположить, что да. В гимназии, где учился Желябов, было несколько революционно настроенных молодых учителей. Гимназисты легко подпадали под их влияние. Можно себе представить, как восприимчив был Желябов к этим новым настроениям! Ведь вся обстановка и среда, окружавшие его с детства, содействовали тому, чтобы в нем рано пробудился дух протеста, возмущения, пробудилось сознание необходимости борьбы со всяким насилием и гнетом.

Во всяком случае, рассказывая о своей юности, Желябов передавал, что покушение Каракозова на Александра II (4 апреля 1866 г.), заставшее его в гимназии, произвело на него впечатление самое радостное. «Я радовался Каракозовскому выстрелу, — говорил он, — и чувствовал к царю такую же симпатию, как и к господам».

Окончив гимназию, Желябов поступил в Одесский университет и с головой ушел в студенческую жизнь и ее интересы: в дела студенческой кухмистерской, кассы, библиотеки, студенческого суда.

Но вполне удовлетворить Желябова такая деятельность не могла. Она была для него слишком мелка. Его кипучей натуре, как рыбе вода, были необходимы сильное движение, борьба, опасность; он мечтал о широкой общественной деятельности.

Но в Одессе в то время никакой общественно-политической жизни не было. Молодой Желябов не находил применения своим силам и вскоре начал тосковать среди мелких дрязг студенческих интересов и дел.

В 1871 г. разбиралось громкое политическое дело нечаевцев, прогремевшее на всю Россию. В связи с этим делом было арестовано много народу, раскрылось, что в России существует сильное революционное движение, всеобщее внимание было привлечено к этому процессу. Перед глазами Желябова открылась вдруг такая ширь, что у него дух захватило от радостного волнения. Он понял, что на Россию дей-

ствительно надвигается тот грозный вал, о котором он смутно грезил: близость народной революции, революционные кружки молодежи, густой сетью покрывавшие всю Россию и подготовляющие близкий уже взрыв, жизнь и смерть для народа и за народ, университетская молодежь в передовых рядах движения, — все это не сон, не сказка, а живая действительность. И вот этот грозный вал докатился и до него, Андрея Желябова, захватил и унес в кипящий водоворот революционного движения.

Революционной организации в Одессе не было, Желябов метался, не знал, куда ему обратиться.

Выходом для его революционного боевого пыла послужила студенческая история из-за грубого обращения одного профессора со студентом. Пошли бурные сходки, университет закрыли, власти едва не раздули из всего политического дела. Желябов был главарем и зачинщиком во всей истории, и в результате был исключен из университета и выслан на родину. Вторично принят Желябов в университет не был, и ему так и не удалось получить высшего образования.

В 1873 г. Желябов снова вернулся в Одессу. Там в это время образовался уже революционный кружок; он походил по своему направлению и организации на главный революционный кружок того времени — кружок «чайковцев» в Петербурге. Знаменем обоих кружков была социалистическая революция в будущем, подготовленная пропагандой социалистических начал в народных массах, главным образом, в крестьян-

стве. Члены кружка, как и все народники того времени, вели пропаганду в деревнях, устраивали мастерские в городах, распространяли нелегальную литературу.

Желябов начал энергично работать в кружке. Одесский кружок был его первой революционной школой. Он чутко прислушивался и приглядывался к тому, что там говорилось и делалось, но не подпал всецело под влияние кружка. Он с ранней молодости умел думать самостоятельно, доходить до всего своим умом и вырабатывать свои собственные взгляды.

Так, Желябов, хотя и происходил сам из народа и сделался действительно искренним народником, считал, что пропаганда должна вестись не только в крестьянских массах, но и во всех слоях населения, особенно среди рабочих и интеллигенции. Кружок и употреблял его главным образом для пропаганды в городе. Далее, Желябов не соглашался с народниками в том, что политическое устройство страны не имеет никакого значения. Народники, признавали необходимой только социальную революцию. Желябов же представлял себе революцию не только социальной, т.-е. в виде освобождения крестьянского и рабочего класса, но и в виде политического освобождения всего русского народа вообще. Он ненавидел царизм, как власть неограниченную, бесконтрольную. Эту жгучую ненависть он сохранил от тягостных воспоминаний своего крепостного детства, которые создали из него бунтаря, мятежника.

В 1874 г. по всей России началась особенно усиленная погоня за пропагандистами. Власти боялись их разроставшейся рати и их влияния, хотя по существу оно было совсем незначительно, особенно в деревнях. Усилились аресты, был разгромлен кружок «чайковцев» в Петербурге, одесский и другие, и наконец, власти создали большое судебное дело, так называемый «Большой процесс 193-х пропагандистов».

В связи с этими событиями Желябова тоже несколько раз арестовывали в Одессе. Наконец, незадолго до суда, уже в 1877 г. (следствие над пропагандистами тянулось почти 3 года) Желябова вновь арестовали и перевезли в Петербург. Здесь Желябов познакомился с видными народниками: многих из них связала с Желябовым крепкая дружба и общая работа.

Желябов был по суду оправдан и выпущен на свободу в январе 1878 г. Здоровье его было сильно расшатано тюрьмой, и он немедленно уехал к себе домой в деревню.

Вскоре после «Большого процесса 193-х пропагандистов» в Желябове, как и во многих других народниках, произошел перелом. Деятельность пропагандиста совершенно перестала удовлетворять Желябова, и для него настало время мучительных сомнений и разочарований.

Желябов пошел в деревню, чтобы просвещать ее, искренно веря, что его пропаганда принесет вскоре

богатые плоды. Чтобы сблизиться с деревней, он с жаром принялся за тяжелый крестьянский труд, к которому, надо сказать, его, прирожденного крестьянина, всегда очень тянуло.

Он работал по 16-ти часов в поле, а возвращаясь, чувствовал одну потребность — растянуться, расправить уставшие руки, ноги, спину и ничего больше; ни одна мысль не шла в голову. Он чувствовал, что обращается в животное, в автомата. И понял, наконец, так называемую косность деревни: пока крестьянину приходится так истощаться, переутомляться ради приобретения куска хлеба, ради удовлетворения самых скромных потребностей жизни, — до тех пор нечего ждать от него чего-либо другого, помимо интереса насыщения. Подозрительный, недоверчивый, он смотрит искоса на каждое новое лицо в деревне, принимая его за начальство, являющееся с более тяжким обложением. Об искренности и доверии думать нечего.

Желябов пошел к рабочим и убедился, что почти в таком же положении и фабрика. Здесь тот же непомерный труд и железный закон вознаграждения держат рабочего в положении полуголодного волка. Союзы, артели могли бы придать больше силы и крестьянам и рабочим. Но и тут и там натыкаешься на полицию; ей выгодно такое положение: легче и удобнее давить в розницу.

Рассказывая так однажды о своих разочарованиях одному товарищу, Желябов прибавил, смеясь: «Ты был прав, история движется ужасно тихо, надо ее

подталкивать...» Подталкивать историю соответствовало боевой натуре Желябова. Медленная работа пропагандиста не удовлетворяла его. Он видел, что мирная пропаганда отодвигает грядущую революцию на бесконечно далекое время. Кроме того, здравый смысл подсказывал ему, что без явного столкновенья с властью, без борьбы за свое политическое освобождение, народ никогда не завоюет себе одним мирным путем социального освобождения.

И Желябов начал искать новых революционных путей.

Тот же перелом переживала в это время партия «Земля и Воля», которая создалась в 1876 г. и собрала вокруг себя все народнические силы, поставившие себе задачей борьбу за социалистические идеалы. В эту новую революционную партию вошли остатки чайковцев и других разгромленных революционных кружков начала 70-х годов.

В строго-народнической партии «Земля и Воля» сложилась группа, которая стала считать террор неизбежным, необходимым и единственным верным способом борьбы с правительственной властью. Таким образом, идея политической борьбы и политического освобождения начинает выступать как первая, основная революционная задача; социальный переворот выдвигается, как вторая задача, которую осуществит сам народ, скинув с себя гнет самодержавия.

Тем более очевидным становилась необходимость для партии перейти к этому новому способу борьбы, что этот способ подсказывался самой жизнью и посте-

ненно входил в нее. Начиная с января 1878 года произошел целый ряд террористических актов, совершенных самостоятельно отдельными, не партийными людьми. И это показывало, что партии, как руководительнице революционного движения, пришло тоже время изменить свою программу действий.

С целью пересмотра этой программы революционерами были созваны летом 1879 г. знаменитые Липецкий и Воронежский съезды. Вскоре после этих съездов кончилось существование партии «Земля и Воля». Она раскололась на две: одна, оставшаяся при старой народнической программе и получившая название «Черного передела», быстро умерла, другая, — принявшая название «Народной Воли», в короткое время своего существования заставила задрожать царскую Россию и выполнила чрезвычайно важное политическое задание, сыграв, таким образом, крупную роль в истории русской революции.

Андрей Иванович Желябов примкнул к партии «Народной Воли» и отдал все свои силы террору, в необходимость которого он уверовал после долгого, глубокого размышления. На Липецком съезде блестящие таланты Желябова, до тех пор очень мало известного в революционной среде, выступили в полном блеске, и он сразу занял среди террористов выдающееся место. Блестящий оратор, он захватывал, воодушевлял и воспламенял своих слушателей. Глубоко убежденный революционер, а теперь террорист, он вселял в других уверенность, стойкость, твердость. Бодрый, энергичный, деятельный, веселый,

полный огня, он всех поддерживал, оживлял, находил каждому наиболее соответствующую ему работу, выдвигал полезных товарищей. Отличный организатор, он сейчас же направил работу съезда на правильный путь, руководил спорами, давал объяснения, вел протоколы заседаний. Словом, всем сразу же стало ясно, что Желябов настоящий руководитель, вождь, борец.

Желябов и сделался действительно вождем террористов и остался им до конца. Таким, каким он высказал себя на Липецком съезде, он был, в сущности, и раньше; таким он и продолжал быть до последнего дня своей жизни. Все, кто знал его в ранней молодости, кто сталкивался с ним во время его работы в «Народной Воле», отмечают в нем одинаковые черты характера, которые только крепли и резче обозначались по мере того, как Желябов из мальчика и юноши превращался в зрелого человека.

Вот перед нами маленький крепостной мальчик, рыдающий при рассказах о том, как господа истязали его дядей и теток, и в бессильной ярости сжимающий свои кулаченки.

Вот худенький, как тросточка, высокий школьник, живой, веселый шалун, отличный товарищ, зачинщик всяких проделок, бунтарь, радующийся выстрелу Каракозова, ненавидящий царя и господ.

А дальше студент в узеньком сюртучке с коротенькими рукавами, в порыжевшем потертом пальто, питающийся одним супом из кухмистерской; он весь ушел в студенческие дела, каждую минуту готов бро-

ситься в огонь и в воду за товарища и друга; деликатный и терпимый к маленьким слабостям своих друзей, он резок и суров, когда сталкивается с несправедливостью или грубостью. Порывистый, нервный, подвижный, он и в работе и в веселье не знает удержу, отдает себя, когда надо, всецело и тому, и другому. Еще бессознательно, он уже тоскует по широкой деятельности и борьбе. Всем, кто сталкивается с ним, становится ясным, что это большой корабль, которому суждено большое плавание. Таков Желябов-студент.

И вот, наконец, перед нами встает во весь рост могучая фигура Желябова-революционера. Те, кто хорошо знали Желябова в эти годы, так описывают его: «Андрей Иванович имел атлетическую фигуру, прекрасно сложенную, а его голова была красивой головой типичного русского крестьянина. Общее выражение всей фигуры и лица была мощь, энергия и сила воли. Серые глаза имели выражение смелости, а когда он шутил в товарищеской компании, они сыпали искры лукавства и насмешливости. Темная окладистая борода лопатой обрамляла довольно широкое лицо с темным румянцем. Когда он смеялся, все зубы, ослепительно белые, ровные, не очень крупные, совершенно обнажались и каждый мог любоваться ими. Жизнерадостность была отличительным свойством Желябова. Иногда он способен был дурачиться и шалить, как ребенок; и бесконечной бодростью и энергией звучало каждое его слово, то же выражало и каждое его движение. Речь его была горяча и поры-

виста, голос сильный и приятный. Это был настоящий русский богатырь».

За последнее время жизни Желябов до того надорвал себя, что падал в обморок от переутомления, несмотря на свой могучий организм. Но он никогда не терял мужества; в часы наибольших неудач, которые испытывала партия, он только говорил: «Что же делать! Примемся за исполнение следующей задачи»,— и начинал свою работу с удвоенной энергией.

Желябов охотно принимал на себя самые опасные, ответственные поручения, стараясь оберегать товарищей. Но во время работы был суров и требователен и даже беспощаден, не только к себе, но и к другим. Он умел быть атаманом, но в то же время всегда оставался товарищем: никогда не превращал сотрудников в простые пешки, а, напротив, возбуждал их самостоятельность, давал ход каждой хорошей мысли.

Он умел и сам подчиняться, когда это бывало нужно. Все подтягивались, все старались напрягать свои силы, видя перед собой такого вожака, и около Желябова само собой вырастали ряды людей, готовых на все.

После Воронежского съезда Желябов, со всей присущей ему страстью, развил самую невероятную по своей кипучести деятельность. Он отдал свои силы и Петербургу и своему родному югу.

26-го августа 1879 г. в Лесном, под Петербургом, произошло историческое собрание Исполнительного Комитета молодой партии «Народной Воли», на кото-

ром был вынесен смертный приговор императору Александру II. Террористами было решено все свои силы сосредоточить на лице царя, все удары направить на него. И действительно, с этого момента прекращаются отдельные террористические акты против генерал-губернаторов и др. чинов высшей администрации, — а этих актов было не мало за время от Большого процесса до образования «Народной Воли» (1878—1879 г.). Вся энергия террористов сосредоточилась на организации целого ряда покушений на царя, которые и окончились 1-м марта 1881 г. Во всех этих предприятиях Желябов принимал участие; в иных непосредственное, в других как руководитель.

После Петербургского совещания Желябов уехал на юг, в Киев, Харьков и Одессу, где вербовал сторонников, искал новые силы, подготовлял возможности для покушений на Александра II. Очевидно, ради все тех же целей он начал заниматься в это время физикой, изучая главным образом отдел электричества; знакомился с взрывчатыми веществами, с различного устройства минами. Для этого он заводил знакомства с артиллеристами, профессорами, моряками, техниками. Отдаваясь каждому делу с увлечением, Желябов и в эти занятия уходил весь и забывал об опасности. Однажды при каком-то опыте он был ранен. В другой раз, отправившись с матросами глушить рыбу в Черном море при помощи пироксилиновых шашек, он был ушиблен в плечо.

В то же время Желябов продолжал заниматься пропагандой и агитацией среди учащейся молодежи,

в военных и морских кружках, среди рабочих. Обаяние его личности и его зажигательных речей было так велико, что где бы он ни появлялся, он всюду завербовывал себе последователей. Особенно поразительно было его влияние в военных кружках, на которые он обращал особое внимание, считая, что без содействия армии и флота революция неосуществима. По мнению Желябова, армия и флот должны быть оплотом революции.

В ноябре месяце 1879 года Желябов получил от Исполнительного Комитета первое поручение организовать покушение на Александра II под Александровском, Екатеринославской губернии.

В то же время велись работы и под Москвой для взрыва царского поезда. В них принимали участие Перовская, Лев Гартман, Ширяев, Александр Михайлов и др.

Покушение под Александровском, руководителем которого был Желябов, было, по общему признанию, одним из наиболее смелых и дерзких.

С фальшивым паспортом на имя купца Черемисова, Желябов явился в городскую управу города Александровска и подал заявление о своем желании устроить в этом городе кожевенный завод. Ему был отведен участок земли.

Под именем жены Черемисова в Александровске поселилась Анна Якимова, тоже член партии «Народной Воли». Желябов привлек к этому предприятию еще двоих—Тихонова и Окладского (послед-

ний оказался впоследствии предателем, провокатором и выдал многих революционеров).

Желябов купил лошадей и телегу, постоянно говорил с обывателями о постройке завода, но, конечно, ни к какой постройке не приступал. В своей роли купца-заводчика он был неподражаем. Он, впрочем, и сам увлекся своими новыми согражданами, потомками славных запорожцев. Он от души дружился, пил и ел с ними и в то же время занимался своим делом. Он не раз потом удивлялся, как это его с товарищами не взорвало: они перевозили динамит по самой тряской дороге, сидя на нем в простой телеге, и еще гнали при том лошадей во весь дух.

План был дерзок: мины закладывались под носом сторожей, без всякого прикрытия, кроме часовых. Но зато и успех казался несомненным, так как малейший толчок должен был сбросить царский поезд в пропасть. Желябов сам сомкнул оба провода заряда с гальванической батареей, по сигналу Окладского, в тот момент, когда поезд стал проходить над миной, но по неизвестной причине взрыва не последовало. Это покушение осталось совершенно неизвестным властям, и об нем узнали значительно позже.

5 февраля 1880 года произошел взрыв в Зимнем дворце в Петербурге. Взрыв произвел рабочий Халтурин, руководил делом от Исполнительного Комитета сначала Квятковский, но он был арестован, и его заменил Желябов. Это предприятие тоже постигла неудача и, как считал Халтурин, по вине Желябова. Халтурин настаивал на том, чтобы ему было предо-

ставлено возможно большее количество динамита, чтобы взрыв был наверняка. Но Желябов не хотел лишних жертв. В простой деревянный сундучек Халтурина, который служил миной, было сложено три пуда динамита. Взрыв последовал, но царь и его семья уцелели.

Весной 1880 года начались приготовления к покушению в Одессе. В Одессу для этого поехали члены Исполнительного Комитета Саблин и Перовская, которая как раз в том году сделалась женой Желябова. Близкое участие в Одесском деле принимала еще В. Н. Фигнер. Желябов прямого участия в Одесском деле не принимал, но участвовал в выработке планов и руководил имп.

Одесское предприятие закончилось ничем, так как Александр II отменил свою поездку в Крым и в Одессу не приезжал.

Летом того же года Исполнительный Комитет предпринял новое покушение в самом Петербурге на путях проезда царя от Царскосельского вокзала до Зимнего дворца. Закладывались мины под Каменным мостом (через Екатерининский канал).

Мины закладывал опять Желябов, совместно с двумя товарищами — Пресняковым и Тетеркой. Они связали два гуттаперчевых мешка, наполненных динамитом, и погрузили мешки в воду под мостом; концы проволоки проводников они прикрепили к плоту, находившемуся близ моста. Взрыв должен был произвести Желябов при содействии Тетерки. Но в назначенный день и час Тетерка не

явился во-время за неимением часов, и покушение не состоялось.

Наконец 1 марта 1881 года кончилась борьба партий «Народной Воли» с императором Александром II. В 1 ч. 45 мин дня Александр II был убит на набережной Екатерининского канала, вблизи Конюшенного моста, при возвращении из Михайловского манежа в Зимний дворец.

Дело 1-го марта состояло в сущности из двух предприятий, тесно связанных друг с другом: на Малой Садовой ул. проезда Александра II поджидал Фроленко с тем, чтобы взорвать заложенную там мину. Подкопные работы производились из сырной лавки, снятой для этой цели Богдановичем и Якимовой под видом мужа и жены Кобозевых. В случае неудачи с миной, убить царя должны были четыре метальщика ручных бомб, которые расположились сначала вблизи лавки Кобозева, а потом были передвинуты на Екатерининский канал в виду того, что царь поехал не своей обычной дорогой, а другой. Сигнальщицей была Софья Перовская. Александр II был убит второй бомбой, брошенной Гриневицким, убитым вместе с царем.

Всех участников дела 1 марта было 33 [1]).

---

[1]) Члены Исполнительного Комитета: Желябов, Перовская, Тригони, Фроленко, Суханов, Богданович, Якимова, Лебедева, Фигнер, Исаев, Тихомиров, Тихомирова, Саблин, Корба, Грачевский, М. Оловенникова, Златопольский, Лангапс, Телалов, Франжоли, Завадская; в подкопе на малой Садовой, кроме некоторых членов Исполнительного Комитета, участвовали

Несомненно, что только железная воля Желябова, его настойчивость, неукротимая энергия, неутомимость и стальная решимость во что бы то ни стало привести в исполнение постановление Исполнительного Комитета довели дело до конца. Желябов был душой заговора, его организатором и руководителем. Непосредственным исполнителем он не был, хотя предлагал себя и на эту роль. Желябов предлагал, если взрывы будут неудачны, самому броситься с кинжалом открыто на Александра II. И Желябов был на это способен, может быть, из всех революционеров он один, хотя никому из них нельзя отказать в храбрости и преданности революционному долгу.

Деятельной и наиболее близкой помощницей Желябова была его жена, Софья Перовская. Они удивительно удачно дополняли друг друга: у Желябова преобладала над всем страстная, нетерпеливая горячность; Перовская отличалась спокойным, холодным умом, трезвой и суровой рассудочностью; и у обоих была неутомимая энергия, настоящая отвага, самоотверженность и твердая вера в правоту своего дела.

Желябову не удалось самому довести организованное им предприятие до конца. 27 февраля Желябов был арестован в квартире Тригони, видного народовольца, вместе с хозяином. Руководство всем делом

Меркулов и Дегаев. Метальщиками были Рысаков, Гриневицкий, Т. Михайлов, Емельянов; Техником — Кибальчич. Хозяйка конспиративной квартиры — Геся Гельфман. Наблюдательный отряд, который следил за выездами Александра II, состоял из Тыркова, Тычинина, Е. Оловенниковой и Сидоренко.

перешло к Софье Перовской, которая и исполнила свой революционный долг до конца.

По делу 1-го марта было арестовано пять лиц: сначала Рысаков, потом Перовская, Михайлов, Кибальчич и Гельфман. Некоторые из них были выданы Рысаковым. Позже были арестованы еще многие «первомартовцы». Желябов был арестован не за предстоящее 1-ое марта, о котором власти, конечно, ничего еще не знали, а за всю свою предыдущую деятельность. Но узнав в тюрьме, что дело совершено, Желябов немедленно же еще не зная о предательстве Рысакова, заявил, что он организатор цареубийства. Желябов, как и все террористы, знал, какая участь ожидает цареубийцу, и хотел разделить ее со всеми товарищами. В своем заявлении он написал:

...«Если Рысакова намерены казнить, было бы вопиющей несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1-го марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения. Прошу дать ход моему заявлению».

22-го марта приговором суда цареубийцы были присуждены к смертной казни через повешение. Только Гельфман, которая ожидала ребенка, смертная казнь была заменена пожизненной каторгой; но она вскоре умерла тут же в тюрьме. Рысакова предательство не спасло.

3-го апреля 1881 года на Семеновском плацу в 9 час. 30 минут утра была совершена казнь над пятью царсубийцами: Николаем Рысаковым, Тимофеем Михайловым, Николаем Кибальчичем, Софьей Перовской и Андреем Желябовым.

ЗАМУЧЕН ТЯЖЕЛОЙ НЕВОЛЕЙ.

(Подпольная песня).

Замучен тяжелой неволей,
Ты славною смертью почил...
В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил.

Служил ты недолго, но честно
Для блага родимой земли...
И мы, твои братья по делу,
Тебя на кладбище снесли...

Наш враг над тобой не глумился,
Кругом тебя были свои.
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиные очи твои.

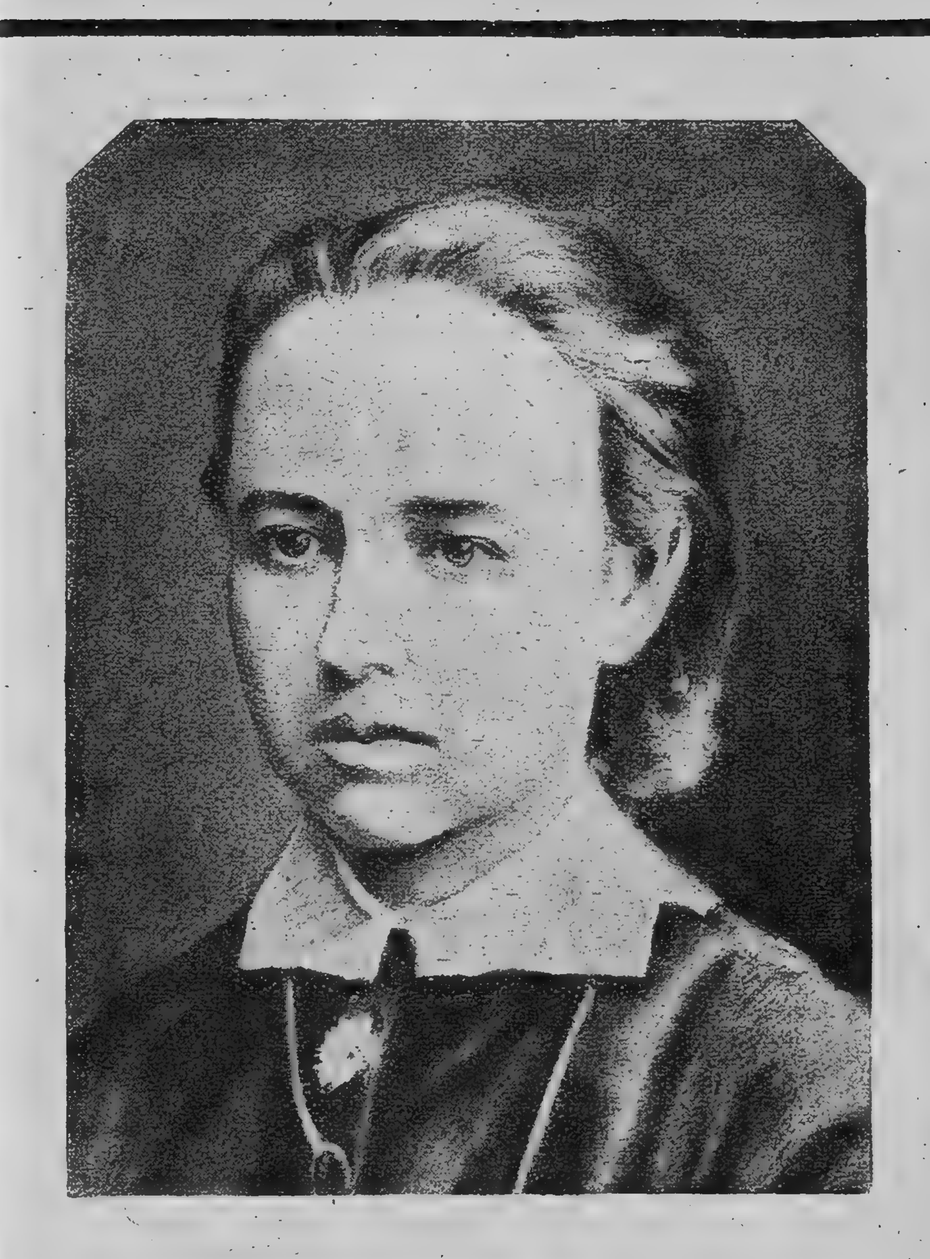
Не горе нам душу давило,
Не слезы блистали в очах,
Когда мы, прощаясь с тобою,
Землей засыпали твой прах.

Нет, злоба нас только душила,
Мы к битве с восторгом рвались.
И мстить за тебя беспощадно
Над прахом твоим поклялись.

С тобою одна нам дорога.
Как ты, мы по тюрьмам сгнием,
Как ты, для народного дела,
Мы головы наши снесем.

Как ты, мы, быть может, послужим
Лишь почвой для новых людей,
Лишь грозным пророчеством новых,
Грядущих и доблестных дней.

Но знаем, как знал ты, родимый,
Что скоро из наших костей
Подымется мститель суровый,
И будет он нас посильней.

Софья Львовна
Перовская
1854 — 1881

СОФЬЯ ЛЬВОВНА ПЕРОВСКАЯ.

(1854—1881).

«Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встречаю ее, так как давно знала и ожидала, что рано или поздно, а так будет... Я сделала так, как подсказывали мне мои убеждения; поступать же против них я была бы не в состоянии; поэтому со спокойной совестью ожидаю все, предстоящее мне».

Из письма С. Перовской к матери перед казнью.

Софья Львовна Перовская — крупнейшая русская революционерка. При ее энергичном содействии был приведен в исполнение смертный приговор партии «Народной Воли» над императором Александром II.

Она действовала от имени народа и во имя его блага, как понимали в то время народное благо и революционеры вообще, и сама Перовская. Она была революционеркой и социалисткой до мозга костей и без колебания отдала всю себя и свою жизнь делу народа. А между тем, по своему происхождению, она не была дочерью народа. Перовская вышла из верхов общества, тесно соприкасавшихся с двором царя, чуждых и враждебных народу. Ее предки и ближай-

шие родственники занимали при ряде царей важные военные и чиновные посты и были верными слугами самодержавия

С. Л. Перовская родилась в 1854 г. Детские годы Сони были безрадостными. Отец ее, занимавший некоторое время пост петербургского губернатора, был типичным крепостником-самодуром, тяжелым, властным, недалеким. Он тиранил жену, детей, слуг, словом, всех, живущих в его власти. Во всем укладе жизни дома Перовских царил дух крепостнического насилия и самовластия. Мать Софьи Львовны, страстно любившая детей, особенно младшую Соню, невыносимо страдала, но не имела сил что-либо изменить в этой тяжелой жизни. Она даже не могла всецело посвятить себя детям, так как муж требовал, чтобы она вела светский образ жизни, и постоянно отрывал ее от детей. Маленькой Соне приходилось не раз с ранних лет видеть и переживать с матерью самые тягостные семейные сцены.

Эти печальные переживания детства оставили неизгладимый след в Перовской. Другую натуру такая жизнь, такие условия и примеры могли бы в конец исковеркать, озлобить, сделать себялюбивой, черствой. Но у Сони было прекрасное сердце и светлый ум, стремящийся во всем разобраться, найти истину и справедливость. Грубый образ отца сливался для нее с представлением о всякой несправедливости; кроткий, нежный образ матери являлся для нее символом всего прекрасного, чистого, справедливого.

Ненависть к отцу рождала в ней могучую, властную, неистребимую ненависть ко всякому насилию, к проявлению грубой власти и желание бороться с ними. Пламенная любовь к матери вызывала особенно нежное чувство ко всем оскорбленным, униженным, страдающим и мечты о служении им, о восстановлении справедливости на земле. Таким образом, тяжелая семейная обстановка способствовала тому, что в Перовской с ранних лет стали взростать всходы бунтарства.

Несмотря на грустное детство, Соня была веселым и резвым ребенком. Она проявляла мальчишеские наклонности, не любила кукол, а предпочитала шумные игры с братьями; ей нравилось, когда братья, например, приучали ее по-мужски защищаться от нападения. Она часто смеялась, и эту смешливость сохранила и впоследствии.

Грамоте Соня научилась от няни в восемь лет и тогда же пристрастилась к чтению. Книга с тех пор сделалась ее неизменным спутником и другом.

С 12 по 15 лет Соня жила с матерью в Крыму, вдали от нелюбимого отца, на полной свободе. Это были лучшие годы в детстве Перовской. Дружба с матерью, мир и тишина в доме, благодаря отсутствию отца, и, наконец, множество книг делали Софью Перовскую совершенно счастливой. Она зачитывалась Писаревым, Добролюбовым, Чернышевским, которые в то время владели умами молодежи. Жизнь с ее освободительными устремлениями проникла в имение старого крепостника, и перед Соней

начали раскрываться новые горизонты, насыщенные духом прекрасной и светлой свободы. Энтузиазм Сони разделяли и ее старшая сестра и братья.

В тот год, когда Софье исполнилось 15 лет, отец вытребовал семью обратно в Петербург. На этот раз Соня и ее сестра Мария ехали к отцу не в подавленном настроении, как это бывало всегда перед свиданием с ним, а в бодром и повышенном. Обе сестры решили в Петербурге серьезно заняться своим образованием, не взирая на все препятствия со стороны отца, которые, они знали, конечно, их ожидали.

Против воли отца обе сестры поступили на курсы, и с этого момента для Перовской начинается совершенно новая, особенная жизнь. На курсах Перовская впервые познакомилась с революционно настроенной молодежью; лекции передовых профессоров, новые книги, беседы с товарищами, сближение с настоящей трудовой интеллигенцией открыли Перовской глаза на многое, что раньше только смутно чувствовалось ею. Перовская начала ясно понимать все недостатки русского общественного строя; начала понимать, что конечной целью и единственным лекарством от всех общественных недугов может быть только социализм. Этот вывод делали и товарищи, и книги, да и собственный ясный ум молодой девушки. Естественно, что сделав такой вывод, Перовская на этом не остановилась. Ее энергичной и необыкновенно честной натуре было мало знать; теперь

ей нужно было действовать, соответственно тем идеалам, которые она восприняла. Жажда деятельности развивалась тем быстрее, что Софья чувствовала себя не одинокой: она была окружена другими молодыми девушками, переживающими то же самое, что переживала и она. Общность идей развивала между ними чувство горячей дружбы, единения, а сознание, что их много, порождало уверенность, что они могут и должны действовать в духе своих идеалов.

Перовская вся ушла в новую жизнь. Зато старая жизнь в отцовском доме сделалась еще невыносимее, еще мучительнее. Отец становился все придирчивее к своей дочери, контролировал каждый ее шаг, требовал, чтобы она прекратила посещение курсов, выгонял из дома ее подруг. Тогда Перовская решила навсегда оставить дом отца. Решила, как решала все крупные вопросы жизни, сразу, резко и бесповоротно. Осенью 1870 г. Софья Львовна, с ведома матери, покинула родную семью. С отцом она порвала навсегда; с матерью же продолжала до конца своей жизни тайно видеться, переписываться, постоянно думала о ней, старалась чем-нибудь порадовать и хотя считала свое дело правым, очень мучалась, что заставляет страдать свою мать. Последние мысли, последние слова Перовской были обращены к этой горячо любимой матери. Но все же свое дело, свои идеалы, она любила больше матери и, не колеблясь, отдала им и себя и все, что было у нее самого дорогого.

Бегство из родительского дома еще теснее сблизило Перовскую с кружком подруг. Через одних из этих

подруг, сестер Корниловых, Перовская вошла в кружок чайковцев, сыгравший такую видную роль в истории нашего революционного движения 70-х годов. И этот кружок стал истинной семьей Перовской. В кружке окончательно оформились революционно-социалистические убеждения Перовской и началась ее работа в этой области.

В начале своей деятельности кружок чайковцев, основанный Натансоном, Александровым, Чайковским и Сердюковым, носил скорее характер братства, чем политического общества. Цель его была создать среди интеллигенции и преимущественно среди студентов кадры революционной социалистической или, как тогда называли, истинно народной партии. Для этого чайковцы вели систематическую пропаганду среди учащейся молодежи: устраивали кружки самообразования, землячества, распространяли книги, которые были проводниками близких им идей. Большое значение придавали чайковцы организации так называемых коммун, состоящих уже из более тесно связанных между собой товарищей. Сами чайковцы жили тоже такой коммуной, и придавали особо большое значение нравственной стороне коммуны, ее воспитывающему влиянию на ее членов.

В этой-то суровой и вместе с тем нежной, любящей среде, в атмосфере энтузиазма и самоотвержения провела Софья Перовская четыре года. В этой среде вырабатывался ее характер, закалялась воля, оттачи-

вался ум. Эта среда создала из нее борца-революционера с несокрушимой силой и твердостью. Кружок оказывал на Перовскую огромное влияние. До конца ее жизни в ней отражаются все его хорошие стороны. Но благодаря своим личным особенностям, большому уму и уменью трезво разбираться во всех явлениях жизни, Перовская сумела извлечь из него только хорошее и отбросить некоторые его недостатки, например, излишнюю сантиментальность в отношениях членов и некоторую долю романтизма—непрактичность и оторванность от действительной жизни.

Зато и Перовская в свою очередь сильно влияла на кружок и вскоре приобрела в нем большое значение. Кропоткин, работавший в кружке одновременно с Перовской, так описывает ее: «Теперь, в повязанной платком мещанке, в ситцевом платье, в мужских сапогах таскавшей воду из Невы, никто не узнал бы барышни, которая недавно блистала в аристократических петербургских салонах. [1] Она была общей любимицей. Каждый из нас, входя в дом, который она пыталась содержать в чистоте, улыбался ей особенно дружески. Мы улыбались даже тогда, когда она донимала нас за грязь, которую мы натаскивали нашими мужицкими сапогами и полушубками: мы долго месили грязь предместья, покуда добирались до домика. Перовская пыталась тогда придать своему невинному, очень умному личику, самое ворчливое выражение, какое только могла, за что мы и прозвали ее «Захаром».

[1] Кропоткин здесь ошибается: Перовская и раньше не бывала никогда в аристократических салонах.

Перовская вообще до страсти любила чистоту и в этом отношении была очень требовательна к своим товарищам. Своей наружностью она совсем не занималась и одевалась с величайшей простотой, не думая о том, к лицу ли она одета, но всегда заботилась, чтобы все на ней было порядливо и чисто. Даже в тюрьме, в ожидании казни, она в письме к матери просит прислать ей чистый воротничок.

Детски ясная и нежная душа Перовской отражалась в ее голубых внимательных и серьезных глазах, в звонком простодушном смехе, в ласковой улыбке, во всем ее подвижном лице, в манерах и, конечно, особенно в поступках. Она очень любила детей, понимала их и была близка с ними и была отличной школьной учительницей, когда одно время, в силу разных обстоятельств, была принуждена временно оставить революционную деятельность. Она была еще лучшей сиделкой, всегда внимательной, ласковой, терпеливой. Если заболевал кто-нибудь из ее товарищей, она первая являлась ухаживать за больным и оставляла только тогда, когда ставила больного на ноги. Взяв на себя какую-нибудь обязанность или работу, Перовская всегда с неослабной энергией и добросовестностью доводила ее до конца, не считаясь с тем, серьезная ли она или пустяшная.

Преданность делу и товарищам, беззаветная смелость и самоотверженность были у Перовской несокрушимы. Однажды она сказала Кропоткину: «Мы затеяли большое дело, быть-может двум поколениям придется лечь на нем, но сделать его надо». Когда

ее товарищи попадали в руки жандармов, заточались в тюрьмы, Перовская не находила себе места, придумывала безумные по дерзости планы их освобождения, заставляла всех работать, а если планы ее не удавались, почти заболевала от горя. Во всяком предприятии революционеров Перовская требовала себе самую ответственную, опасную роль и по-детски сердилась, если товарищи отказывали ей в этом.

Перовская вступила в кружок чайковцев 16-ти лет. Понятно, что ее молодость и все привлекательные стороны ее характера вскоре сделали ее всеобщей любимицей. Но можно сказать, что вопреки своей молодости, она вскоре сделалась и одним из наиболее видных влиятельных членов кружка и пользовалась большим уважением. Этим она обязана главным образом своей твердости, стойкости убеждений, сильной воле и неутомимой энергии; в особенности же своему ясному, проницательному, трезвому уму и строгости к самой себе.

Перовская видела все вещи в настоящем свете и в настоящую величину, не переоценивая значительности деятельности своей и своих товарищей. Поэтому она всегда стремилась расширить эту деятельность, отыскивая новые пути и способы действия. Но это вечное искание нового, лучшего, не было следствием чересчур богатого воображения. Наоборот, Перовская была человеком положительным, реальным. Она брала жизнь такою, какова она есть, и старалась сделать наибольшее возможное в данный момент, и по своим силам. Бездеятельность была для нее

величайшим мучением. Она жила не мечтами, а действительностью. Эта трезвость взглядов сказывалась у нее также в отношении к тому народу, интересами которого она жила. Перовская была, по словам Кропоткина, революционеркой, борцом и «народницей» чистейшего закала. Ей не было надобности, чтобы полюбить крестьян и рабочих и чтобы работать для них, украшать их вымышленными добродетелями, как это делали старые и даже многие современные ей революционеры-романтики. Она брала их такими, какими они были.

Чайковцы вскоре убедились, что одна интеллигентская молодежь не может быть тем рычагом, который произведет подготовляемый сдвиг истории. И тогда они стали переносить пропаганду в рабочие массы, стали перебрасывать ее из столиц в провинцию, где во многих местах начали образовываться отделения кружка.

Как настоящая народница, Перовская считала, что революционное движение должно исходить из крестьянской России, и что поэтому успех может иметь только та партия, которая сблизится с крестьянством. В связи с перенесением пропаганды в народ, чайковцам понадобилось большое количество новых книг для народа. Раньше революционные издания печатались, главным образом, за границей, но они мало подходили новым читателям, рабочим и крестьянам. Кружок задумал печатать книги в России, и для этого потребовалось устройство тайной типографии. Перовская была одним из деятельных организаторов этого дела.

В ведении Перовской находились также сношения с арестованными товарищами, сидевшими в III Отделении, собственной канцелярии его и. в., которое ведало политические дела, цензуру и распоряжалось жандармами. Подкупленный жандарм, приносил ей записки и принимал от нее поручения. При этом Перовская с материнской заботливостью пеклась об арестованных пропагандистах, исполняла их разнообразные поручения и целыми днями бегала по городу за покупками для них.

Перовская и сама занималась пропагандой среди рабочих. Но ее особенно привлекала пропаганда в деревне, и потому летом 1872 г. она поехала в Самарскую губернию в качестве оспопрививательницы. Здесь она прошла суровую крестьянскую школу. Жизнь она вела деятельную и неутомимую. Пешком исходила все окрестные села и деревни, везде прививая оспу и, конечно, разъясняя крестьянам всю пользу этой меры. В то же время она всеми силами старалась ближе познакомиться с тем народом, служить которому собиралась. В Самарской же губернии Перовская работала в школе, подготовлявшей сельских учительниц. Потом она переехала в Тверскую губ. и там выдержала экзамен на звание народной учительницы.

В конце 1873 г. Перовская была в Петербурге арестована с группой рабочих, среди которых вела пропаганду. Перовская была заключена в Петропавловскую крепость.

Одновременно с Перовской в Петербурге, в Москве и в разных провинциальных городах было арестовано большое число пропагандистов, были захвачены почти все главари, так что кружок чайковцев был в сущности совсем уничтожен. Всего к суду было привлечено 193 человека, некоторых из них, в том числе Перовскую, выпустили на свободу на поруки. Все же остальные томились в крепости или в тюрьмах. Следствие тянулось 3 года, и эти годы Перовская была вынуждена жить в Крыму, под строгим надзором полиции, в бездействии. Но и это время не пропало для нее даром: она прослушала фельдшерские курсы и вся отдалась уходу за больными.

Суд над пропагандистами начался только зимою 1877 г. Перовская была оправдана за недостатком улик. Зато многих из ее товарищей постигло суровое наказание: несколько лет каторги, а группе самых видных революционеров—Мышкину, который на суде произнес необычайно сильную и смелую речь, Войнаральскому, Рогачеву, Ковалику и некоторым другим было назначено 10 лет каторги; они должны были отбывать ее в самой ужасной из всех русских тюрем, центральной Харьковской.

Перовская понимала, что хотя она и оправдана, это не помешает полиции и жандармам постоянно и всюду следить за ней и при первом удобном случае арестовать. Поэтому она сочла за лучшее скрыться и с тех пор ведет жизнь нелегальную, т.-е. под вымышленными фамилиями и по подложным паспортам.

Узнав о приговоре суда, Перовская, страшно потрясенная, но не потерявшаяся, не опустившая рук, решила немедленно же действовать. Был разработан план освобождения централистов, в первую очередь Мышкина, во время его перевозки из Петербурга в Харьков. Были сделаны все необходимые приготовления, установлена слежка за дорогой от Петропавловской крепости до Николаевского вокзала и на самом вокзале. Но бдительные жандармы были на чеку и обманули следивших простым способом: в то время, как дежурившие революционеры следили за пассажирским поездом, Мышкина увезли в товарном поезде. Революционеры узнали об этом тогда, когда Мышкин был уже доставлен в Харьков.

«Трудно описать,—говорит один из близких друзей Перовской, Кравчинский, — что сделалось с Перовской после этой неудачи. Попавшегося ей на глаза в этот день участника плана освобождения она разругала самым несправедливым образом и после этого ходила злая-презлая, что не мешало ей, однако, в это же время ласково и внимательно ухаживать за одной знакомой, тяжело больной».

Энергия Перовской и других все же не ослабела от этой неудачи. Решено было попытаться освободить кого-нибудь из остальных централистов во время следования на почтовых из Харькова до тюрьмы. План был сложный и трудный, и требовал тщательной и длительной подготовки. В Харьков поехало несколько революционеров — Квятковский, Баранников, Михайлов и др. Последней приехала туда Пе-

ровская, хотя она была душой заговора. Но она взяла на себя обязанность следить за отправкой осужденных из Петербурга и вообще не потерять их из виду. Во время освобождения Перовская исполняла роль хозяйки на одной из квартир участников.

Вот как рассказывает об этом предприяти один из участников:

«Мы немедленно решили попытаться освободить хоть одного из осужденных. Через несколько дней двое из нас, поручив оставшимся в Петербурге и Москве товарищам своевременно известить об отправке осужденных по назначению, были уже в Харькове. Здесь, соединившись с несколькими южными революционерами, мы сейчас же приступили к необходимым приготовлениям. Шестеро из нас должны были принять участие в нападении на стражу, сопровождавшую арестантов; остальные наблюдать за местным тюремным замком, вокзалом и исполнять второстепенные частности дела.

«В глухой местности Харькова, в небольшом переулке, мы подыскали так называемую «центральную квартиру» для хранения оружия и костюмов, для устройства собраний и получения известий. В то же время мы наняли в более чистой части города другую квартиру, которую мы назвали «конспиративною», так как ее никто не должен был знать, кроме участвующих в нападении. В этой квартире предполагалось укрыть освобожденного, а в случае надобности укрыться и самим. Трое товарищей, которые должны были заведывать лошадьми, наняли квартиру на

одном из постоялых дворов, где и поселились под видом провинциального управляющего помещичьим имением, его конторщика и кучера.

«Мы занялись приобретением всего необходимого для предприятия. Достали полный костюм жандармского офицера, купили 4 лошадей, бричку и приступили к исследованию окрестностей Харькова»...

От петербургских товарищей участники освобождения узнали о времени прибытия осужденных под охраной 8 жандармов и жандармского офицера.

...«Приезд товарищей был наконец выслежен. Так как в Харьковской губернии две центральных тюрьмы, в которые из этого города ведут две разные дороги, то мы решили, что товарищей повезут во всяком случае в ту из них, в которой обычно помещались политические преступники.

«Вооружившись кинжалами и револьверами большого калибра, захватив побольше запасных зарядов, мы отправились из Харькова, по направлению к Чугуеву. Четверо из нас ехали в бричке, один в форме жандармского офицера, другой в виде армейского поручика, двое как кучер и денщик и двое верхами».

Оказалось, однако, что троих из осужденных провезли другой дорогой, и заговорщикам пришлось вернуться в город.

Оставалось выследить последнего из осужденных, Войнаральского. Его, по расчетам заговорщиков, должны были везти на другой день. С утра было установлено дежурство в разных пунктах, а бричка расположилась на перекрестке двух дорог, чтобы

можно было, смотря по сигналу, ехать по любой из них. Наконец, верховой дал сигнал, что везут по змеевской дороге в уголовный централ, и бричка поехала по ней. Через несколько минут из города показалась тройка с жандармами. Бричка быстро проехала вперед на небольшом расстоянии перед тройкой. Заговорщики для уверенности в действиях ждали еще одного верхового, но случилось так, что обе группы приближались уже к селу, а действовать надо было, конечно, от него подальше.

«Мы начали осаживать лошадей и остановились, свернув немного с дороги. Двое наших быстро выскочили из брички. Одетый офицером, выступив на дорогу, крикнул жандармам:» «Стой!» Ямщик осадил лошадей.—«Куда едешь?»—спросил наш офицер (Баранников), подойдя к кибитке.—«В Новоборисоглебск»,—отвечал сидевший против Войнаральского жандарм, делая под козырек. Наш второй товарищ выстрелил в него, но промахнулся—«Что тут? Что это?»—крикнул в испуге сидевший по другую сторону Войнаральского жандарм, но пуля нашего офицера свалила его на дно повозки...

«...Испуганные лошади жандармов дернули и помчались. Произошло смятение. Мы пустились в погоню, кто на лошадях, кто, не успев вскочить в бричку, пешком. Промахнувшийся товарищ сделал еще два выстрела, но безуспешно. Верховой, находившийся немного впереди, желая убить коренную лошадь, повернул назад, но его собственная лошадь, испугавшись выстрелов, заартачилась. Стрелять в упор

не было никакой возможности. Справившись, наконец, с ней и догнав жандармов, он на всем скаку выпустил в жандармских лошадей все шесть выстрелов своего револьвера. Большая часть их, судя по брызгам крови, попала, но израненные лошади помчались еще быстрее мимо бежавших в сторону прохожих, мимо хохлов, косарей, оставивших работу и, опершись о косы, с удивлением смотревших на происходящее... Расстояние между нами и жандармами все увеличивалось. Наш кучер напрягал последнее усилие, чтобы догнать их, но его не особенно хорошие лошади, видимо, уступали по быстроте почтовым лошадям жандармов. Ожидая, что Войнаральский выскочит из кибитки, мы гнались почти до самого селения. Наконец, убедившись в бесполезности дальнейшей погони, решили вернуться в Харьков»...

Причина неудачи заключалась в том, что стрельбу начали, не вырвав у ямщика возжей или не подрезав постромок. Во всяком случае заговорщики выполнили все, что могли, и при этом проявили беззаветную храбрость. Если бы они продолжали свою бесплодную погоню, то они попались бы другой тройке, которая везла шесть жандармов, возвращавшихся из тюрьмы после доставки туда других арестантов.

Но Перовская была беспощадна: она осыпала жестокими упрёками своих и без того убитых товарищей, называя это дело «постыдным и позорным для революции». Никаких оправданий не хотела она признать: «зачем давали промах?., зачем не гнались дальше?»

Заговорщики решили немедленно же уехать из Харькова. Перовская же, как всегда, спокойная и храбрая, отказалась от бегства и осталась в Харькове. Она не оставила своего замысла и с упорством принялась вырабатывать новый план уже массового освобождения политических преступников. В то же время она взяла на себя вообще заботу о заключенных. Благодаря ей установились сношения с тюрьмой и заключенные начали вдруг чувствовать, что они не забыты, что о них заботится нежный и верный друг. Люди, сидевшие в централке по несколько лет без всякого общения с внешним миром, вдруг получали возможность переписываться, иметь книги, еду, зимнюю одежду. Все это было делом рук Перовской. Среди этих забот Перовская вела еще усиленную пропаганду и создала в Харькове революционный кружок.

Наконец, Перовская находит даже время для поездки в Крым, чтобы навестить мать. Поездка была небезопасная, так как полиция ее разыскивала, но Перовская не знала страха. И действительно, в Крыму она почти тотчас же была арестована и отправлена в Повенец, в сопровождении двух жандармов. Она решила бежать, воспользовавшись первым удобным случаем, без всякой посторонней помощи, не предупреждая даже никого из своих. И прежде, чем распространилась весть об ее побеге, она, как ни в чем не бывало, явилась в Петербург, рассказывая со смехом подробности своей проделки. Сторожившие ее жандармы, не спуская с нее глаз днем, ночью легли

спать в одной с ней комнате, один у окна, другой у двери. Они не обратили, однако, внимания, что дверь отворяется не внутрь, а наружу. Когда жандармы захрапели, Перовская тихонько отворила дверь, не обеспокоив своего сторожа и, спокойно перешагнув через него, незаметно выскользнула на волю. Прождав несколько часов в кустах, она села в первый ночной поезд, не взяв билета, чтобы жандармы не могли справиться о ней у кассира. Притворившись бестолковой деревенской бабой, не знающей никаких порядков, она получила от кондуктора билет и преспокойно доехала до Петербурга, тем временем как проснувшиеся жандармы метались, как угорелые, отыскивая ее повсюду.

Пробыв недолгое время в Петербурге, Перовская поспешила в Харьков к ожидавшему ее делу освобождения товарищей. Но там ее постигли вскоре полная неудача и тяжелое разочарование.

После разгрома кружка чайковцев в 1873 г. и начала «Большого процесса», т.-е. во время отсутствия Перовской из Петербурга, остававшиеся на свободе революционеры образовали партию «Земля и Воля». Остатки кружка чайковцев, конечно, вошли в нее. В этой партии совершенно определенно выражалось народническое направление. Партия «Земли и Воли» считала, что только экономическая революция снизу, при посредстве самого народа, может привести к окончательному разрушению современного общественного строя и к созданию более справедливого, отвечающего желаниям народа. Для этого пропаганда

в народных массах должна была вестись более планомерно и настойчиво, чем это делали чайковцы.

Занятые со всей энергией своей деятельностью,— установлением прочной связи между революционерами и деревней и организацией поселений революционеров в деревнях,— землевольцы сравнительно мало помогали Перовской в ее харьковских планах. Наконец, в Петербурге последовал разгром партии «Земли и Воли», а это означало прекращение получения даже самой незначительной помощи.

Харьковская подруга Перовской так описывает состояние ее в момент получения роковых вестей из Петербурга о массовых арестах землевольцев:

«Трудно изобразить, какое горе причинило ей это известие. Как человек чрезвычайно скрытный, она ни перед кем не изливала его и казалась даже спокойной и не особенно убитой, но зато по ночам, когда она была уверена, что я сплю и никто не услышит ее, она давала волю своему горю. Помню, как Перовская провела первые 3 ночи после получения известия. Что это были за ночи! Я вынуждена была притворяться спящей, из боязни своим присутствием или участием только стеснить ее; но как сжималось мое сердце при этих постоянно раздававшихся тихих рыданиях... Я тогда еще не знала, как этот погром может отразиться на плане освобождения, и думала, что Перовская так убивается только потому, что эти люди ей особенно близки. Впоследствии лишь я поняла, что с их арестом у нее явилось сомнение в возможности осуществить свой план. Расстаться

с этим планом ей было невыносимо тяжело, но все же пришлось, так как за первыми арестами последовали другие, и попытка освобождения не могла состояться».

В конце 1878 г. Перовская вернулась в Петербург. За время ее отсутствия здесь все переменилось: люди, направления, способы действия. Политическая революция, признававшаяся старым революционным поколением бесплодной и бесполезной, была провозглашена теперь необходимой ступенью к революции социальной. В тактике революционеров был очевиден решительный поворот от пропаганды к активной борьбе посредством террористических актов.

Отдельные случаи террористических действий случались и до этого в практике революционеров, но они были единичными, теперь же они приняли вид планомерной и организованной борьбы с самодержавием. Во главе этой борьбы стоял «Исполнительный Комитет» партии «Народной Воли», заменившей с осени 1879 года партию «Земли и Воли».

Долго колебалась Перовская, прежде чем решила примкнуть к этому направлению, отодвигавшему на второй план чисто социалистическую деятельность. Народовольцам пришлось долго спорить с ней и убеждать ее, прежде чем она решилась войти в их партию. Но убедительнее товарищей сама жизнь показала ей, что другого пути революционерам нет, и Перовская примкнула к новому направлению и вскоре во-

шла в Исполнительный Комитет партии. А раз примкнувши, она отдалась партии всецело, без оглядки, как все цельные натуры, и именно в могучей борьбе с самодержавием и обнаружила во всем блеске свои дарования и энергию.

Перовская принимала деятельное участие почти во всех обнаруженных покушениях и в тех, которые, остались неизвестными, и всегда была самым полезным человеком во всех организационных работах, брала на себя самые опасные обязанности. Она заводила обширные связи с молодежью и умела всегда всех воодушевить, увлечь собственной преданностью делу, покорить убедительностью своей простой, умной и горячей речи. Влияние ее, особенно на молодежь, было огромно.

Первым делом, в котором Софья Перовская принимала участие по поручению Исполнительного Комитета партии «Народной Воли», была организация покушения на Александра II под Москвой в ноябре 1879 года.

Александр II возвращался из Крыма в Петербург. Для покушения было выбрано место на третьей версте от станции «Москва» Московско-Курской жел. дор.

Вблизи полотна Сухоруков (Лев Гартман, впоследствии бежавший за границу) купил дом. Приехала с ним его жена Марина Семеновна, роль которой исполняла Перовская. В работах по проведению подкопа участвовали еще 7 революционеров. Подземный ход, вырытый от дома к полотну железной дороги,

был длиною в 47 м. и по бокам был обшит досками. Этот подкоп кончался миной, заложенной на глубине пяти метров под рельсами. Работа была чрезвычайно трудная. Приходилось копать, стоя на коленях в воде, а иногда и лежа в пронизывающей до костей ледяной грязи.

Роль хозяйки дома, которую Перовская сама захотела взять на себя, и с бою отняла у другой революционерки, она исполняла неподражаемо. Ловкость и умелость Перовской избавляла заговорщиков от многих опасностей. А бывали минуты весьма скверные и жуткие.

Однажды купец сосед зашел к Сухорукову по делу о закладе дома. Хозяина не оказалось на ту пору. Перовская не захотела допустить нежданного посетителя до осмотра дома. Во всяком случае нужно было оттянуть время, чтобы дать товарищам возможность убрать все подозрительное.

Она внимательно выслушала купца и переспросила. Тот повторил. Перовская с наивным видом опять переспрашивает. Купец старается объяснить, как можно вразумительнее, но бестолковая хозяйка с недоумением отвечает: «Уж не знаю. Уж как скажет Михайло Иванович». Купец опять силится объяснить. А Перовская все твердит: «Да вот Михайло Иванович придет. Я уж не знаю». Долго шли у них эти объяснения. Несколько товарищей, спрятанных в коморке за тонкой перегородкой и смотревших сквозь щели на всю эту сцену, просто задыхались от подавленного смеха: до такой степени естественно

играла она роль жены мещанки. Даже ручки на животике сложила по-мещански.

Купец махнул, наконец, рукой: «Нет уж, матушка, я уж лучше после зайду!» И ушел, к великому удовольствию Перовской.

Работавшие по подкопу решили не сдаваться живыми, если они будут по какой-либо причине застигнуты полицией. На Перовскую в таком случае была возложена обязанность выстрелить в бутылку нитроглицерина, при взрыве которого все погибли бы. Перовская безбоязненно взяла на себя это поручение.

Работы пришли к концу. В мину было заложено полтора пуда динамиту, приготовленного революционером Ширяевым. Он же должен был воспламенить мину посредством электрического провода по сигналу Перовской.

Настал момент проезда царского поезда. Перовская дала сигнал. Но произошла ошибка: за царский поезд приняли поезд со свитой. Последовал взрыв, обошедшийся без человеческих жертв, но разворотивший полотно дороги. Царский поезд проехал благополучно в Москву немного раньше.

После взрыва, Перовская, не теряя самообладания, замешалась в толпу железнодорожных рабочих, окруживших место взрыва. А вечером спокойно села в поезд и уехала в Петербург.

В 1880 г., 5 февраля, Халтурин произвел свое тоже неудавшееся покушение на царя в самом Зимнем дворце. А вскоре после Халтуринского дела Пе-

ровская получила поручение от Исполнительного Комитета поехать в Одессу и там организовать совместно с В. Н. Фигнер покушение на Александра II во время проезда царя через Одессу в Крым.

На одной из улиц, по которой должен был ехать царь с вокзала на пристань, революционером Саблиным и Перовской, под фамилией супругов Прохоровских, была снята лавка и в ней открыта была бакалейная торговля. Под лавкой немедленно же начались работы по проведению подземной галлереи. Приходилось спешить. Был уж апрель месяц, а проезда царя ждали в мае. Все работали до упаду сил. По окончании работ всю вырытую землю уносили в корзинах, узлах и пакетах на квартиру Фигнер, которая, отсылая прислугу, опоражнивала эти вместилища для земли.

Затем стало известно, что царь отменил поездку в Крым, и начатые работы пришлось бросить. Лавка была закрыта. Подземная галлерея заполнена вынутой из нее землей. Террористы разъехались. Перовская уехала в Петербург.

С конца 1880 г. Исполнительный Комитет приступил к организации нового, оказавшегося последним, покушения на Александра II. Работать становилось все труднее, так как аресты не прекращались, и ряды террористов редели.

На Малой Садовой улице, в Петербурге была снята лавка супругами Кобозевыми (террористами Якимовой и Богдановичем), и тотчас же начались

подземные работы. Перовская с большой неохотой уступила Якимовой роль хозяйки в лавке.

У Исполнительного Комитета был большой запас динамита, были и отличные химики. Террористом Кибальчичем были изобретены новые метательные снаряды (ручные бомбы). План цареубийства, разработанный Желябовым, который был организатором этого дела, состоял в следующем: на Малой Садовой ул., угол Невского пр., была заложена мина. На случай, если взрыв опередит царскую карету или опоздает, исполнить дело должны были 4 бомбометателя; в крайнем случае, Желябов, находящийся в толпе, должен был броситься вперед и нанести Александру II смертельный удар кинжалом. Покушение было назначено на 1-ое марта, во время проезда царя из дворца в Михайловский манеж или обратно.

За два дня до решительного боя, 27 февраля, Желябов и другой крупный террорист Тригони были арестованы. Перед ними были схвачены еще несколько важных участников предприятия. Удар по партии, и в особенности по замыслу, который был накануне приведения в исполнение, был оглушительным.

Но в Исполнительном Комитете была Перовская. Она взяла руководство делом в свои руки и довела дело до конца.

Одной из существенных частей всего плана было точное знание выездов царя. Это дело было уже блестяще организовано Перовской. От Желябова,

женой которого к этому времени она сделалась и с которым она так много работала, Перовская знала в точности весь план заговора. Она бывала на всех заседаниях Исполнителного Комитета. Она собственной рукой начертила заговорщикам план местности и каждому указала назначенный пункт. А накануне 1-го марта она провела всю ночь в квартире, где делались бомбы, и сама принесла и раздала их метальщикам. Она вышла следом за метальщиками, чтобы подать им знак действовать, если взрыв мины окажется неудачным.

1-го марта, в этот роковой для себя день, Александр II изменил свой обычный путь и направился в манеж и обратно не через Малую Садовую и Невский, а по набережной Екатерининского канала к Инженерной улице. Эту перемену Перовская немедленно уловила и изменила соответственным образом план. Она дала сигнал метальщикам. Метальщики, ожидавшие царя вблизи лавки Кобозева, заняли новые места и стали ждать.

Сама Перовская перешла на другую сторону канала и ждала событий, опершись о решетку набережной.

Александр II был убит второй бомбой, брошенной Гринивицким. Эта же бомба ранила на смерть и самого метальщика.

С момента ареста Желябова, Перовская страдала невыносимо. Для нее Желябов был не только близким другом и соратником, с которым она привыкла

делить все труды их общего дела, обмениваться каждой мыслью, всеми сомнениями и надеждами; для Перовской Желябов, кроме ее матери, был единственной горячей привязанностью. После его ареста Перовская была больна, еле ходила, и все же ни на минуту не прекратила своей боевой деятельности. Можно себе представить, какую муку в сердце носила Перовская, когда, после ареста Желябова, она, с виду такая спокойная и решительная, встала на его место и пошла продолжать начатое им, их общее дело.

После первого марта, доведя дело до конца, исполнив свой революционный долг, Перовская разрешает себе отдаться своему чувству: все ее мысли заняты планами спасения Желябова. В самый день первого марта, вечером, она идет к члену Исполнительного Комитета Суханову и со слезами на глазах говорит, что партия должна употребить все средства для освобождения Желябова; она обращается и к другим сочувствующим лицам и всюду говорит только о Желябове, о его спасении, придумывает невероятные планы.

О своей безопасности Перовская совсем не думала в эти страшные дни. Она несколько раз приходила на квартиру, на которой жила вместе с Желябовым до его ареста, и с удивлением смотрела на своих друзей, когда те советовали ей скрыться за границу. Она всегда была бесстрашной, после же ареста Желябова жизнь потеряла для нее всякую цену.

Но личное горе все же не могло уничтожить в Перовской сознание долга перед революцией и

перед товарищами. После совершения покушения, в тот же день Перовская присутствовала на экстренном заседании Исполнительного Комитета. Она находила силы заниматься партийными делами вплоть до своего ареста, хотя мысли ее и были заняты главным образом планами освобождения Желябова. Но прирожденный революционер не мог умереть в ней, несмотря на все испытания, несмотря на все личные утраты. Как только поднимался разговор о революционных делах, о будущем России, о народе, ее потухшие глаза вспыхивали, и она вся загоралась боевым энтузиазмом. Так свидетельствуют об ней те, кто видел ее в эти последние дни.

Перовская была арестована через 10 дней после 1-го марта на Невском проспекте против Екатерининского сквера. Розыск и арест ее был поручен околоточному надзирателю, который, взяв с собой хозяйку мелочной лавки того дома, где жила Перовская, знавшую ее, как покупательницу, ходил и ездил с ней по улицам Петербурга. Наконец, ему посчастливилось встретить Перовскую. Соскочив с извозчика, околоточный подбежал к Перовской и схватил ее за руку, опасаясь, что у нее есть оружие.

Никакого оружия у Перовской не оказалось, она не оказала никакого сопротивления. Перовская спокойно дала себя арестовать, была доставлена в участок, а оттуда в III отделение, где ей немедленно же был учинен первый допрос. На следующий день, после вторичного допроса, Перовскую перевезли в Петропавловскую крепость.

Суд над первомартовцами продолжался недолго. 29 марта был вынесен смертный приговор шести главным участникам цареубийства: Желябову, Перовской, Тимофею Михайлову, Кибальчичу, Рысакову и Гельфман. Над Гельфман казнь не была произведена, так как она заявила, что ожидает ребенка.

3-го апреля была всенародно совершена казнь. «На эшафоте Перовская была тверда всей своей стальной твердостью, — рассказывает о последних минутах Перовской Вера Ник. Фигнер. — Она обняла на прощание Желябова, обняла бы Кибальчича, обняла бы Михайлова, если бы было можно. Но не обняла бы Рысакова, который, желая спастись, выдал Тележную улицу и погубил Саблина, застрелившегося, выдал Гесю Гельфман, умершую в доме предварительного заключения, погубил Т. Михайлова, которого привел на эшафот [1]). Так умерла Перовская, верная себе в жизни и смерти».

Составьте краткие характеристики Желябова и Перовской.

---

[1]) На Тележной улице была конспиративная квартира революционеров. Геся Гельфман считалась хозяйкой квартиры. Когда по указанию Рысакова полиция явилась в эту квартиру, бывший в ней Саблин застрелился. Тимофей Михайлов был одним из метальщиков, но в последний момент отказался от намерения бросить бомбу и ушел, не доходя до назначенного ему места; таким образом, если бы не предательство Рысакова, Михайлов остался бы вне подозрения и не был бы схвачен.

Николай Александрович
Морозов

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МОРОЗОВ.

«В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд и жажду размышлений...»

Пушкин.

Биография Н. А. Морозова, вышедшего из почти 25-летнего заключения в крепости во всеоружии умственных сил, полным молодой энергии, любви к человечеству и веры в науку, может послужить живым и ярким примером для всех. Просидев уже 14 лет в Шлиссельбургской крепости, Морозов писал матери: «Да, будем бодры, будем надеяться на лучшие дни!..» С трудом передвигаясь по мрачному каземату Алексеевского равелина, испытывая при каждом движении страшные колючие боли в ногах, он повторял: «Я буду еще жить, и все, что я теперь знаю, еще увидит свет, и знание истины сделает людей счастливее!»

Это упорное, неутомимое искание истины во всем и всюду является отличительной чертой Н. А. Морозова с самых юных лет, и в тюрьме и на свободе.

Н. А. Морозов родился в 1854 г. в имении Борки, Ярославской губ. Отец его был богатый помещик,

мать — крепостная крестьянская девушка. Отец Н. А. встретил ее в одном из своих поместий, полюбил за ее удивительную доброту и кротость, ум и красоту, дал ей вольную и увез в Борки.

Морозов, по его словам, стал помнить себя очень рано. Его первые воспоминания относятся к тому времени, когда он не умел еще ходить. И, конечно, они связаны с самыми близкими ему людьми — матерью и няней.

Так же тесно связаны первые воспоминания и впечатления Морозова с природой, среди которой протекало его детство. Он запомнил комету с длинным хвостом, которую няня показала ему, когда ему было 4 года. В его памяти ярко запечатлелось северное сияние, — «огненные столбы», предвещающие мороз, которые он наблюдал тоже с рук все той же няни. Жизнь среди деревенского приволья и постоянное общение с природой сроднили с ней Морозова с самых ранних лет. Он привык не только любоваться природой, но относиться к ней вдумчиво, внимательно. Для него в природе все было полно движения, жизни, глубокого смысла; он с детства стремился познать явления природы, проникнуть в ее тайны.

Рано начал Морозов задумываться и над социальными вопросами. На это его натолкнула его же родная семья и вся окружающая среда. Чуткий мальчик рано понял ложное положение своей матери-крестьянки в доме богатого отца-помещика; он заставал ее часто тоскующей и плачущей, понимал, что она одинока среди всего этого барского великолепия.

И вместе с горячей привязанностью к матери и невольным чувством недоброжелательства к отцу, в мальчике смутно росло чувство возмущения против социального неравенства и несправедливости вообще. Росту этого чувства помогало также и сравнение жизни деревни с барским домом. Классовое неравенство все чаще бросалось в глаза и заставляло мальчика мучительно задумываться.

В 12 лет Морозов поступил в московскую гимназию. К этому времени любовь к природе перешла у подрастающего Морозова в прочное и сознательное влечение к естественным наукам, и дальнейший путь жизни уже ясно обозначался перед ним. Естественные науки стали Морозову тем более дороги, что в них он находил разрешение и мучившим его пытливый ум вопросам общественным, — вопросам человеческих отношений.

Гимназические годы выработали у мальчика, а потом юноши Морозова твердое мировоззрение, которое он сохранил на всю жизнь, несмотря на все превратности своей судьбы. Это — несокрушимая вера в то, что человечество найдет истину, и что к ней его приведет жизнь и наука. Но для того, чтобы человечество познало истину, необходимо прежде всего стремиться к освобождению человеческой личности. К этому можно итти двумя путями. Один — путь науки, и именно естественной науки, побеждающей силы природы и рассеивающей все предрассудки, всё невежество, сковывающие человеческие умы; другой путь — путь активной борьбы за свободу.

Морозов преклонялся перед людьми, жертвующими собой для общего блага и освобождения человечества. Его героями были смелые борцы за освобождение народов. Но себя он считал непригодным для активной борьбы, и его непреодолимо тянуло к науке. Он крепко верил в то, что изучение естественных наук, раскрытие тайн природы приведет его к той же цели, к которой шли борцы-революционеры, — к облегчению существования человечества. Морозов-гимназист не подозревал, что жизнь все-таки повернет его на другой путь.

Школьная учеба, основанная в его время на мертвом классицизме, конечно, не могла удовлетворить Морозова и многих его товарищей. Юноши образовали свое общество естествоиспытателей и с жаром набросились на изучение естественных наук. Они много читали, делали доклады, устраивали заседания и очень серьезно относились к своей работе. Весной и осенью Морозов с товарищами совершал геологические экскурсии, работал в геологическом и зоологическом музеях, часто бегал в анатомический театр и работал с медиками, как завзятый анатом. Многие ученые естественники со вниманием прислушивались к мнениям молодого естествоиспытателя.

Так продолжалось до 1874 г., когда Морозову пришлось впервые и совершенно случайно столкнуться с тогдашними социалистами-радикалами, как в то время называли революционеров. Его поразили их героические фигуры на мрачном фоне тогдашней

русской действительности, когда подавлялось всякое проявление живой мысли. Их горячие юношеские речи были отзвуком его собственных дум и давно волновавших его вопросов. В то время среди революционеров царило народническое направление. Революционеры стремились слиться с народом, постоянным общением с ним поднять его умственное развитие и тогда, путем пропаганды, подготовить его к освобождению от существующего социального, а затем и политического строя. Революция мнилась им в будущем, а пока шла преимущественно просветительская работа, главным образом, в крестьянской массе, из которой должно было исходить, по мнению народников, освободительное движение. Но эта работа радикалов по пропаганде социализма в деревне вызывала со стороны правительства постоянные преследования и тем самым ожесточала их и постепенно привела к активной яростной борьбе.

Отказ от личной жизни, от привычных культурных условий, преследования полиции создавали в глазах Морозова из его новых друзей каких-то фантастических героев. Ему хотелось быть с ними, разделить с ними все опасности и невзгоды. Но он понимал, что это означало разрыв с семьей и отказ от научной дороги, и это мучило Морозова невыносимо.

В это время кружок революционной молодежи, во главе которого стояли Кравчинский, Клеменц, Шишко, Саблин, Алексеева и др., с которыми Морозов особенно сдружился, затеял открыть сапожную мастерскую, так как считал, что итти в деревню нужно,

имея в руках какое-нибудь ремесло. Морозов промучился несколько дней, не зная, какой путь выбрать. Но в одно прекрасное утро, после бессонной ночи, встал с готовым решением: он пойдет с теми товарищами, которые жертвуют собой для общего блага, хотя его и влечет больше другой путь, хотя он верит, что тот путь такой же верный; но долг велит быть с единомышленниками там, где грозит больше опасности, где надо отречься от своего «Я».

Морозов оделся в платье ремесленника и, не сообщая родным ничего о себе, пришел в сапожную мастерскую и уселся учиться шить сапоги. Товарищи поняли, что Морозову не легко далось его решение, и отнеслись к нему особенно бережно и любовно.

Сапожная мастерская просуществовала недолго, так как молодежи не терпелось скорее приняться за настоящую работу. Вскоре Морозов с революционером Саблиным отправился в одно имение в Даниловский уезд Ярославской губ., где велась пропаганда среди местных крестьян. Там Морозов старался всеми силами войти в трудовую жизнь крестьян — пахал, косил, колол дрова, крыл соломой крышу, работал в кузнице. В то же время он занимался развитием крестьян, беседовал с ними, отвечал на их вопросы, объяснял различные явления природы.

Деятельность пропагандистов в деревне продолжалась недолго. Друзья предупредили их о возможном наезде полиции в имение, и всем пришлось спешно разъехаться. Морозов вернулся в Москву и узнал, что полиция его давно уже разыскивает, и что его

отец помогает ей в этих розысках. Для Морозова стало ясным, что теперь его жизнь навсегда спаяна с жизнью революционеров, что возврата к прежнему нет. Но еще важнее было то, что в его мышлении произошел некоторый переворот. До столкновения с действительностью Морозов считал, что первой задачей революционеров должна быть просветительная работа, которая подготовит почву для политической борьбы. Действительность показала ему, что раньше всего нужна борьба за освобождение, а не мирная просветительная работа.

Заниматься пропагандой в России Морозову долго не пришлось. Правительство бешено преследовало революционеров, и товарищи уговорили Морозова временно скрыться за границей. Морозов уехал в Женеву, перебравшись через границу переодетым еврейской девушкой.

В Женеве Морозов познакомился с известным эмигрантом Ткачевым, который ввел его в многочисленный кружок эмигрантов. Морозова пригласили работать в издаваемом в Женеве журнале «Работник». Он посещал всевозможные собрания и заседания эмигрантов, много читал, пополнял пробелы в познаниях по общественным наукам. В Женеве же Морозов вступил членом в «Интернационал», в секцию «Парижской Коммуны», основанную там после падения Коммуны.

Но жизнь эмигрантов с их вечными ссорами и несогласиями, разделением на множество партий и фракций, была Морозову очень не по душе. И он уходил

от эмигрантов и отдыхал в обществе нескольких русских студенток; особенно он подружился с В. Н. Фигнер, и их связала навсегда крепкая дружба.

Прожив за границей полгода, Морозов не выдержал и отправился обратно в Россию. На границе он был арестован. Морозов был привлечен к так называемому «Большому процессу 193-х», обвинявшихся в пропаганде социалистических идей. Он просидел 3 года в предварительном заключении в разных тюрьмах в Москве и в Петербурге, в очень тяжелых условиях, много болея. Но это не помешало ему серьезно заниматься и даже начать писать стихи.

Морозов, как и многие другие, был по приговору суда освобожден из тюрьмы под надзор полиции. Зато из тюрьмы Морозов вышел самым ярым сторонником активной борьбы. Он становится деятельным членом вновь народившейся революционной организации «Земля и Воля», делается редактором журнала того же названия, устраивает тайную типографию, принимает участие в знаменитых Липецком и Воронежском съездах революционеров.

Народники не могли сразу и безболезненно перейти к новой тактике — к борьбе за политическую свободу. Многие продолжали попрежнему отстаивать ту точку зрения, что конституция будет выгодна только буржуазии, что нужно всю энергию направить исключительно на распространение в народе идей социализма. Морозов принадлежал к наиболее горячим сторонникам борьбы с самодержавием за политическую свободу.

Так как Морозов хорошо владел пером, то он выступал, как партийный литератор, помещая в «подпольных» изданиях статьи о необходимости борьбы с самодержавным правительством террористическим путем.

На Липецком и Воронежском съездах обсуждалась дальнейшая тактика революционеров. Вскоре после Воронежского съезда, вместо единой партии «Земля и Воля», возникли две партии: «Народная Воля» и «Черный передел». «Народовольцы» хотели установить представительный образ правления, основанный на воле народа, т.-е. республику. Способ борьбы с существующим правительством избран был террористический. Морозов примкнул к террористам. Он был назначен одним из редакторов партийного журнала.

В конце 1879 г. Морозову, чтобы избежать ареста, пришлось вновь уехать в Женеву. И опять он не долго выдержал жизнь среди эмигрантов, хотя на этот раз ему удалось осуществить свою мечту — поступить в университет. Особенно же мучило его сознание, что в то время, как он находится в безопасности, его товарищи в России гибнут один за другим. Морозов направился в Россию и был, как в первый раз, схвачен на границе, привезен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Это было в начале 1881 года.

До суда Морозов провел в крепости целый год, Морозов был предан суду в числе 20-ти других народовольцев. Большая часть из них были осуждены на вечную каторгу, замененную одиночным заклю-

чением сначала в Алексеевском равелине, а спустя три года в Шлиссельбургской крепости.

В августе 1884 г. в Шлиссельбург поплыла первая баржа с пятью народовольцами, узниками Алексеевского равелина. Закованные в ручные и ножные кандалы, они были размещены в одиночных кельях. Кельи были расположены на подобие клеток шахматной доски. При таком устройстве невозможны были никакие сношения, разговоры и перестукивание.

С того момента, как за Морозовым захлопнулись тяжелые ворота Шлиссельбургской крепости, он очутился заживо погребенным в каменном мешке. Наступил, казалось, конец жизни, надеждам и стремлениям освободить человека от оков природы, предрассудков и невежества. Иссохло тело, изнуренное мучительными условиями тюремной жизни, но могучая, непобедимая сила ума, мысли продолжали гореть в нем ярким пламенем. Его не могли погасить бесконечные годы одиночного заключения.

Камеры, в которых жили заключенные в Шлиссельбургской крепости, представляли собою маленькие каморки, где окна с матовыми стеклами были расположены под самым потолком. «Даже минута, как вечность, долга в этой каморке в четыре шага».

Все убранство комнаты состояло из наглухо приделанных к стене железных стола, табуретки и кровати, откинутой к противоположной стене и запертой на замок, клозета и раковины с краном. В небольшое, величиною с двухкопеечную монету, отверстие

в двери постоянно заглядывал глаз часового, и это постоянное выслеживанье узника доводило заключенных до исступления.

Рано утром солдат приносил кусок хлеба и кипяток и запирал кровать на замок. Таким образом, заключенному, измученному бессонницей или ночными кошмарами, давящими, особенно вначале, всех узников, нельзя было и прилечь [1]).

Потянулись тяжелые, мрачные дни. Условия жизни временами становились легче, но все-таки это была не жизнь, а медленное умирание в каменных мешках. И немногие выдержали до конца: одни не дождались естественной смерти и покончили с собой, а другие сошли с ума.

Вот как описывает И. П. Ювачев в своей книге «Шлиссельбургская крепость» свою первую встречу с Н. А. Морозовым в этой крепости.

«Однажды летом 1885 г. приходит ко мне смотритель и спрашивает, не желаю ли я гулять вдвоем с одним из товарищей по заключению.

«— Конечно, хочу.

«Меня охватила невыразимая радость, но одновременно я почувствовал и некоторое смущение. Мне казалось, что я уже отвык от людей.

«То лето было обильно водяными крылатками. Ими усыпан был весь тюремный двор, и красные кир-

---

[1]) В музее Революции в Ленинграде полностью воспроизведена камера Шлиссельбургской крепости. Дверь с „глазком“ и с замком настоящая, взята из одной из камер Шлиссельбургской крепости.

пичные стены зданий казались от буроватых крыльев этих насекомых серыми. Их несметное множество напоминало массы перелетной саранчи на юге. Но ожидаемое свидание отодвинуло это любопытное явление на второй план. С кем мне придется увидеться, я еще не знал.

«Меня ввели в загородку, в северо-восточном углу тюремного двора, разделенную на небольшие клетки в виде секторов.

«Оставив меня в одной из них под присмотром жандармов, помещавшихся тут же, на деревянной вышке, смотритель пошел за другим заключенным.

«Через три-четыре минуты, слышу, ведут его.

«Открывается дверь, и входит высокий, страшно бледный и сильно истощенный молодой человек, с небольшой русой бородкой, в таком же арестантском костюме, как и я, товарищ по заключению, по общим страданиям!

«Но, боже мой, что за вид у него! Болезненно-худой, с тусклыми глазами: серый халат повис складками, как на вешалке, из башмаков выбились подвертки... Он не шагал, подымая ноги, а передвигал и волочил их, как старик. Пройдя два шага, он останавливается и смотрит себе под ноги, как бы выбирая место, куда встать, чтобы не раздавить крылаток.

«Я гляжу на него и поражаюсь. Можно ли заниматься в этот момент насекомыми, когда перед тобой стоит товарищ по заключению.!? Или он тоже смущен предстоящим свиданием и неловко скрывает свое смущение заботою о букашках?!.

«— Не знаешь, куда и ступить: всюду давишь их, — были первые его слова.

«— Не беспокойтесь, — заметил я ему в ответ, — этот род животных выдержал борьбу за существование дольше других. Они посильнее в этом случае и медведей.

«— Как это так?

«— Они защищены своею многочисленностью. Когда перебьют всех медведей на земном шаре, эти крылатки, наверно, еще долго будут существовать. Но, позвольте, что же это мы, не познакомившись, заговорили о каких-то букашках?

«Мы сказали друг другу свои фамилии.

«Во все время наших первых переговоров дверь была открыта, и солдаты вместе с смотрителем с видимым любопытством смотрели на наше свидание.

«Когда они ушли, Н. А., так звали моего нового товарища, спрашивает меня:

«— Вы давно в одиночном заключении?

«— Три года.

«Он недоверчиво заглянул мне в глаза и стал расспрашивать о моих занятиях.

Потом, когда через десять минут оживленного разговора мы стали друзьями, он откровенно признался:

«— А знаете ли, я ведь вас заподозрел, когда вы сказали мне, что сидите три года.

«— Почему же?

«— Да у вас блестят глаза, как будто вы вчера приехали из деревни. Я вот совсем ослабел глазами, теперь и читать не могу.

«Я объяснил ему, что прежде я тоже не мог читать, но потом, ежедневно делая холодные ванны для глаз, снова укрепил их.

«Это был Н. А. Морозов, один из редакторов «Народной Воли»... Мы виделись во время прогулок два раза в неделю. Каждый из нас приходил на свидание с кучею всевозможных вопросов, но предложить их один другому на разрешение мы никогда не успевали. Тогда мы придумали такую систему: как только встречаемся в загородке, прежде всего, выкладываем друг другу все наши заранее приготовленные вопросы. Иные сейчас же разрешались, а которые требовали более обдуманного ответа оставлялись до следующего свидания. И о чем только не переговорили мы в эти немногие минуты! К моему счастью я встретил в Морозове тоже любителя математики и астрономии. И вот здесь, «на свободе», как совершенно серьезно выражался один заключенный, Н. А. занялся бесконечными вычислениями...

«К сожалению, он настолько ослаб глазами, что временами совершенно не мог ни читать, ни писать. Иногда он выносил книгу на прогулку и просил меня прочесть наиболее заинтересовавшее его страницы. А ведь был когда-то красивый, здоровый, краснощекий юноша!

«Николай Александрович много мечтал по выходе из тюрьмы завести школу и отдать все свои силы, богатства и способности детям.

«В одиночном заключении мы все мечтали о выходе из тюрьмы, даже посаженные на долгие сроки,

и строили различные планы будущей жизни. И, сколько я заметил, почти у всех было мирное, идиллическое настроение, у всех тяготение к природе».

По мере того, как протекали годы, узники Шлиссельбургской крепости, постепенно отвоевывали себе разные права: право на некоторое подобие общественной жизни, так как одиночный режим понемногу ослаблялся, право на осмысленную работу, которая выражалась в устройстве огородиков, мастерских, право на серьезный научный труд.

Мастерские и огороды имели важное значение для узников не только потому, что спасали их, может быть, от сумасшествия, давая им занятие и отвлечение, и поддерживая их физическое здоровье, — эти мастерские и огороды пробивали брешь в системе полного одиночного заключения. Как ни старались жандармы изолировать заключенных, работы требовали иногда коллективности и постепенно, шаг за шагом, благодаря огородным и особенно ремесленным работам, шлиссельбуржцам удавалось отвоевывать себе право на общественную жизнь. А лишение ее было для них, пожалуй, худшим из всех их бедствий и страданий.

Конечно, не все с одинаковым увлечением отдавались физическому труду. Морозов, весь поглощенный чистой наукой, работал в мастерских мало. Зато он принимал живейшее участие в тех работах и занятиях, которые были связаны с наукой. Так в 1897 г.

шлиссельбуржские узники узнали, что в Петербурге существует Подвижной Музей учебных пособий. М. В. Новорусскому пришло в голову попытаться завести сношения с музеем, чтобы получать от него коллекции для научных работ. Поделившись своей мыслью с некоторыми товарищами, предприимчивый заключенный получил всеобщее одобрение своему плану. Незадолго до этого узникам было запрещено получать книги из петербургской общественной библиотеки, — льгота, которую они одно время получили после долгой борьбы со своими тюремщиками и которой пользовались сравнительно широко. Отсутствие книг было особенно заметно и тяжело для тех, кто занимался какими-нибудь научными работами или самообразованием. «Мы решили (кажется, Вера Николаевна, Н. А. Морозов и я), — пишет Новорусский в своих «Записках», — позвать Гангарта (начальника тюрьмы) и предложить на его усмотрение нашу идею. Тот сразу же и охотно согласился, так охотно, что я даже удивился. Обыкновенно в подобных случаях все же приходилось поторговаться с ним. Здесь же стояло новшество, из которого «как бы чего-нибудь не вышло!» Но тогда у нас высоко стояло имя «науки», и Гангарт считался меценатом ее. Он сам предложил в качестве посредника для сношений с музеем доктора Безроднова и простодушно сознался, что сам он в этих делах профан и поэтому не может вести дело лично.

«Это было нам как раз на руку. Доктор этот еще недавно поступил к нам, и мы знали только, что он

добродушный малый. Взялся он за этот нелегкий труд охотно и вскоре же доставил нам по нашему заказу первую коллекцию по минералогии. Таково было скромное начало. Приступая к нему, мы еще не предвидели, как далеко мы пойдем по пути знакомства с музеем, и тем более не мечтали о сотрудничестве в нем. За минералогией последовали палеонтология, затем геология и петрография (наука о земле и наука о горных породах), кристаллография (наука об окаменелостях), физика, технология, ботаника, зоология и даже география...

«Когда мы обращались в музей впервые, мы думали, что наши сношения с ним будут только односторонними, т.-е. будем пользоваться готовым, что там есть. Но музей еще организовывался и был тогда крайне беден. Многие коллекции, очевидно, подаренные, были очень убоги и, так сказать, сами напрашивались на ремонт. Первый обратил на это внимание Н. А. Морозов и начал делать ящики для палеонтологических образцов, приводя их в систему».

В течение 4-х лет шлиссельбуржцы были в живейших сношениях с музеем. Они начали получать от него заказы на приведение в порядок гербариев и других коллекций, составляли даже сами новые коллекции и вообще исполняли для музея много различных работ. В общем заключенными были составлены или систематизированы десятки коллекций по ботанике, минералогии и геологии, по зоологии, по химии и технике, по географии, было исполнено также множество столярных и картонажных работ

(ящиков к физическим приборам, коробок, папок, и т. д.) Во многих из этих работ Морозов принимал живое участие.

Кроме того, благодаря содействию того же доброго друга заключенных, — доктора — Морозову удалось добыть самые необходимые реактивы и кой-какую химическую посуду, и он начал читать курс химии некоторым товарищам.

Так шли годы, и несмотря на все старания тюремщиков погасить всякую жизнь, внутри крепости все же шла своя жизнь. Почти каждый из узников жил, особенно в первые годы строгого одиночества, своей глубокой внутренней жизнью, а затем наступила пора и жизни общественной.

---

28 октября 1905 г. раскрылись тяжелые ворота Шлиссельбургской крепости, и Н. А. Морозов, в числе других восьми узников, очутился на свободе, после почти 25-летнего одиночного заключения.

Несмотря на расстроенное здоровье, он сохранил во всей полноте свои умственные силы, вынес из мрака неволи неугасимую любовь к человечеству и науке. Н. А. сейчас же окунулся в кипучую Петербургскую жизнь. Он принялся за научную и педагогическую деятельность, за издание своих трудов, ездил в 1908 г. в Париж делать доклад на заседании французского астрономического общества. В настоящее время Н. А. Морозов из'ездил всю Россию, читая популярно-научные лекции, всюду вызывая горячие симпатии слушателей, насаждая, выращенные во мраке казема-

тов ростки общеполезных знаний. Им был выпущен целый ряд больших научных сочинений.

Полный интереса ко всем впечатлениям жизни, предвидя громадную будущность воздухоплавания и считая его величайшим благом для человечества, Морозов стал увлекаться авиацией. Он изучил законы воздухоплавания, получил звание пилота и стал читать лекции по воздухоплаванию.

На старости лет Морозову еще раз пришлось попасть в заключение. В 1912 г. он был заключен на год в Двинскую крепость за сборник своих стихотворений. Он отнесся к этому испытанию спокойно. В Двинской крепости он опять ушел весь в свою научную работу, как раньше делал это в Шлиссельбургской. Там же он написал четыре тома «Повести моей жизни», изучил еврейский язык, написал много стихотворений и статей.

Выйдя на свободу из каменного мешка Шлиссельбургской крепости, Н. А. Морозов очутился в резко изменившихся условиях русской жизни. И эти изменения становились с каждым годом все заметнее и резче. Н. А. Морозов не отстает от новой жизни, от новых людей, хотя и не принимает участия в политической жизни страны, отдавшись всецело научной просветительной работе, которая является его родной стихией и наиболее соответствует его природным стремлениям.

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ Н. А. МОРОЗОВА.

ЗАВЕТ.

Когда овладеет душою печаль,
Ты вспомни, что скрыта грядущего даль
В тумане от нашего взора,
Что жизнь наша часто мучений полна,
Но вдруг озаряется счастьем она,
Как полночь огнем метеора.
Не надобно, друг мой, излишних вериг:
Ведь каждый мучительно прожитый миг
На близких тебе отзовется!
Всецело должны мы для ближнего жить,
Должны для него мы себя сохранить
И бодро с невзгодой бороться!
В тяжелые дни испытаний и бед
Дает нам вселенная вечный завет,
Который гласит всем скорбящим:
«В несчастьи — грядущим и прошлым живи,
А в счастьи — живи настоящим!»

1900 г.

ПРОСТИ!

(В. Н. Фигнер, перед ее отъездом из Шлиссельбургской крепости).

Пусть, мой друг дорогой, будет счастлив твой путь,
И судьба твоя будет светлей,
Пусть удастся тебе поскорее стряхнуть
Злые чары неволи твоей.
Скоро, милый мой друг, вновь увидит твой взор
Лица близких, родных и друзей,

Окружит тебя вновь беспредельный простор
И раздолье лугов и полей,
Ночью встретят тебя и развеют твой сон
Миллионами звезд небеса,
И увидишь ты вновь голубой небосклон,
И холмы, и ручьи, и леса...
Все, чего столько лет ты была лишена,
Что в мечтах — обаянья полно,
Вдруг воскреснет опять, и нахлынет волна
Прежних чувств, позабытых давно.
Пусть же, милый мой друг, будет счастлив твой путь!
Скоро будешь ты снова вольна
И успеешь уставшей душой отдохнуть
От тяжелого, долгого сна!

1904 г.

ДРУЗЬЯМ.

(Посвящается Вере Фигнер).

В долгой, тяжелой разлуке
Целые годы прошли;
Горя, страданья и муки
Много они принесли...
Стал я о воле смутнее
Помнить, как будто во сне...
Только друзья все яснее
Здесь вспоминаются мне.
Часто сквозь сумрак темницы,
В душной каморке моей
Вижу я смелые лица
Верных свободе людей.
Часто, как будто живые,
В этой тиши гробовой

Образы их дорогие
Ясно встают предо мной...
Все здесь они оживляют,
Все согревают они,
Быстро в душе пробуждают
Веру в грядущие дни...
Кажется, вот раздается
Голос их здесь в тишине...
Словно струя пронесется
Воздуха с вами ко мне!
Знаю я, темные силы
Их не согнут перед злом, —
Будут они до могилы
Биться с народным врагом.

Петропавловская крепость, 1875 г.

ЗИМОЙ.

Полно убиваться!
        Полно тосковать!
Пусть снега кружатся
        Под окном опять,
Пусть мятель ссыпает
        Горы у ворот,
Летом все растает —
        И снега, и лед!
Полно убиваться!
        Полно тосковать!
Пусть невзгоды злятся
        Над тобой опять!
Хоть вражда пускает
        Все гоненья в ход —
С волей все растает;
        И вражда, и гнет!

Вера Николаевна
Фигнер

ВЕРА НИКОЛАЕВНА ФИГНЕР.

«Пусть насилья законы бессмысленные
Налагает на нас произвол,
Не помогут вам казни бесчисленные,
И падет угнетенья престол.
Вы не страшны для нас, угнетающие,
Хоть умрем мы в глуши от меча,
Вечной жизни струи обновляющие
Не пресечь вам рукой палача».

Н. Морозов.

В. Н. Фигнер принадлежит к славному стану революционеров-«народовольцев», с именами которых связано не мало крупных дел, ускоривших неизбежный ход русского революционного движения.

Вера Николаевна Фигнер родилась в Казанской губ. в 1852 году в богатой дворянской семье. В 1869 году она кончила институт в Казани. Вскоре по окончании института она вышла замуж, но прожила с мужем недолго, разошлась с ним и стала жить самостоятельно.

В 1872 г. Фигнер уехала за границу, в Швейцарию и прожила там три с половиной года. Она поселилась в Цюрихе и стала изучать медицину. В Швейцарии жило много русских эмигрантов. Вера

Николаевна сблизилась с эмигрантскими кружками и таким образом окунулась в революционную среду. В это время во всей Западной Европе происходило революционное брожение и идеи социализма могущественно захватывали умы: были еще свежи воспоминания о раздавленной в 1871 г. Парижской Коммуне, развивалась деятельность Интернационала, в Испании вспыхнула революция. Вихрь социального движения, конечно, должен был произвести на Фигнер огромное впечатление.

В декабре 1875 года Вера Николаевна вернулась на родину. К этому времени большинство ее друзей из цюрихского кружка не только перебрались в Россию, но сидели уже по разным тюрьмам. Благодаря приобретенным за-границей медицинским знаниям, Фигнер удалось занять в Петровском земстве, Саратов. губ., должность фельдшерицы. Но отдаться мирной работе не было возможности. Вот как описывает сама Фигнер те условия, при которых ей пришлось работать в деревне:

«В очень скором времени против меня составилась целая лига, во главе которой стоял предводитель дворянства и исправник, а в хвосте: урядник, писарь и т. д. Про меня распространяли всевозможные слухи: и то, что я беспаспортная — тогда, когда я жила по собственному виду — и то, что диплом у меня фальшивый, и проч. Когда крестьяне не хотели итти на невыгодную сделку с помещиком, говорили, что виновата Филиппова (фамилия В. Н. по мужу): когда волостной сход уменьшал жалованье писарю.

утверждали, что виновата в этом фельдшерица. Производили гласные и негласные дознания; приезжал исправник; некоторые крестьяне были арестованы; при допросе их фигурировало мое имя; было два доноса губернатору. Вокруг меня образовалась полицейско-шпионская атмосфера. Меня стали бояться. Крестьяне обходили задворками, чтобы притти ко мне в дом».

И вот Вера Николаевна решила бросить опостылевшую жизнь, в которой была невозможна никакая мирная работа на пользу народа, и перейти к чисто революционной деятельности.

Фигнер переехала в Петербург, сблизилась с социально-революционной партией «Земля и Воля» и вскоре сделалась ее деятельным членом. Она занялась пропагандой социализма в деревне. С этой целью она несколько раз уезжала в приволжские губернии как фельдшерица, обучала также крестьянских ребят и в то же время вела пропаганду среди взрослого населения.

В 1879 г. партия «Земля и Воля» прекратила свое существование. Вместо нее народилась партия «Народной Воли», которая совершенно изменила способ революционной борьбы: главным орудием борьбы партии «Земли и Воли» была пропаганда. Главным орудием партии «Народной Воли» становится планомерный террор. Фигнер, как и Перовская, Желябов, Морозов и многие другие «землевольцы», переходит в стан «народовольцев» и делается террористкой.

Партия «Народной Воли» принялась немедленно же с огромной энергией разрабатывать план своих действий. Фигнер в них участвовала. Она поселилась сначала в Лесном (под Петербургом), а потом переехала в Петербург в квартиру, которая служила местом собраний террористов.

Исполнительным Комитетом партии, в который вошла и В. Н. Фигнер, решено было организовать покушение на императора Александра II в трех различных пунктах при возвращении его из Крыма в столицу. Этими пунктами были Москва, Харьков и Одесса. Все покушения должны были произойти посредством взрыва полотна железной дороги.

В. Н. Фигнер было поручено организовать покушение в Одессе.

Фигнер так рассказывает сама об этом деле:

«Получив нужный запас динамита, я отправилась с ним в Одессу, должно быть в первых числах сентября; там я застала одного только Кибальчича, который заявил мне, что надо поторопиться устройством общественной квартиры, необходимой для совещания, опытов, хранения вещей, нужных для взрыва. Через несколько дней мы нашли подходящее помещение, где поселились вдвоем под именем Иваницких. Вскоре приехали Колодкевич и Фроленко, а позднее Лебедева. Наша квартира была местом общих встреч и свиданий, в ней происходили все совещания, хранился динамит, сушился пироксилин, приготовлялись запалы, и т. д., словом, совершались все

работы под руководством Кибальчича, но при помощи и иногда очень существенной — со стороны других, включая и меня.

«На первых же порах надо было составить план, каким образом и где подвести мину под полотно железной дороги... Думали, что самое лучшее было бы кому-нибудь из своих получить место железнодорожного сторожа и из будки провести мину; относительно момента действия нельзя было вообразить себе ничего более удобного и верного. Я предложила свои услуги добыть такое место. В случае удачи мы решили, что его займет Фроленко, а если ему нужно будет явиться семейным человеком, то роль его жены возьмет на себя Лебедева...»

И, действительно, Фигнер с большой ловкостью устроила это дело.

Разодетая, как следует быть даме-просительнице, она явилась в управление железной дороги просить место «молодому человеку», которому она покровительствует. Место было любезно обещано. Вернувшись домой, Вера Николаевна собственноручно написала паспорт для Фроленко на имя мещанина Семена Александрова, и на другой же день Фроленко переселился в железнодорожную будку в 11 верстах от Одессы.

Покушения под Одессой произведено не было, так как Александр II через нее не проезжал. Взрыв произошел под Москвой, где работала Перовская, но взрыв не удался.

Весной 1880 г. Фигнер получила новое предписание от Исполнительного Комитета партии: органи-

зовать совместно с Перовской и Саблиным, по их плану, новое покушение на царя, опять в Одессе. В этом деле на долю Фигнер выпала, по ее собственному предложению, забота по добыванию средств на нужды предприятия: кроме того, квартира была сборным пунктом всех участников, в нее же сносили всю землю, вырытую при подземных работах. Сама Фигнер так рассказывает об этом втором деле: «Лавка была нанята на Итальянской улице, и тотчас же было приступлено к работе: надо было спешить, государя ждали в мае, а наши приготовления происходили в апреле. Между тем, работать можно было только ночью, так как проведение мины начато было не из жилых комнат, а из самой лавочки, куда приходили покупатели. Мы предполагали провести ее не посредством подкопа, а при помощи бурава. Работа им оказалась очень трудной, почва состояла из глины, которая забивала бурав, он двигался при громадных физических усилиях и с медленностью поразительной; в конце концов мы очутились под камнями мостовой, бурав пошел к верху и вышел на свет божий. Вскоре при неосторожном обращении с гремучей ртутью Григорию Исаеву (одному из участников) оторвало три пальца. Он перенес это как стоик, но мы были в высшей степени огорчены. Он должен был лечь в больницу; после этого все вещи, динамит, гремучая ртуть, проволока и проч. хранившиеся у него, были перенесены ко мне, так как мы боялись, что грохот взрыва в его квартире мог обратить на себя внимание всего дома. Одним работником сделалось меньше...

«Было решено, бросив бурав, провести подкоп в несколько аршин длины и уж с конца его действовать буравом; землю должны были складывать в одну из жилых комнат, по окончании работы мы решили непременно всю ее вынести вон, на случай осмотра домов на пути следования царя. Поэтому мы заранее начали уносить ее, кто сколько мог, и выбрасывать. У себя в квартире я нашла место, куда можно было сложить массу этой земли. Ее привозили и приносили ко мне в корзинах, пакетах, узлах, которые я опорожняла, пользуясь отсутствием домашних и отсылая прислугу с поручениями...»

И во второй раз весь этот тяжелый и опасный труд революционеров в Одессе оказался напрасным. Слухи о поездке Александра II в Крым замолкли, от Комитета пришел приказ прекратить работу. Лавку закрыли, подкоп засыпали той же землей, которую женщины ночью перетаскивали в мешках из жилой комнаты и опускали в подвал, а мужчины зарывали подкоп и утаптывали рыхлую землю. Когда все было приведено в надлежащий порядок, революционеры разъехались. Уехала в Петербург и Фигнер.

После одесских предприятий В. Н. Фигнер продолжала так же неутомимо работать в Петербурге. Время от осени 1880 г. до начала 1881 г. было посвящено, главным образом, пропаганде и организационной работе. Заводились обширные связи с провинцией, организовывались в них местные группы, вырабатывались подробные планы действий по от-

дельным местностям, агенты партии разъезжали по всей России, потом вновь съезжались в Петербурге для представления отчетов Исполнительному Комитету и получения новых заданий. Во всех работах Исполнительного Комитета Фигнер принимала деятельное участие.

С начала 1881 г. Исполнительный Комитет приступил к организации нового покушения на Александра II, выполненного 1-го марта и окончившегося смертью царя и его убийцы (Гриневицкого).

В. Н. Фигнер была одним из деятельных участников организации 1-го марта. В ее квартире была устроена лаборатория для изготовления метательных снарядов. Метательные снаряды, одним из которых и был убит Александр II, изготовлялись в последнюю ночь, и Вера Николаевна сама помогала в их изготовлении, обрезывала жестянки, служившие для них оболочкой, отливала грузы для запалов и т. д.

Первого марта Вера Николаевна должна была оставаться дома до 2-х часов дня, так как было решено, что если будет произведен взрыв на Малой Садовой улице, то участники его (Кобозевы) придут в квартиру Фигнер. Так как никто из них к назначенному сроку не явился, то Вера Николаевна была вполне уверена, что покушение отложено, и ушла из дому. На улице она узнала о совершении покушения. Нужно было иметь самообладание Фигнер или Перовской, чтобы после этого вернуться на квартиру, где еще валялись части тех снарядов, которые только что своим взрывом потрясли всю Европу. Фигнер это сделала, Мало

того, она пробыла на своей квартире до 5-го апреля, несмотря на то, что полиция неутомимо гонялась за народовольцами. Аресты следовали один за другим.

3-го апреля была совершена казнь Перовской, Желябова, Кибальчича, Тимофея Михайлова и Рысакова. Вера Николаевна оставалась на своем посту. Ее квартира по какой-то непонятной случайности все еще не была открыта полицией, и к ней постепенно стекалось все имущество революционеров. У нее хранились типографские принадлежности, составные части снарядов, документы, переписка, паспорта. Все издания типографии «Народной Воли» переносились в квартиру Фигнер.

Наконец, 4-го апреля, Вера Николаевна решила убрать все ценное из своей квартиры. Оказалось, что решение было принято во-время. Когда на другое утро, 5-го апреля 1881 г., в квартиру Фигнер явилась полиция, то она нашла ее пустой. Только на столе весело шумел самовар, и в чашке остывал недопитый Верой Николаевной чай.

Фигнер скрылась на юг России. Там она принимала участие еще в одном террористическом действии. Ею было организовано, совместно с Халтуриным, убийство киевского военного прокурора генерала Стрельникова, злейшего врага и гонителя революционеров.

В 1883 г. В. Н. Фигнер была арестована в Харькове, так как ее узнал на улице один предатель. Приговором военного суда Фигнер была присуждена

к смертной казни через повешение. Казнь ей заменили пожизненной каторгой.

Вместо отправки в каторжную тюрьму, ее заключили в одиночный каземат Шлиссельбургской крепости, где она пробыла ровно 20 лет.

В Шлиссельбургской крепости В. Н. Фигнер пользовалась большим уважением и любовью всех товарищей по заключению. В одно время с Фигнер в Шлиссельбурге была заточена еще только одна женщина — Людмила Александровна Волкенштейн, присужденная за участие в убийстве Харьковского губернатора князя Кропоткина (двоюродного брата знаменитого анархиста Кропоткина) к смертной казни. Казнь была заменена 15 годами Шлиссельбургской крепости.

К обеим женщинам все товарищи по заключению относились с особой заботливостью и, насколько это позволял суровый режим крепости, старались скрасить и облегчить их печальную жизнь. Когда путем долгой борьбы, узникам, по прошествии многих лет полного одиночного заключения, удалось добиться некоторых льгот в виде прогулок парами, возделывания огородиков на крепостном дворе, работ в мастерских, товарищи постоянно старались чем-нибудь порадовать обеих узниц; выращивали для них цветы, какую-нибудь особенную овощь, ягоды, из которых варили варенье, изготовляли в мастерских разные приспособления и украшения для их камер, выпиливали и вытачивали им в подарок разные изящные безделушки, посвящали им свои стихи (среди узников Шлиссель-

бургской крепости были и поэты), читали им целые курсы по разным наукам.

В свою очередь обе узницы оказывали своим товарищам тоже всяческую поддержку, и возможно, что поддержка двух женщин была еще значительнее. Они утешали их, поддерживали в них бодрость, помогали бороться с припадками отчаянья, тоски. Они сами понимали, как велико их влияние на товарищей, как они нужны им.

«Тяжело было Л. А. покинуть нас после стольких лет общей жизни, полной всевозможных невзгод», — говорит в своих воспоминаниях о Волкенштейн В. Н. Фигнер. «Она любила нас... и знала, что для некоторых нужна, как свет, как воздух. Нежная заботливость об этих лицах сказывалась много раз в последних ее беседах со мной, когда она просила меня не забывать, что для них ее отъезд особенно тяжел... Последний час перед отъездом Л. А. провела в моей камере. Все время она плакала, я утешала...»

Обеих узниц соединяла самая нежная, хорошая дружба. «У нас не было никого и ничего, кроме друг друга»,—говорит Фигнер в другом месте тех же воспоминаний, описывая первые годы шлиссельбургской жизни. «Мы были оторваны от жизни и деятельности, отрезаны от человечества и родины, лишены друзей, товарищей и родных. Не только люди, но и природа, краски, звуки все исчезло... Вместо этого был сумрачный склеп с рядом таинственно замуравленных ячеек, в которых томились невидимые люди, зловещая тишина и атмосфера насилия, безумия и смерти...»

В. Н. Фигнер вышла из Шлиссельбургской крепости в конце 1904 г., но и после этого ее не оставили в покое. До самой революции 1917 г. она жила под бдительным надзором полиции в ссылке. И только после 17-го года Фигнер получила возможность жить спокойно и заниматься мирной просветительной работой, к которой тяготела смолоду и которую была вынуждена сменить на бурную жизнь террористки.

Когда в 1884 г. Фигнер предстала перед военным судом, прокурор выразил недоумение, как могла сделаться террористкой женщина из почтенной семьи, получившая хорошее воспитание и образование, как она могла «жаждать крови».

На это Вера Николаевна ответила такими словами: «Я всегда требовала от личности, как от других, так, конечно, и от себя, последовательности и согласия слова с делом, и мне казалось, что раз я теоретически признала, что только насильственным путем можно что-нибудь сделать, то я обязана принимать непосредственное участие в тех насильственных действиях, которые будут приняты той организацией, к которой я примкнула. К этому меня принуждало очень многое. Я не могла бы с спокойной совестью предлагать другим участие в насильственных поступках, если бы я сама не участвовала в них, и только участие давало мне право обращаться с различными предложениями к другим лицам. Собственно, организация предпочитала употреблять меня на другие цели, на пропаганду среди интеллигенции, но я хотела и требовала себе другой роли. Я знала, что суд всегда обратит внима-

ние на то, принимала ли я непосредственное участие в деле; что и общественное мнение, которое имеет возможность свободно у нас выражаться, обрушивается всегда с наибольшею силой на тех, кто принимал непосредственное участие в насильственных действиях; так что я считала просто подлостью толкать других на тот путь, на который сама бы не шла. Вот объяснение той «кровожадности», которая должна казаться такой страшной и непонятной, и которая выразилась в тех действиях, одно перечисление которых показалось бы суду циничным, если бы они не вытекали из таких мотивов, которые, во всяком случае, мне кажется, не бесчестны».

Эти слова яснее длинной характеристики обрисовывают нам нравственный облик Веры Николаевны Фигнер.

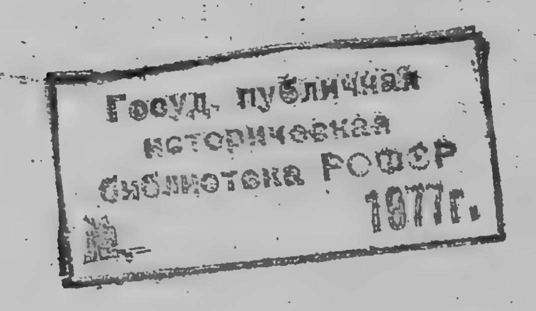
К Л. А. ВОЛКЕНШТЕЙН.

Не на воле широкой — под сводом тюрьмы
Мы впервые с тобой повстречались
В те тяжелые дни, когда с жизнью мы
Пред суровою карой прощались...
Было мне в эти дни не до новых людей;
Жизнь прошедшая мне рисовалась...
Проходил предо мной ряд погибших друзей,
Братство славное мне вспоминалось...
С этим братством несла я тревоги борьбы —
Силы сердца ему отдавала:
Все несчастья, измены, удары судьбы
До последнего дня разделяла...

Но союз наш, борьбою расшатанный, пал,
Неудачи его сокрушили:
Беспощадно суд смертью одних покарал.
В равелине других схоронили...
И пришлось в день расчета одной мне предстать
С грустным взором, назад обращенным,
Между новых людей одинокою стать
С думой тяжкою, с сердцем стесненным...
Мудрено ль, что тебе, как подруге чужой,
Равнодушно я руку пожала?
Жизнь кончалась, и ночь надо мной
Свой туманный покров расстилала...
И не думала я, что со мной ты войдешь
В эти стены делить одно бремя,
Что в тебе я опору и друга найду
В безрассветное, трудное время!

В. Фигнер.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОЧЕРКИ СОСТАВЛЕНЫ ПО СЛЕДУЮЩИМ ИСТОЧНИКАМ:

Н. Котляревский. Рылеев. „Светоч“ 1908. Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей, т. I. Г. Карасик. К. Ф. Рылеев — певец борьбы и свободы. СПБ. 1906. К. Левин. Декабристы. „Пролетарий“ X. 1923. Н. Павлов-Сильванский. П. И. Пестель. Гос. изд. 1919. С. Берсенев. С. И. Муравьев-Апостол. „Альциона“ М. 1920. П. Щеголев. П. Г. Каховский. Гиз. 1921. П. А. Первые борцы за свободу. Декабр. М. С. Лунин. П. 1917. С. Штрайх. Восстание Семеновского полка. 1820. Гиз. 1920. В. Демор. М. В. Петрашевский. Гиз. 1920. Вяч. Полонский. М. А. Бакунин. Гиз. М. 1920. Бакунин. „Бог и государство“. „Государственность и анархия“. Избран. соч. в 5 томах „Голос труда“. М. Рабоче-крестьянский календарь на 1922 г. М. А. Бакунин. В. Богучарский. А. И. Герцен. 1912. Ч. Ветринский. Герцен. Рабоче-крестьянский календарь на 1922 г. А. И. Герцен. 1908. В. Богучарский. Активное народничество 70-х г. 1912 г. Б. Глинский. Революционный период русской истории 1861—81 г. 2 т. 1913. М. Коваленский-Нечаев. Русская революция в судебных процессах и мемуарах кп. I „Мир“ М. 1923. А. Шилов. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. Гиз. П. 1920. М. Коваленский. В. И. Засулич. Русская революция в суд. процес. и мемуар. кн. 2 „Мир“. М. 1923. Кропоткин. Записки революционера. Кропоткин. „Речи бунтовщика“. „Коммунизм и анархия“. „Анархия“. „Хлеб и воля“. „Завоевание воли“. Изд. „Голоса труда“. М. Гранат. Энциклопедический словарь, Герцен. И. Майнов. П. А. Алексеев. „Красная Новь“. М. 1924. М. Коваленский. П. А. Алексеев. Русская революция в судебн. процес. и мемуар. кн. 1 „Мир“. М. 1923. Рабоче-крестьянский календарь на 1822. Гиз. П. Ю. Стеклов. Степан Халтурин. Гиз. 1923. Рабоче-крестьянский календарь на 1922. С. Н. Халтурин. Н. Ашешов. А. И. Желябов. Изд. Сов. Раб. и Кр. Д. П. 1919. Н. Ашешов. С. Перовская. Гиз. П 1921. Л. Круковская. Н. А. Морозов. Гиз. П. 1920. М. Новорусский. Записки Шлиссельбуржца. Гиз. П. 1920. Герои русской революции. В. Н. Фигнер. Вып. 1. Л. А. Волкенштейн, вып. 3.

Цена 1 р. 75 к.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Петровка, 7. Книжный склад „Маяк“ Всесоюзного Общества Политкаторжан, телеф. 4-18-12 и 3-63-20.

